

БАКУ
ЯЗЫЧЫ
1989

КНИГА ОТЦА НАШЕГО КОРКУТА

Огузский героический эпос

Перевод
Аллы АХУНДОВОЙ

С(Аз) 1

Перевод с древнетюркского
Аллы АХУНДОВОЙ

Вступительное слово и комментарии переводчика
Редактор и автор предисловия
доктор филологических наук профессор Х. Г. Короглы

Рецензенты
кандидат филологических наук
С. Ализаде, С. Мамедзаде

К 53 Книга отца нашего Коркута. Б: Язычы, 1989 — 224 с.

ISBN 5—560—00136—8

Это книга легенд и преданий об огузах, которые послужили основой для создания огузского героического эпоса «Китаби дадам Коркут» — Книга отца нашего Коркута — первого значительного литературного памятника азербайджанского народа.

Книга включает двенадцать сказаний — огузнаме, и условно названа «Дрезденской рукописью» по месту хранения. По своему идейно-тематическому и художественному богатству, языковым особенностям этот замечательный эпос снискал всемирную славу.

4702060200—94

К ————— 152—88

М-656—88

С (Аз) 1

© Язычы, 1989

О КНИГЕ И ЕЕ СОЗДАТЕЛЯХ

«Книга моего деда Коркута на языке племен огузов» — письменный памятник огузского эпоса, написанный в 887 г. х. (1482 г.) Судя по декоративной «подписи» на ее титуле, можно предположить, что ее автором или составителем был некий Абдаллах ибн Фарадж. Книга включает 12 сказаний — огузнаме и условно названа «Дрезденской рукописью» по месту хранения.

Существует еще одна рукопись, названная «Хикайат-и огузнаме-и Казанбек ва гейрох» («Повесть-огузнаме о Казан-беке и других»). Она включает 6 сказаний — огузнаме и хранится в библиотеке Ватикана, отсюда ее условное название «Ватиканская рукопись». Мы пока не располагаем точными данными ни о времени написания этого памятника, ни о его авторе.

Обе рукописи опубликованы и изучены достаточно подробно как зарубежными, так и русскими и советскими тюркологами.

Кто такие огузы, оставившие о себе памятник мирового значения?

Огузами называли племенной союз тюрков гуннского происхождения. Прибыв в Азербайджан, они столкнулись с довольно компактным тюркоязычным населением, главным образом, также гуннского происхождения, ставшим уже коренным населением Азербайджана. Впоследствии огузы по языковому признаку явились одним из основных компонентов этногенеза азербайджанского народа.

Как этническая группа огузы впервые упоминаются в древнетюркских рунических памятниках, датируемых VI—VIII вв. Они постепенно продвинулись из Южной Сибири на запад, в район средней и нижней Сырдарьи и в местность между Эмбой и Яиком, где их застал посланник Халифа Ибн Фадлан, совершивший в начале X в. путешествие к волжским булгарам.

В первой половине IX в., когда арабское завоевание Средней Азии было завершено, в арабских источниках начинают появляться сведения о том, что в IX — начале X в. огузы населяли огромную степную полосу к северу от низовья Сырдарьи и Аральского моря до хазар на востоке и волжских булгар на западе. Позднее военный союз огузов продвинулся на запад, вплоть до Волги. Войдя в соприкосновение с хазарами, огузы то вели войны против них, то выступали на их стороне как наемники.

Хотя в IX веке огузские племена жили компактно и занимали большую территорию в среднеазиатских степях, в источниках они упоминаются еще редко. В этот период чаще говорится о тюрках вообще. Картина резко меняется в X в. Теперь огузы повсеместно господствуют на громадном степном пространстве Северного Туркменистана и Юго-Западного Казахстана. Этот край получает название «гузские степи» («Дашт-и гузан»).

По традиции огузы делятся на 24 племена. Главным среди огузов Махмуд Кашгари (XI в.) называет племя кынык. На второе место он ставит племя кайыг (кайы), которое в дальнейшем, в XIV—XV вв., уже в Малой Азии, возглавило державу османов. Третьим он называет племя баяндур, тоже игравшее большую роль в государственной организации огузов. Оно возглавляло племенное объединение, создавшее в средние века мощную державу Ак-Коюнлу в Азербайджане, Иране и Малой Азии. Баяндур в «Китаби дадам Коркут» — этноним, хан огузского иля.

Племя баят дало известных деятелей культуры, в том числе прославленного на весь мир поэта-гуманиста Физули (1498—11556). Одна из ведущих фигур «Китаби дадам Коркут», древний старец Коркут, также принадлежит к племени баят.

Заслуживают особого внимания еще два племени: афшар и салгур, известное больше как салор или салур. Первое неоднократно играло видную роль в исторических событиях на Ближнем и Среднем Востоке. Например, в XVIII в. Надир-шах Афшар (1688—1747) объединил распавшуюся державу Сефевидов (1502—1736) и распространил свою гегемонию от Индии до Черного моря. Племя салор часто упоминается в народном творчестве восточных огузов. В «Китаби дадам Коркут» одна из центральных ролей отведена Салур-Казану.

Таким образом, эти пять из двадцати четырех племен представлены не только в фольклоре, но и в истории огузов, переселившихся на запад. Остальные огузские племена, перечисленные в труде Махмуда Кашгари, сохранив до наших дней древние этнонимы, обитают главным образом в Азербайджане, Малой и Средней Азии.

Наука располагает теперь множеством письменных источников, сохранивших до наших дней легенды и предания об огузах, которые, как мы увидим ниже, послужили основой для создания огузского героического эпоса «Китаби дадам Коркут». Ниже мы остановимся на характеристике важнейших из них и проиллюстрируем их связи с огузским эпическим памятником.

Наиболее ранние и полные сведения об огузской древности оставил нам турецкий историк XIII в. Ибн Биби в своей книге «Сельджукнаме» на персидском языке, переведенной на турецкий язык в XVI в. Языджи-заде Али. В турецкой научной литературе этот труд в большинстве случаев называется «Огузнаме» Языджиоглу Али.

В «Сельджукнаме» Ибн Биби даются нормы быта, особенно в отношении женщин, и обычаи кочевников: женщина в отсутствие мужа занимала главенствующее положение в семье. Она должна была уметь не только управлять хозяйством, но и достойно принимать гостей. Такие требования предъявляет к женщине Бамси-Бейрек, герой III сказания «Китаби дадам Коркут».

В числе могущественных правителей огузов Туркестанского царства «Сельджукнаме» называет род салоров. Это отражает эпическую историю огузов в «Китаби дадам Коркут», где Салур-Казан носит эпитет «Опора Туркестана» («Туркестанын диреги»). Ибн Биби воспроизводит легенду о разногласиях между двумя крылами огузов, в результате которых на совещании старейшин власть была передана левому крылу во главе с Лукманом (праотец Сельджукидов). Эта легенда получила развернутую форму и составляет последнее (XII) сказание «Китаби дадам Коркут».

В «Сельджукнаме» говорится о том, что на султана Санджара напал китайский Ильхан. Победив Сельджукида, взял в плен его мать — Туркан-хатун, которую он вернул Санджару лишь через год. Аналогичный эпизод находим у среднеазиатского историка XVII в., автора «Родословной туркмен», хивинского хана Абулгази (1663—1687). Он пишет о том, что в войне с печенегами мать Салур-Казана была захвачена в плен и только через год освобождена за большой выкуп. В «Китаби дадам Коркут» этот эпизод развернут в сказание о разграблении дома Салур-Казана (II).

Арабо-персидские авторы, используя различные источники, включали в свои труды много интересных сведений о тюрках, в частности, об огузах, с которыми они имели тесные контакты. Наиболее полные сведения о древних тюрках сообщает лейбврач и историк монголов Фазлаллах Рашидаддин Хамадани (1247—1318). Он — автор обширного труда «Сборник летописей» («Джами ат-таварих»), первая часть которого, завершенная в 1310 г., посвящена огузам. Версия родословной огузов у автора совпадает с анонимной книгой «Краткие истории и рассказы» («Муджмал ат-таварих ва-ль-кысас»), написанной в 1126 г., автор которой черпал сведения из письменных и устных источников, о чем сообщается в ремарках: «Так я читал», «Так я слышал». Генеалогические мифы, включенные в этот труд, заимствованы главным образом у ранних арабоязычных авторов, например, у ат-Табари, аль-Бируни и др.

Очень важным памятником, сохранившим до наших дней сведения о древнеогузском эпосе, является сочинение вышеупомянутого Абулгази «Родословная туркмен». Наибольшую ценность в этом труде для нас представляет раздел

«О царствовании Кайы-хана, старшего сына Кун-хана», связанный с эпическими сказаниями о древнеогузских богатырях и мудреце Коркуте. Сам Кайы-хан не фигурирует в «Китаби дадам Коркут», в книге есть только упоминание племени кайы. В труде Абулгази кайы обладают верховной властью почти до конца повествования. Более того, и Коркут-ата принадлежит к этому племени. В «Китаби дадам Коркут» он из племени баят.

В сочинении Абулгази, в противоположность «Китаби дадам Коркут», салурам отведена второстепенная роль. Вначале салуры вместе с близким им илем имир были «беками совета», затем везирами в трех поколениях. В дальнейшем, как видно из «Китаби дадам Коркут», они уже обретают фактическую власть, хотя формально во главе племенных объединений остается Баяндур-хан. В «Родословной туркмен» баяндур также показан в роли советников, и при этом главным советником рода остается Коркут-ата.

В дальнейшем, когда большая группа огузов переселилась в Азербайджан, на Кавказ и в Малую Азию, оба эти иля (салур и баяндур) из подчиненных выдвинулись в главенствующие. Кроме того, этноним «баяндур» в «Китаби дадам Коркут» превратился в этноним главного правителя огузов.

В труде Абулгази считается, что Казан-алп жил «триста лет спустя после нашего пророка», а Коркут-ата был его современник, хотя он свиделся с самим пророком Мухаммедом, т.е. он прожил 295 лет.

Примерные даты жизни Казан-алпа и Коркут-ата у Абулгази совпадают с датами «Китаби дадам Коркут», в которой они также изображены современниками.

В «Родословной туркмен» много внимания уделено и салорскому илю, который занимает главное место в «Китаби дадам Коркут». Прежде всего обращает внимание то, что в «Родословной туркмен» выделен один из потомков Салур-Казана — Салур-Огуржик-алп. В «Китаби дадам Коркут» он отсутствует, хотя, по Абулгази, его иль одним из первых переселился в Шемаху (Азербайджан), скрываясь от преследования баяндурского иля, что, вероятно, соответствует исторической действительности.

Как известно, баяндурский иль составлял основу династий Ак-Коюнлу в Азербайджане и соседних с ним странах. В «Китаби дадам Коркут» нет дифференциации племен. Все герои принадлежат к огузскому илю. Очень редко упоминаются отдельные илы (баят, кайы и др.), и то лишь для определения происхождения героя. Баяндурский иль вовсе отсутствует в «Китаби дадам Коркут», но зато в ней представлен Баяндур-хан, глава всего огузского иля.

Важным звеном, связывающим два памятника огузской древности, является образ Коркута. Труд Абулгази по жанру приближается больше к «Огузнаме» Языджиоглу Али («Сельджукнаме» Ибн Биби) и труду Рашидаддина, которым он пользовался широко.

Западные легенды и предания указывают, что огузы появились на Кавказе и в Восточной Анатолии за несколько веков до Сельджукидов. Об этом, например, сообщает арабский историк Мухаммад Вакиди (749—823), описывая первые завоевательные походы арабских войск. Вакиди ссылается при этом на устные предания, услышанные им от двух сказителей по имени Исхак сын Исраила и Абдуллах сын Новфила, которые, якобы, в свою очередь, слышали их от какого-то Абу-ль-Ахваса. Это придает сообщению историка характер легенды. Событие, описанное в нем, датировано первой половиной VII в. и связано с Кавказом, куда прибыли огузы.

Легенда Вакиди несколько изменена одним из первых турецких авторов, писавших об огузах на турецком языке. Речь идет об Энвари, авторе книги «Дастурнаме» (1464 г.). Если в первой книге главная героиня Мелике Тарон была наследницей ахлатского правителя, то у Энвари она дочь хана огузов и называется Турундж-хатун. Энвари свою книгу написал на основании неизвестных нам документов, в частности, использовал какую-то «Книгу Самарканды» («Самарканди китаб») и фактически он дал нам еще один вариант огузнаме.

В модернизированных версиях легенды о Мелике Тарон — Турундж-хатун Вакиди и Энвари наряду с отважными джигитами выступает и бесстрашная

девушка, напоминающая героинь «Китаби дадам Коркут» — Бану Чичек, Сельджан-хатун, а также Бурла-хатун и жену Дирсе-хана.

Район Ахлата, названный в легенде, по другим источникам, издавна был местом кочевья огузов. Турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби приводит легенду об огузах Ахлата и говорит, что при правлении азербайджанского султана Джалаира в Ахлате нашли приют дед Эр-Тогрула Кайы-алп-бай, его брат Баяндур-хан и отец Эр-Тогрула Сулейман. Здесь же путешественник находит могилу Баяндур-хана, главного персонажа «Китаби дадам Коркут», и говорит о могиле Шер-Шамсуддина, другого персонажа памятника.

Абубакр Техрани — автор истории Ак-Коюнлу, названной им «Диярбек-рийе» (1471), приводит родословную одного из виднейших правителей Ак-Коюнлу — Хасан-бека (Узун-Хасан — 1453—1478). В этой родословной крайне интересны некоторые исторические и особенно эпические имена, которые встречаются также и в «Китаби дадам Коркут». Так, предок Узун-Хасана, Кутлу-бек, пошел на Трапезунд, разгромил войско короля и освободил род Юсуфа Духари, убитого трапезундцами, взял в плен дочь короля — Тесбине. Выполняя функцию газия, он напал на одного из меликов Грузии, разгромил его и захватил город Ахиста (Акиста). Все это напоминает эпизоды из «Китаби дадам Коркут», а отдельные детали этого рассказа известны из истории. В самом деле, Кутлу-бек Ак-Коюнлу (ум. 1387 или 1389) в 1352 г. женился на Марии, сестре трапезундского императора Алексиса III, после чего Марию звали Деспине-хатун. Отражением этого является VI сказание о Кантуралы сыне Канлы Коджи. Третьим в родословной Узун-Хасана автор называет Турали-бека, который также является исторической личностью. Он правил 11 лет (1352—1363).

Абубакр упоминает кроме Узун-Хасана и чисто эпические имена, встречающиеся в «Китаби дадам Коркут» и других памятниках фольклора: Бюкдюз, Салур, Баят, Эймур, Чавалдур, Баяндур, Огуз и др. 33-й предок Узун-Хасана в сообщениях Абубакра Техрани назван Салур-ханом. Его можно сопоставить с Салур-Казаном из «Китаби дадам Коркут». Любопытно, что, как и в огузском эпосе, автор называет его туркестанцем (в «Китаби дадам Коркут» он назван «Туркестанцын диреги» — «Опора Туркестана»). В 39-м поколении имя Бисут-хана ассоциируется с Басатом из VIII сказания огузского эпоса. В легенде о Бисут-хане, как и в «Китаби дадам Коркут», герой был потерян при кочевке. Причина смены кочевий в обоих памятниках — нападение врага. Потерянного младенца в одном случае вскармливает старуха коровьим молоком, в другом — львица. Совпадение деталей обеих версий можно объяснить влиянием одного источника — легенды, распространенной, очевидно, как при жизни автора, так и в период составления «Китаби дадам Коркут».

До сих пор мы говорили о разрозненных и разбросанных по различным источникам легендах и преданиях об огузах. Существуют также особые сказания о героическом прошлом огузов — Огузнаме. О наиболее древнем памятнике этого жанра сообщает историк Абу Бакр ибн Абдаллах ибн Айбек ад-Давадари, тюрк-сельджук по происхождению, живший в XIV в. в Египте. В 1309 г. он написал небольшую хронику «Жемчужина из истории прославленных» («Дурар ут-тиджан ва таварих гурар аз-заман») на арабском языке. По словам историка, в казне Абу Муслима Хорасани (убит в 755 г.) была обнаружена книга на среднеперсидском языке, принадлежавшая знаменитому везиру Ануширвана Сасанида (правил в 531—579 гг.) Бузург Михру Бахтану Фарси из Мерва. Она, очевидно, была переведена с тюркского языка и называлась «Слово Улу-хан-ата Битигчи». Судя по всему, это был какой-то героический эпос на тюркском языке. В период правления халифа Харун ар-Рашида (763—809) книга была переведена на арабский язык сирийцем Джебраилем Бахтияшу из Багдада. О ней-то и говорит Абу Бакр. В частности, он приводит легенду об Огуз-хане, который якобы происходил из татарского рода Алп-Арслана Баладжугу и был вскормлен львицей. К сожалению, это древнейшее огузнаме не дошло до наших дней. В нем были собраны, очевидно,

самые ранние сказания огузов. Достоин внимания и то, что книга уже в VI веке была переведена на среднеперсидский язык. Это свидетельствует об интересе могущественных Сасанидов к культуре своих соседей-кочевников. Абу-Бакр при описании событий 1228 г., ссылаясь на то «Огузнаме», приводит легенду о Делегене (циклопе), которая впоследствии вошла в «Китаби дадам Коркут» (VIII сказание).

Первое лицо «Китаби дадам Коркут» хан огузов Баяндур у Техрани назван 52-м в родословной Узун-Хасана. Интересны некоторые подробности легенды, возводящие образ Баяндур к самому Огуз-хану. Но Абу Бакр модернизировал древние легенды, дополнив их событиями своего времени, связанными с Ак-Коюнлу. Назвав страны, которые завоевал Баяндур-хан, он говорит: «...а сам отправился на зимовку в Карабаг и на летовку в Гекче-Дениз».

Действительно, огузские племена обитали в этих районах после переселения на Кавказ. Согласно Абу Бакру, племя баяндур, входившее в объединение ак-коюнлу, в VII веке прибыло на Кавказ через Кыпчакские степи (Дамши кыпчак), расположилось на плато между горой Алагез и озером Гекче-Дениз по берегам Куры и Аракса. В промежутках между 809—933 и 1238—1291 гг. оно дважды отмечено также в районе Гянджи и Алынджик (в Нахичевани).

Все эти легенды называют примерную дату прибытия огузов на Кавказ — VII в. Эту же дату называет армянский историк X в. Стефан Асолик, сравнивая первых огузов с древнеиранским богатырем Рустамом, библейским Самсоном и эллинским Гераклом. Примечательно, что великаны-огузы поражали всех своим криком, брали пошлину с путников. Так же характеризуются богатыри в позднейшем азербайджанском эпосе «Короглу».

Характеристику огузских богатырей, данную армянским историком, спустя семь веков повторяет почти дословно Эвлия Челеби. Он описывает их как людей со «стройной фигурой, высокого роста и чрезвычайно сильных». Немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий Эльшлегер (ок. 1599—1671) приводит сведения об огузах, почерпнутые в Дербенте: «По сю сторону Дербента мы нашли множество надгробных камней и памятников, несколько тысяч, которые величиною были далеко больше человеческого росту... Об этих памятниках Персияне рассказывают следующую историю: в древние времена, после Магумета, однако, жил в Мидии Царь, по имени Касан (Кассан), родом Окус...». «Персияне» в книге Олеария — обозначение азербайджанцев-шиитов. В противоположность им азербайджанцев-суннитов называли татарами. «Касан» из рода «Окус» (огуз), разумеется, есть главный герой огузского героического эпоса Салур-Казан. Легенда, услышанная Олеарием в Дербенте, несомненно, была отзвуком эпоса «Китаби дадам Коркут». Об этом говорит и сообщение Олеария о могилах имама Хорхута в том же Дербенте, Казана в Тебризе и его жены Бурлы в крепости Уруми. Правда, могила в Тебризе не имеет никакого отношения к огузскому Казану, а относится к Казану из ильханидов, однако народ воспринимал ее именно так, как описывает Олеарий, тем более, что недалеко от нее располагается могила его жены Бурлы (ср. с Бурла-хатун из «Китаби дадам Коркут» с эпитетом «уджа бойлу» — «высокого роста»). О ее могиле в крепости Уруми Олеарий пишет: «Гробница эта длиною в сорок ступеней».

Дербент, или, как его называют в турецких источниках, Железные ворота («Демир капу»), играет большую роль почти во всех легендах или исторических документах о западных огузах. Окрестность Дербента как кочевье огузов упоминается во всех эпических памятниках, в том числе в «Китаби дадам Коркут». В «Дербент-наме» Казым-Бека в перечне дербентских ворот названы и «Ворота туркмен», и «Ворота баят», которые прежде, т.е. до прихода сюда огузов, именовались соответственно: «Ворота Цезаря» и «Ворота писем» или «Тайные ворота». Очень важные сведения о западных огузах оставил нам испанский посол Клавихо (Рюи Гонсалес де Клавихо, ум. в 1412 г.). Возвращаясь из Самарканда в 1405 г., по дороге между южноазербайджанским городом Хоем и Алашкертон он заметил развалины, происхождение которых объясняет следующим образом: правитель этой провинции, умирая, разделил свои вла-

дения между тремя сыновьями. Братья затеяли междоусобную войну, и каждый из них обратился за помощью к кочевым тюркским племенам. Владелец Ассерона (Эрзрум) — к туркменам, а владелец Алашкерта — к тюркам из Хоя. Но туркмены и тюрки, встретившись, легко достигли взаимопонимания, так как говорили на одном языке, и пошли против армян.

Еще одну легенду о родословной огузов, в частности баюндурского иля, и о самом Баюндур-хане приводит известный турецкий историк Осман Байбуртлу в своей книге «Новости истории в зеркале мира» («Таварихи джадиди мир'ати джахан»), написанной в период правления Мурада III (1574—1595). В разделе «Описания личности Баюндур-хана», ссылаясь на «Генеалогию» («Бахр аль-ансаб»), написанную в XI в. на персидском языке анонимным автором, он приводит сведения, связанные с переселением иля Баюндур на Кавказ. Памятник содержит исторические сведения о походах огузов на грузинские земли, нашедшие отражение в «Китаби дадам Коркут». И так же, как в «Китаби дадам Коркут», Баюндур-хан — глава всего огузского иля. Все остальные — его воины («По словам огузов, они жили одним племенем; все они были воинами Баюндур-хана»). В упомянутой книге «Новости истории» есть фраза, приведенная и в «Китаби дадам Коркут»: огузские беки ведут бои с грузинскими иноверцами (кефере) и получают с них подати («Взимали подать с беков девяти округов Грузии»). В IX огузском «Китаби дадам Коркут» говорится: «Пришли подати из девяти округов Гурджистана».

Согласно «Новостям истории», все это происходило еще до появления Мухаммеда и до принятия огузами ислама, точнее, за семь веков до ислама, во время «вознесения» Иисуса («В тот период Иисус, мир ему, вознесся в небо, и ничего не было известно о нашем пророке»).

По словам автора, огузы в ту пору не знали никакой религии, но «у них был один бог», очевидно, имеется в виду Гек Танри. «Генеалогия», легшая в основу «Новостей истории» — единственный источник, говорящий о такой ранней дате прибытия огузов на территорию Кавказа. Другие источники указывают на более позднюю дату — VII в. Эту же дату повторяют легенды, говорящие о принятии огузами ислама от самого Мухаммеда, который назначил их шейхом Деде-Коркута. Эта версия дана и в «Китаби дадам Коркут». Об этом пишет и османский принц Джем Султан в своей книге «Чаша Джемшида» («Джами Джем айин»). По его словам, огузы приняли ислам непосредственно от самого пророка. Последний якобы послал в Дербент Коркута и Сальмана Фариси для проповеди ислама среди огузов.

Из рассмотренного материала можно заключить, что легенды и предания о западных огузах, в отличие от таковых о восточных, имеют выраженную религиозную направленность. Огузы в них представлены носителями идеи ислама, его газиями. Эта черта исторически обусловлена ролью огузов в завоевательных походах Сельджукидов на западе.

Легенды и предания западных огузов отличаются от восточных также своей компактностью и композиционной целостностью. Многие легенды имеют форму однотемного сказания с завершенным сюжетом, со своей героиней и проблематикой. Почти все действующие лица «Китаби дадам Коркут» в той или иной форме упоминаются в западных легендах. Это естественно. «Китаби дадам Коркут» — синтез огузских эпических традиций, нашедших окончательное оформление на территории Азербайджана.

О народном характере памятника свидетельствует пронизывающий его боевой патристический дух, воспетые в нем героизм и сплоченность огузов, проявившиеся ими при защите своего иля от посягательств внешних врагов.

Народность памятника проявляется также во внимании к жизни простых людей, в стремлении отразить их традиции и взгляды. Анализ отдельных сказаний позволяет выявить наиболее существенные особенности жизни, образа мыслей и характера древних огузов.

В сказаниях «Китаби дадам Коркут» женщина характеризуется преимущественно с точки зрения ее отношения к семье. Это определялось ролью женщины-хозяйки, которая была особенно велика в условиях кочевой жизни. Жена являлась вторым лицом в семье, а в отсутствие мужа заменяла его, вплоть до

ратных дел. Нередко, например, вопреки феодальным обычаям, не спросив у мужа, она седлала коня и в сопровождении сорока девушек-наездниц отправлялась в боевой поход; часто она спешила выручить из беды мужа, сына и пр. Обычай (адат) не позволял огузским женщинам перечить мужу, особенно в присутствии гостя. Огузская женщина всегда предана семье, никогда не желает зла мужу, если даже он поступает с ней дурно. Эта черта часто подчеркивается в «Китаби дадам Коркут», в частности, в первом сказании. Однако отметим, что ни на одном из советов по какому-либо случаю, когда собирались огузские беки, присутствие женщины не зафиксировано. Это соответствует распространенной в ту пору традиции: женщина не советница в ратных делах.

Огузы «Китаби дадам Коркут» являются коренным населением Азербайджана, поддерживающим сложные отношения с соседями. «Китаби дадам Коркут» повествует о двух видах военных действий. В большинстве случаев рассказывается о том, что захватнические набеги на огузский иль совершают соседи, каждый раз встречающие сильное сопротивление богатырей. Хотя в тексте «Китаби дадам Коркут» почти во всех случаях, когда речь идет о противниках, огузы называют их гяурами, тем не менее нет даже намека на то, чтобы бои велись во имя торжества какой-либо из религий (ислама или христианства).

Есть и повествования о том, как огузские беки намеренно совершают набеги на крепости соседей-иноверцев. В «Китаби дадам Коркут» только в двух сказаниях огузы показаны агрессорами. А поскольку зачинщиками большей частью изображаются гяуры, то ответная реакция, какой бы жестокой она ни была, не вызывает в эпосе особого осуждения, тем более что в конце кровавого побоища огузские беки, в особенности Казан, часто «не убивают тех, кто просит у них пощады». Эта «гуманность» должна сильно впечатлять при сравнении поступка Салур-Казана с действиями гяуров по отношению к его семье (II и IV сказания).

О событиях на Кавказском плато говорится во многих сказаниях «Китаби дадам Коркут». Топонимия многих сказаний «Китаби дадам Коркут» также связана с Кавказом, в частности, Азербайджаном. Во втором огузском отаре Казана пасутся в районе Дербента, который часто упоминается в эпосе. Он то входит в состав развернутых эпитетов героев, которые прославились при его взятии (II, IV, VII сказания), то упоминается как владение Шекли-Мелика (IX сказание). С Кавказом связана и северная граница огузов — азербайджанские города Барда и Гянджа (IX огузском), которые охранялись огузскими беками. Гяуры посылают своих лазутчиков из крепости Татиан и Ак-Сака (Ахалцх). Привлекает внимание и выражение «баша ачук» (букв. «непокрытая голова»), как прозвище грузин, точнее, населения Имеретии района Кутаиси. После победы Казан возвращается в Акча-кала Сюрмелю (иногда как два названия). Эта местность находилась в районе нынешней Нахичеванской АССР, в пойме реки Арпачай. Наиболее достоверными являются также названия мест, отмеченные в десятом сказании: Ширегевез (Ширегевен), Гекче-Дениз, крепость Алынджа. Первое название в эпосе сопровождается еще словом «удж», которое в период правления Сельджукидов в Малой Азии означало «пограничные районы». Следовательно, в этих районах проходили южные (может быть, юго-западные) границы огузского иля. Все три названия относятся к району Нахичеванской АССР. В частности, крепость Алынджа — ныне небольшое селение на реке Алынджа-су при впадении ее в Аракс. Герой девятого сказания, охотясь на чужих землях, попадает в плен. Его заключают в крепость Алынджа, которая была, конечно, за пределами огузского иля. На точные границы иля указывает другой эпизод этого же сказания: чтобы освободить своего брата из плена, Секрек трое суток, день и ночь, гнал коня и вышел на пограничный пост Дер-Шам, что расположен между Джульфой и Нахичеванью. Очевидно, это юго-западные границы огузов, до которых от ставки (где-то в северной части Азербайджана, скорее в районе Дербента) понадобилось трое суток быстрой езды на коне.

На севере от огузов находился Гурджистан, и со всех сторон их окружают иноверцы (грузины, абхазы и черкесы). Всюду на их границах многочислен-

ные крепости меликов или тагавуров. Из текстов видно, что огузы совершали набеги от Демир-калу (Дербент) на Кавказе до Диярбакира и Мардына в Малой Азии. Исходя из этого, можно условно обозначить границы огузского ила от Дербента до Мардына и от Трапезунда и Байбурда до Аракса и Куры. При этом внешние огузы располагались, очевидно, восточнее внутренних, занимая всю территорию северного Азербайджана. Можно предполагать, что районы расселения огузов Казана (внутренние огузы) находились на севере, в пойме реки Куры до Дербента. Здесь были расположены их зимовки. Летом же они спускались на юг, в пойму реки Арпачай, к горам Гекчедаг, Аглаган и Джизыклар, которые Кырзыоглу локализует в районе Карса; по его утверждению, и поныне эти горы — летовки кочевых племен терекеме, т. е. непосредственных потомков далеких огузов.

Хан огузов Баяндур в сказаниях «Китаби дадам Коркут» не несет сюжетной нагрузки. В первом сказании он фигурирует только в экспозиции. В дальнейшем действие развивается без его участия. В третьем сказании описание его ставки и устроенного им приема для беков внутренних и внешних огузов также являются своеобразной экспозицией сказания, в котором роль Баяндур-хана весьма пассивна. То же отмечаем в восьмом и десятом сказаниях. В пятом и шестом сказаниях он вовсе не упоминается. В остальных сказаниях Баяндур-хан упоминается в качестве тестя Казана. Тем не менее беки на приемах, собираясь что-либо сказать или выступить с предложением, целуют хану руку преклонив перед ним колена, спрашивают у него разрешения на походы против гяуров. Баяндур-хан определяет место каждого бека в своем шатре соответственно его боевым заслугам. Достигнув совершеннолетия и осуществив первый подвиг, дети беков допускаются на приемы Баяндур-хана, становятся его богатырями. Диван Баяндур-хана руководит всей деятельностью огузских беков. Сюда они сходятся, чтобы решать важнейшие дела.

Образ Салур-Казана является наиболее колоритным. Этот герой присутствует во всех сказаниях, кроме пятого и шестого, а в четырех сказаниях (II, IV, XI и XII) является главным действующим лицом. Казан официально занимает положение Беклербеки при хане Баянуре, однако он наравне с ханом ведает всеми делами ила. Походы совершаются с его разрешения. Он присутствует на всех приемах, и от его воли зависит многое. Беки внешних и внутренних огузов относятся к нему с не меньшим почтением, чем к самому Баяндур-хану. Казан — его зять.

Немалое внимание в «Китаби дадам Коркут» уделяется и семье Казана: его жене Бурла-хатун, сыну Урузу, дяде по матери Арузу, брату Кара-Гюне и его сыну Кара-Будагу. Из перечисленных родственников и членов семьи Казана наиболее активным является его дядя Аруз-Коджа, который вначале входит в свиту Казана (II сказание), а в последнем сказании выступает против своего племянника. Трижды говорится о сыне Казана — Урузе. В первом случае он остается охранять юрты отца и попадает в плен к гяурам. Во втором случае вновь описывается сцена пленения юноши Уруза. Только в одном сказании Уруз выступает как главный персонаж: он выручает отца из плена, проявив при этом большое мужество (XI сказание).

Однако и в сказаниях, внешне связанных с Урузом, и в повествованиях о Бурла-хатун основную сюжетную нагрузку несут опять-таки перипетии самого Казана. Образ Бурла-хатун символичен. Она олицетворяет собой идеал средневековой женщины как в нравственном отношении (II сказание), так и в ратных делах (IV сказание). В последних она нередко превосходит самого Казана.

Итак, больше половины сказаний «Китаби дадам Коркут» посвящено Казану, что подчеркивает его ведущую роль в эпосе огузов.

Всестороннюю характеристику в «Китаби дадам Коркут» получают и огузские беки из свиты Казана, например, Бамси-Бейрек.

Несравненно больше материала сохранила эпическая традиция о ратном герое «Китаби дадам Коркут», о мудреце и советнике огузских богатырей, выступающем в каждом из 12 сказаний эпоса в роли слагателя песни о ратном подвиге того или иного героя. Этот образ в огузском героическом эпосе сложился не сразу. Восточные источники об огузской древности представляют

Коркута-шамана, мудреца, советника ханов и беков. Есть и источники, преимущественно западные, повествующие о Коркуте-полководце. Такая двойственность Коркута объясняется вообще нечеткостью и незаконченностью этого образа в эпосе на ранней родине огузов. В дальнейшем, уже на новой родине, Коркут обретает конкретные черты, эволюционируя, становится полнокровным эпическим персонажем.

Сказания «Китаби дадам Коркут» группируются вокруг определенного героя, что дает основание говорить о двух циклах огузнаме, объединенных именем Коркута-озана (сказителя). Можно предположить, что составитель «Китаби дадам Коркут» собрал в один сборник двенадцать сказаний огузов, каждое из которых бытовало самостоятельно. Этим объясняется нестройность композиции «Китаби дадам Коркут», выразившаяся в непоследовательности развития действия отдельных сказаний. В самом деле, некоторые из двенадцати сказаний связаны одним героем, одинаковыми событиями, но хронологически их следовало бы включить в сборник в ином порядке. Так, например, цикл о Казане (II, IV, XI сказания) начинается со второго сказания, где сын Казана, Уруз, — самостоятельный бек, ему даже доверяется во главе трехсот богатырей охранять иль, когда беки отправляются на охоту. В четвертом сказании сын Казана едва достиг совершеннолетия; он, как говорится, не нюхал пороха. Следовательно, это сказание отражает события более раннего периода, чем во втором сказании. А в одиннадцатом сказании сын Казана представлен ребенком, и когда Казан попал в плен, понадобилось много лет, чтобы сын вырос и отправился спасать отца. Еще более курьезный случай: те герои, которые гибнут от рук Денегеза в восьмом сказании, действуют в последующих сказаниях. Если выстроить сказания в логический ряд, то получим такую последовательность сказаний: VIII, I, III, IV, XI, II, V, VI, VII, IX, X, XII.

Наиболее логично развиваются события в последнем сказании. Во всем согласный и сплоченный огузский иль потрясает междоусобица — рушатся основы единства, необходимого для отражения врага. Это как бы символизирует конец огузского века. Мотив этот пронизывает сказания «Китаби дадам Коркут». Все сказания сходны по архитектонике, но вместе с тем не все они имеют экспозицию. Например, в пятом, шестом, восьмом и двенадцатом сказаниях она отсутствует. Остальные сказания, как и народные дастаны, открываются экспозицией, которая как бы мотивирует дальнейшие события, составляя часть сюжета сказания.

Наиболее колоритны в «Китаби дадам Коркут» кульминационные сцены. Здесь особая экспрессия достигается максимально сжатыми, но эмоционально емкими фразами. Финал всех сказаний стереотипен. Коркут, выступая в роли озана, посвящает каждое сказание его основному герою. В некоторых мы находим отголоски мусульманской мистической лирики. Мрачная сентенция, как правило, завершается обращением Коркута к богу и пророку Мухаммеду с молитвой, пожеланиями и просьбой в духе фольклорного жанра алгыш (благопожелания).

Композиционной особенностью сказаний «Китаби дадам Коркут» является также инкорпорация стихотворных партий в прозаический текст, характерная для эпоса многих тюркоязычных народов. В стихах обычно даются диалоги героев, внутренние монологи. Именно в огромном количестве стихов проявляется эмоциональная окраска языка памятника, связанная с его эпологетическим содержанием. Стихи не всегда имеют соответствующее внешнее оформление. Этим обстоятельством объясняется то, что первый переводчик эпоса, акад. В. В. Бартольд, не выделил стихи в контексте. Эта ошибка была исправлена турецким и азербайджанским издателями «Книги моего деда Коркута», которые по многим убедительным соображениям сочли целесообразным вычленив стихи, придав им структурную автономию. Эта же система принята в настоящей книге.

Еще одним композиционным своеобразием «Китаби дадам Коркут» является то, что ее прозаический текст, по принятой эпической традиции, ритмизован, что представляет очень большую трудность для переводчика. Следует отметить, что А. Ахундовой, переводчице данной книги, впервые удалось сохранить и эту

особенность памятника, передав на русском языке ритмы прозы оригинала, равно как ей удалось сохранить и его художественно-выразительные средства, в особенности систему эпитетов.

В «Китаби дадам Коркут» имеются единичные постоянные эпитеты типа «сирийский зонт», «орлиные кони», «породистые скакуны» и т. п. Они подчеркивают лишь качество, характерные свойства предмета, а художественную изобразительность и поэтическую яркость передают групповые постоянные эпитеты, на которые не скупился озан для обрисовки положительных и отрицательных черт персонажей.

Автор первого большого грамматического очерка «Китаби дадам Коркут» турецкий ученый Мухаррем Эргин на основании анализа лексики и стиля памятника утверждает, что «Китаби дадам Коркут» «всецело является творением Азербайджана. Об этом хорошо говорят имена лиц и топонимы этой книги. И не только это, но и язык произведения носит его, Азербайджана, клеймо. Стоит только взглянуть на содержание книги, как попадаешь в эту страну. Лексика, фразеология, морфология и синтаксис каждой строки сталкивают нас с азербайджанским тюркским языком».

К этой блестяще аргументированной мысли ученого добавим, что этот великолепный эпический памятник открыл первую страницу в азербайджанской устно-поэтической эпической традиции, которая теперь насчитывает множество столь же великолепных произведений, в том числе один из шедевров мирового фольклора эпос «Короглу».

Х. Короглу

СЛОВО ПЕРЕВОДЧИКА

Я влюбилась в эту Книгу давно. Только безрассудством и дерзостью юности можно объяснить тот факт, что еще в 1964 году я осмелилась перевести две песни из нее: «Предпослание» и «Песнь Дели Домруле», которые стали частью моей дипломной работы. К счастью, меня в те годы поддержал ныне широко известный азербайджанский писатель Анар.

Затем наступила пауза чтения Книги и прочтения ее.

Прошло немало лет, прежде чем я поняла, чего мне не доста-ет для того, чтобы решиться на полный перевод. Я поехала в Дрезден, где хранится оригинал рукописи эпоса, и только получив ее копию, я как бы по-новому увидела текст и начала переводить его заново.

Если первоначальный перевод осуществлялся с текста азербайджанского издания Г. Араслы, то окончательный перевод был сделан уже с оригинала, с коррекцией текста по турецкому изданию Муххарема Эргина.

И здесь неоценимую и бескорыстную помощь мне оказал Халык Гусейнович Короглы, которому я приношу искреннюю благодарность.

Если художественный перевод как искусство родился под какой-либо звездой, то под звездой «Невозможности».

«Переводчик-предатель — Traduttore-traditore», — твердила я себе как охранительную молитву. Переводить древний тюркский текст, к тому же не всегда понятный современному тюркоязычному читателю, переводить Книгу, о которой и о каждом слове которой спорили, спорят и будут спорить многие ученые, лингвисты, литературоведы, историки и поэты, на современный русский язык, отстоящий по времени от языка оригинала почти на шестьсот лет — было непросто.

Прочитав текст, то есть раскодировав его со всеми его изумительными и неожиданными метафорами, с постоянными эпитетами, своеобразными, иногда очень сложными параллелизмами, с его выразительной лаконичностью изречений, с острыми и точными диалогами, ритмически организованными прозаическими периодами, с непостижимыми в своей гармоничности стихами, оснащенными анафорами, ассонансными и консонансными рифмами, аллитерациями, с его экспрессивной лексикой и разнообразнейшими интонациями, мне предстояло перевести все это богатство, по возможности, максимально близко к тексту и в то

же время — соответственно каждому приему — закодировать эти поэтические достоинства в другом языке, да так, чтобы ни одно из них не пропало, и одновременно не выпирало, а естественно вписывалось в текст, только теперь уже русский.

Следование эмоциональной точности при переводе потребовало употребления некоторых русских слов, ставших в современном языке архаизмами. И если пришлось несколько «состарить» в переводе современный русский язык, то именно этой необходимостью продиктовано и объясняется наличие некоторых архаизмов. Выяснилось, что в древнерусском скорее и точнее находилось слово для передачи древнего тюркского слова. Но тут можно было впасть в соблазн перевода с древнего на древний, которого я, надеюсь, благополучно избежала.

Передо мной стояла задача доставить русскоязычному читателю эстетическое наслаждение, подобное тому, какое я получила от чтения оригинала. Конечно, пиршества всех языковых красок и оттенков достичь было невозможно, как бы я ни ругалась за точность перевода.

Предстояло также тексты, связанные с мусульманским пантеоном, вписанные в тексты устных сказаний позднее, чем были созданы сами сказания, — легким, едва заметным изменением стилистики оттенить и в переводе. Надеюсь, мне это тоже удалось.

Постоянные эпитеты надо было переводить постоянными эпитетами, а это было не всегда легко, так как силлабическое стихосложение трудно вмещается в русское силлабо-тоническое. И строки грозили стать то длиннее, то короче, чем этого требовала форма.

Надо было следить и за тем, чтобы в текст перевода не проникли уж слишком современные слова.

Иногда, например, в разгадке одной из самых темных строк эпоса, в Песне о Бейреке, приходил на помощь не древнетюркский словарь, а древнерусский, в котором чудесным образом сохранились заимствованные славянами у тюрков названия многих предметов воинского снаряжения. Чехол для стрел назывался — «тул», а все снаряжение для лука — «сагадак».

Постоянный эпитет, прилагаемый к имени Баяндурхана — Amit soyunin arslani — «Лев рода Амит», я нарочно перевела — «Лев Амитский», опустив слово 'soy' («род»), так как совершенной уверенности в правильности прочтения этого слова как «род», а не как su («вода» или «река») у исследователей до сих пор нет.

Некоторые слова, обозначающие предметы древнего быта, такие как 'jogurt', я вынуждена была переводить, а не калькировать во избежание бесчисленных при калькировании сносков, объясняющих читателю смысл слова в самом, драматическом месте отвлекающих внимание, сбивающих читателя с

толку и, главное, мешающих цельности художественного восприятия.

Минимум примечаний и максимум доступного восприятию читателя поэтического текста — вот чего мне хотелось достичь в переводе.

О переводе названия Книги я не сочла нужным давать сносски по тем же неакадемическим соображениям. Но здесь считаю нужным сказать, что общепринятый и привычный перевод «Книга моего деда Коркута» меня не удовлетворял не только и не столько тем, что я глубоко была убеждена в том, что слово «дэдэ» надо толковать не как «дед», а как «праотец», «отец-старейшина», «духовный отец», но тем, что и личность Коркута, и все сказания и предания о нем из других тюркских памятников, таких как «Огуз-наме» и других, а главное, сама Книга Коркута, каждым своим словом подтверждают, что он, Коркут, именно отец тюрков и Книга его — духовное отечество каждого тюрка.

Азербайджанские читатели, которым более, чем другим, пожалуй, доступен и понятен язык оригинала эпоса огузов, читатели этой книги, надеюсь, согласятся со мной, что в этой Книге наши исторические корни, наши духовные истоки, наш язык.

«Книга отца нашего Коркута» перед Вами, дорогой читатель. И хотя в ней описываются «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», я ни на миг не сомневаюсь в том, что, прочитав эту Книгу, вы убедитесь, что перед вами не застывший памятник литературы, а живое, трепетное, чуткое, памятлиное и прозорливое слово народное.

ПРЕДПОСЛАНИЕ

Во имя Аллаха всемилостивого, всемилосердного, на помощь его уповаем!

Близко ко времени пророка благословенного из племени Баят вышел некий муж, и звали его Отец Коркут. Среди огузов был он самым знающим человеком. Что ни скажет, все сбывалось; о неведомом ведал, о несказанном сказывал. Бог всеправый его одарил озарением.

Говорил Отец Коркут:

— Ханство к роду Кайы перейдет в последние времена, и никому из рук его не отнять никогда, от последних времен до наступления Страшного суда.

Те, о ком говорил он, — потомки Османа. Так и исполнилось, так все и продолжается. И еще много подобных слов он сказал.

Все затруднения огузов Отец Коркут разрешал. Какое бы ни было дело, а без совета его оно не решалось. Что ни сказывал, все исполнялось. Дело словом его держалось, все признавалось.

Сказывал Отец наш Коркут:

Не скажешь: «Аллах-аллах!» — не жди удачи в делах.

Не будь бог тароватым — человеку не быть богатым.

Не будь написано на роду, и рабу не попасть в беду.

Смертный час не грянет, никто умирать не станет.

Мертвый — не оживет.

Душа отлетит, назад не прилетит.

Наберется у какого-то джигита¹ добра великая гора, а он все тащит и копит, хоть и требует все, что есть, а ведь больше доли своей не съест!

Как ни разольются реки, море им не перелить.

Гордеца в его гордыне бог не может полюбить.

Ни спесивым, ни чванливым в жизни счастья не видать.

Воспитав чужого сына, все не сына воспитать,

Подрастет и бросит, скажет, знать не знал отца и мать.

Холм из пепла не насыпать, зятю сыном не бывать.

Черный ишак, хоть узда на нем и чепрак, мулом не станет.

Одень на служанку платье — платье натянет, а госпожою не станет.

Густо шел снежок, но снежку до весны не лежать.

Зеленел, расцветал лужок, но лужку до осени не расцветать.

Бязь из ветхого хлопка не соткать.

Другом старому врагу не бывать.

Коня не хлестнешь — пути не пройдешь.

Мечом булатным не поиграешь — набежчиков не отвадишь.

С добром не расстанешься — щедростью не прославишься.

Не будет примером мать, дочь наставленья не сможет понять.

Не будет отец примером, сын не станет щедрым.

Добрый сын — сокровенность отчая,

Сын, что око одно очей его.

Хороший сын — счастье, огонь в очаге не погаснет.

Что поделать сыну, если помрет отец, не оставив добра и злата?

И что проку в отцовском добре, если в голове небогато?

Да хранит тебя бог, хан мой, от злобы того неразумного!

И еще сказывал Отец наш Коркут:

Быстроногого коня, норовистого скакуна подлому джигиту не оседлать,

А оседлает — лучше бы не седлать!

Острым разящим мечом трусам лучше и не махать!

А тому, кто мечом владеет, чем меч и стрела, лучше палица.

Худым шатрам, куда не приходит гость, лучше обрушиться.

Травам горьким, которых коню не съест, лучше и не вырасти.

Водам горьким, каких человеку не пить, лучше не литься.

Грубому сыну, которым имя отца не славится, из крестца отца лучше бы не явиться,

Не войти в чрево матери и лучше на свет не родиться.

Сыном разумным, отца прославляющим, лучше прослыть.

Лживому слову, сущему в мире, лучше б не быть.

Истине трижды по тридцать и еще полных десять лет лучше бы жить.

Дай вам трижды по тридцать и десять еще полных лет прожить.

Да не найдет на тебя всемогущий напасти-беды,

И да будет всегда неизменно твое могущество, хан!

И снова Отец наш Коркут говорил, а посмотрим, хан мой, что он говорил:

Бродя по горам, где пастбища, знает джейран.

Где в зеленых травах луга, знает кулан.

Куда следы разных дорог ведут, знает верблюд.

Запах семи долин ведает лис один.

Куда караван за ночь успеет откочевать — лишь жаворонку и знать.

От кого сына будет рожать — матери знать.

Тяжел или легок седок — знает под ним конек.

Тяжела ли кладь — это мулу знать.
В каком месте ноет, знает тот, кто от боли воет.
Почему на шальной башке шишка, знает умишко.
Комуз* на руку взяв, от бека к беку, от народа к народу
шагает певец.
Великодушных, низких, бездушных, всех знает певец.
Пусть перед вами, ударив по струнам, играет певец.
Да отвратит от тебя ту беду, что по свету блуждает, творец!
Хей, хан мой!

И еще сказывал Отец наш Коркут, а посмотрим, хан мой,
что он сказывал:

Если, уста раскрыв, стану славить, бог над нами славен!
Бога друг, веры глава, Мухаммед славен!
Молитву творящий по правую руку Мухаммеда Абу-Бекр-
Праведный² славен!

Первое слово последней части Корана, слово «амма»³ слав-
но!

Если она по слогам хорошо прочтена, сура⁴ «ясин»⁵ славна!
Ударом меча проложивший веру дорогу Али⁶ — Царь Мужей
славен!

И сыновья его, внуки пророка, погибшие в степях Кербелы
от рук

Приверженцев Йезида⁷, два брата Хасан и Хусейн⁸, два
мученика славны!

Писанный строго, с небес опустившийся, учение бога, Коран
славен!

Написавший этот Коран, писанный строго, чтоб поучались
духовные лица познанию неба,

Ученых глава, сын Уффана, Осман⁹ славен!

Мекка¹⁰, дом божий, построенный в низкой долине, славна!

В Мекку ушедшие, здоровые и благополучно вернувшиеся,
верой исполненные паломники славны!

День воскресения мертвых — пятница славна!

Читаемая в пятницу проповедь¹¹ — славна!

Ухо свое приложившие к проповеди славны!

И муэдзин, вызывающий с минарета к молитве, славен!

Женщины, колена свои преклоняющие, славны!

От времен обращения и смен поколений отец поседевший
славен!

Мать, своим молоком белым всех нас вскормившая, славна!

Жеребец вороной, на дорогу гарцуя вступивший, славен!

Брат любимый славен!

* В оригинале «гопуз», старинный струнный музыкальный инструмент.

Брачный шатер, поставленный возле палатки из шкуры
пестрой козлиной, славен!

Длинная бечева, шатер натянувшая, славна!

Сын славен!

Несравненный создатель мира всего, бог великий славен!

Бог в вышине, тот, кого я и снова восславлю,

Пусть он милостив будет и помощь подаст нам.

Хей, хан мой!

Еще со слов Коркута сказ певца:

Вот жены — их четыре образца.

Одна напасть, породой — обдирала.

Другой — чтоб всласть наестся — свадьбы мало.

Одна — и дом, и столп, опора мужу.

Другая — как о ней ни скажешь плохо — хуже.

Та жена, и дом, и столп, и опора мужу — которая, если из
пустынь и степей гость явится, а дома мужа не окажется, так
гость все равно уважится. Она и накормит, и напоит, и в путь
проводит. Эта из рода Айши и Фатимы¹². Благословенно чрево
ее и плод. Пусть такая жена, хан мой, и к твоему очагу придет!

Теперь о той, которая напасть, породой — обдирала. Эта
жена ни свет, ни заря вскочивши, ни рук, ни лица не умывши,
девять лепешек хватает, полный рот напихает, простокваши
горшок выпивает, досыта ест, за обе щеки уплетает, а потом по
ягодицам себя ударяет и всех проклинаят:

— Чтобы дому этому провалиться! С тех пор, как замуж
вышла, не было сытости в моем желудке, не было на лице моем
улыбки, не было на ноге башмака, не было на лице яшмака¹³.
Ах, что бы было, если бы умер мой муж, а я бы за другого вышла,
а он оказался не хуже, а лучше, чем я ожидаю!

Да иссушится чрево ее и плод! Пусть такая жена, хан мой,
к твоему очагу никогда не придет!

Теперь о той, которой всласть наестся — свадьбы мало.

Вскочит с утра — не умывается, ходит — вихляется, по стой-
бищу от шатра к шатру шатается, из конца в конец слоняется,
на все натывается, все путает. Где сплетничает, где наущничает.
С утра до полудня у чужих порогов толкается, а в полдень
домой заявляется. Видит — шкодливый пес перевернул дом
вверх дном. Не дом, а курятник, не дом, а хлев. Как увидит,
так звать соседей принимается:

— Девушки! Зулейха, Урувейда, Зубейда! Джан-кыз!
Джан-паша! Айна-Мелек, Кутлу-Мелек! Что я? Умирать, про-
падать пошла? На что похожа теперь моя постель, мое ложе?
Что случилось бы с вами, если б присмотрели и за моим домом
тоже? Как говорится: право соседа — право бога!

Да иссушится чрево ее и плод! Пусть такая жена, хан мой,
к очагу твоему никогда не придет!

И, наконец, хан мой, сказать мне нужно о той, что как о
ней ни скажешь плохо — еще хуже!

В дом из пустынь и степей скромный гость явится. И муж ее
дома окажется и скажет: «Встань, жена, принеси хлеб! Поедим,
и гостю нужно поесть! Испеченному хлебу не вечно в печи си-
деть, его нужно есть!»

Отвечает жена:

— Что принести? Зачем встать? В этом доме, чтоб ему про-
валиться, ни муки, ни сита нет! Верблюд с мельницы еще не
явился, а явится, что принесет, пусть на задницу мою свалит-
ся! — говорит и шлепает себя по ягодицам. Отвернется, сама
раскорячится, к мужу задом поворачивается.

Скажи ей тысячу слов — ни одного без ответа не оставит. А
слова мужа мимо ушей пропускает.

Эта ведет свой род от ослицы пророка Ноя.

От таких, как она, хан мой, пусть аллах тебя бережет! Да
иссушится чрево ее и плод! Пусть такая жена, хан мой, к очагу
твоему никогда не придет!

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

О СЫНЕ
ДНРСЕ-ХАНА
О БУРАЧ-ХАНЕ
ПОВЕДАЕТ

Хей, хан мой!

Как вставал со своего места хан Баяндур, Кам-Гана сын, ставил середь земли дамасский свой балдахин, пестрый навес вздымал до самых небес, шелковые ковры расстилал в тысяче мест.

Хан Баяндур, над ханами хан, раз в году пир затевал, беков огузов в гости сзывал. И теперь пир затевает: из коней — жеребцов, из верблюдов — самцов, из овец — баранов резать повелевает. Где белый шатер, где красный, где черный шатер ставить велит и так говорит:

— У кого ни сына, ни дочери — того в черный шатер сажайте, черный войлок ему стелите, мясо черного барана ему подносите. Станет есть — пусть ест, а не станет есть, пусть встает и уходит. У кого сын, того в белый шатер, у кого — дочь, того в красный шатер. У кого ни сына, ни дочери, того бог всемогущий проклял и мы проклинаям, а кому неведомо это, пусть знает!

Беки огузов один за другим стали сходиться, съезжаться. А был один бек, по имени Дирсе-хан, и не было у него ни сына, ни дочери.

И сказывают, а послушай, хан мой, что сказывают:

В пору веянья ветра рассветного, ветра холодного,
В пору пения жаворонка сизобородого,
В час моления тата* длиннобородого,
Как заржут быстроногие кони, завидев хозяина,

* Тат — так называли огузы местных мусульман.

Как борцы-удальцы свои игры начнут, состязания,
В час, когда свет от тьмы отделяется, белизна с чернотой
различается,
И вершин гор крутых с их зелеными склонами солнце
касается,

на заре Дирсе-хан поднимается, живо собирается, сорок джигитов с собою берет, на пир, на беседу к Баяндур-хану идет.

Джигиты Баяндур-хана его встречают. В черный шатер ведут, сажают, черный войлок ему подстилают, мясом черного барана угощают.

— Таково повеление Баяндур-хана, — ему отвечают.

Дирсе-хан вопрошает:

— В чем же Баяндур-хан увидел во мне изъязн? Или мой меч не разит, или он хлебом-солью моим не сыт? Мужей и ниже меня и негоже в белых и красных шатрах посадил, чем же я ему не угодил, чтоб так меня унижать, в черный шатер сажать?

А ему отвечают:

— Таково повеление Баяндур-хана, таков приказ: у кого ни сына, ни дочери, того бог всемогущий проклял, и мы проклинаям!

Дирсе-хан мигом вскочил, говорит:

— Поднимайтесь, джигиты мои, поспешайте! По моей ли вине, по вине ли жены, но на мне этот черный позор!

Пришел Дирсе-хан домой, стал говорить с женой, кличет жену, зовет, говорит, а послушай, хан мой, что говорит:

Ты, мое счастье! Ты, моя доля!

Выйди, оплот мой, венец в моем доме!

Выйдет из дома, пройдет такая красавица,
Статная, рослая, стан — кипарис, не сгибается,
Черные косы лодыжек вокруг обвиваются.

Тесно в устах твоих алых орешку миндальному,
Жарко щекам, словно яблоку в осень румяному,
Луком изогнуты брови, сошлись к переносице,

Ты, моя тыковка, дынька, жена — плодоносица!

Знаешь ли ты, что случилось? Хан Баяндур поднимался, с места вставал. Землю шатрами уставлял, где белый, где красный, где черный шатер становил и так говорил: сыновей имеющих — в белый шатер, дочерей имеющих — в красный шатер, ни сына, ни дочери не имеющих — в черный шатер ведите, черный войлок ему стелите, мясо черного барана подносите, станет есть, пусть ест, не станет, пусть встает и уходит,

потому что у кого ни сына, ни дочери, того бог всемогущий проклял, и мы проклинаем.

Прихожу я туда, встречают — в черный шатер сажают, черный войлок мне подстилают, мясом черного барана угощают и отвечают:

— У кого ни сына, ни дочери, того бог всемогущий проклял и мы проклинаем, кто про это не знает, пусть знает...

Твоя ли вина? Моя ли вина? Ты отвечать должна. И хочу я знать, почему всевышний не может единственного сына нам дать? И стал причитать:

А не встать ли мне, ханская дочь, не вскочить ли?
Да за ворот на горле тебя не схватить ли?
Да пятою тяжелой тебя не попруть ли?
Свою руку с булатным мечом не поднять ли?
Твою голову с телом твоим разлучить ли?
Тебя сладости жизни твоей научить ли?
Твою алую кровь мне на землю пролить ли?
Говори, в чем причина напасти, ответь мне!
Прогневишь — покараю жестокою смертью!

Отвечала жена Дирсе-хану, а послушаем, что она отвечала:

— Не гневись, Дирсе-хан! Не карай! Горьким словом, обидевшись, не упрекай! Встань-ка и ты, будь скор. Поставь на земле свой пестрый шатер. Пиром народ потешь: из коней — жеребцов, из верблюдов — самцов, из овец — баранов прирежь. Созови на пир весь огузский мир: и Дальних огузов и Ближних¹, чтобы не было ни забытых, ни лишних. Увидишь голодного — накорми, увидишь нагого — одень, наряди. Долги должнику прости. Холм сложи из мяса. Надои озера кумыса. На великий пир не скупись. О сокровенном молись. Буде дойдет наша молитва общая до Всеславного, пошлет он нам потомка желанного.

Дирсе-хан по слову супруги на великий пир не скупился. О сокровенном молился. Из коней — жеребцов, из верблюдов — самцов, из овец — баранов прирезал. Беков Ближних огузов и Дальних огузов к себе на пир созвал. Увидев голодного — насыщал, увидев нагого — одевал, наряжал, долги должникам прощал. Гору мяса сложил, озера кумыса надоил.

Обет дали. О сокровенном молили.

И услышал всевышний молитву их общую и послал ему бже потомство желанное. Забрюхателя жена его.

Минуло время, сына она родила, кормилицам отдала, растила его, берегла.

Конь на скаку споткнется, а певец поет, не запнется, а первенец растет, как скачет во весь опор, не угнаться.

Была бы кость — будет и плоть. Вот исполнилось мальчику пятнадцать.

Тут, однажды, и сменил кочевье отец мальчугана, вступил в орду Баяндур-хана.

Так-то, хан мой! Был у Баяндур-хана бык-бугай здоровый и еще был верблюд матерый. Как бугай тот рогами о камень ударится, камень тот мукой рассыпается. Раз по весне, раз по осени бугая с верблюдом стравливали.

Баяндур-хан с великими беками всех огузов на зрелище это глядели да тешились.

Так-то, султан мой! Как вновь по весне бугая из сарая выводить стали, слева три мужа, сильных и дюжих, справа три мужа, сильных и дюжих, на железной цепи его еле держали.

Вывели на середину майдана; спускать было стали.

Так-то, султан мой! А там-то сынок Дирсе-хана и еще из орды с ним три мальчика в бабки играли.

Стали быка спускать. «Бегите», — мальчишкам кричат. Те-то трое мальчиков прочь побежали. Сын Дирсе-хана не побежал. Встал среди Белого Майдана, поглядел, подождал.

Тут бугай на мальчика и набежал. Вот-вот убьет! А мальчик как хряснет по лбу быка! Да так крепко, что бык так и присел, так и пошел задом, так и попятился...

Снова идет бык на Дирсе-хана сына, снова направился.

И снова удар кулака встречает быка! И так у мальчика крепка оказалась рука, что у быка ходуном заходили бока. А Дирсе-хана сынок на обочь майдана бугая поволол.

Мальчик с быком силой тягался. Бык о его кулак лбом опирался, пеной весь покрывался. Ни бык, ни мальчик не уступали. Ни тот, ни другой не отступался.

Наконец, мальчик и догадался: только крышу столбом подпирают, для того и опора бывает. И что это я быку опорой служу? Стою и его на себе держу?

Оторвал свой кулак от бычьего лба да и отпрыгнул в сторону, рухнул бык, что кров без столба, не устоял, упал сам себе на голову. А парень-то скок, выхватил нож и взмахом быку голову-то и отсек!

Беки огузов на майдане сходились, вокруг мальчугана теснились. Хвалили его, говорили:

— Пусть отец наш, Коркут, придет, этого юношу наречет, имя славное ему даст. Пусть у отца его выпросит юноше бекство, престол и наследство.

Отца Коркута призвали. Отец наш Коркут явился, вместе с юношей пошел к его отцу и к отцу обратился. А послушаем, хан мой, как обратился:

Эй, Дирсе-хан!

Дай сыну сам

Власть и престол — мужествен он.

Дай быстрогоного, дай скакуна,

Ездить верхом — доблестен он.

Дай тьму овец из баранты,

Дай на прокорм — мужествен он.

Из верениц верблюдов рудых

Дай одного для поклажи его — доблестен он.

Дай златоверхий сыну шатер

В тени укрываться — мужествен он.

Дай шитый шелком сыну кафтан

Носить, наряжаться — доблестен он.

На Белом Майдане Баяндур хана сын твой сражался и победил. Быка-бугая он убил. Будь же и сын твой по подвигам славным наречен Бугач-ханом. Я ему имя даю среди нас, долгую жизнь пусть Аллах ему даст!

Дал Дирсе-хан сыну власть и престол. Сын на престол вступил, сорока джигитам отца своего не угодил. Стали сорок джигитов завидовать, на славу его зариться, стали друг с другом сговариваться:

— Пойдем, отцу на сына донесем. Если отец сына убьет, снова нам слава и честь у отца его будет, да еще и прибудет.

Было этих джигитов сорок. Порешили они разделиться. Двадцать из них пошли в одну сторону, двадцать других в другую.

Вот являются первые двадцать и приносят Дирсе-хану новость такую, новость плохую:

— Иль не ведаешь ты, Дирсе-хан, что творится? Ни путем, ни дорогой твой сын не идет, самодуром живет, непокорных ему за горло берет. Сорок джигитов с собой снарядил. На Великих огузов набег совершил. Где какая красавица — мигом её похищает. Старцев белобородых скверной бранью он осыпает, седовласых старух за косы таскает!

Быстро бежит вода, быстрее бежит молва. Высока гора Аладаг, а молва и гору перевалит. Вот дойдет молва до Баяндур-хана, над ханами хана, узнает, на какой разбой сын Дирсе-хана дерзает. Чем такому живым свидетелем быть, лучше не жить! Позовет тебя Баяндур-хан к себе, не пощадит, покарает. Ну к чему тебе такой сын? Чем сыну такому быть, лучше вовсе не быть. Надо его убить, — говорят.

Слыша это, Дирсе-хан отвечает:

— Идите, его приведите. Я его убью!

Говорят:

Отвечает им Дирсе-хан:

А прислужники Дирсе-хану в ответ:

Вот что сделать надо. Подняться тебе, Дирсе-хан, нужно, да собраться дружно. Да нас всех собрать, да с собою взять. К сыну послать, на охоту его позвать. Зверя погонять, птиц выпускать*, да на охоте его и убить. Если так его не возьмешь, то потом его не убьешь, так и знай, — говорят, — поспешай!

И вершин гор крутых с их зелеными склонами солнце
касается,

И невесты-девицы огузов Великих встают, украшаются.
Как заржут быстроногие кони, увидев хозяина.
И борцы-удальцы свои игры начнут, состязания,

— Твой отец сказал, чтоб ты джейранов погнал, а пригнав, убил на его глазах. Как гарцует сын на своем коне, как мечом

30

31

Уходили вдвоем, а приходишь — один, где ж сыночек мой,
Где сынок мой единый, в злосчастную ночь мною роженный?
Чтоб полопались очи мои, уж я ими вокруг изгляделась!
Чтоб иссохла вскормившая грудь его, вся изболелась!
Тело белое пухнет, не желтой змеею ужалено!
Где единственный сын мой, не вижу, сторает душа моя?
Я ль иссохшие реки водой не наполнила?
Я ль, обеты давая дервишам и нищим, чего не исполнила?
Я нагих одевала, голодные мною накормлены,
Холм из мяса сложила, озера кумыса надоены.
Еле вымолен сын мой у бога, родами едва разрешилась.
Где мой сын, Дирсе-хан, говори, отвечай, что случилось?
Может с пестрой горы, что напротив лежит, он был сброшен,

скажи ты мне?
Или в быстрой воде, той что быстро бежит, он утоплен,
скажи ты мне?

Может, львам или тиграм тобою он скормлен, скажи ты мне?
Иль неверным в неволю и рабство он продан, скажи ты мне?
А не то к государю-отцу моему а пойду-ка я,
Грозных войск у него и богатой казны попрошу-ка я.
На гяуров неверных, на грязных врагов нападу-ка я,
Пусть изранена вся, но покуда с коня не свалюсь я,
Алой кровью умывшись, пока рукавом не утрюсь я,
На сырой на земле, ни жива ни мертва, окажусь я,
Буду сына искать и пока не найду, не вернусь я.
Где мой сын, Дирсе-хан, где единственный сын мой, скажи
мне?

Голова моя в жертву тебе да принесена будет отныне!

Так она причитала и плакала горько. И на эти слова не ответил жене Дирсе-хан да и только.

А те сорок злодеев выходят вперед, говорят:

— Жив-здоров твой сынок. Он охотится. Не сегодня, так завтра воротится. Не страшись, не тревожься об этом. Муж твой пьян, не дождешься ответа.

Повернула назад Дирсе-хана жена, воротилась домой, не смирилась. Сорок дев снарядив, повела за собой. На коня быстрого села верхом и на поиски сына пустилась.

И дошла она до Казылык-горы, где зимой и летом лежат снега, где зимой и летом не тают льды. Из ущелий к вершинам взбиралась, с высоты кругом озиравлась. Посмотрела она, увидела. Воронье над ущельем кружится, то поднимется, то опустится. То опустится, то поднимется. Волю коню дала, поскакала туда.

Там-то, султан мой, юноша и лежал, где упал. Воронье, чужая кровь, слетелось, поживиться трупом хотелось.

Две собачки были у юноши, а с хозяином не расстались. Отгоняли прочь от него воронье, вот вороны и поднимались.

А когда он упал и лежал без движения, перед ним пророк Ильяс предстал, на сером коне, в зеленом своем облачении. Трижды своей он дланью провел по его ране.

И сказал:

— Не страшна твоя рана. Не бойся, сынок. Не смертельна она. Исцелит же тебя сок горных цветов с молоком материнским смешанный.

Прискакала мать, отыскав сына, соскочила с коня и над сыном склонилась. Смотрит, видит: сыночек в крови лежит. Стала сына звать, причитать.

А послушай, хан мой, как причитать:

Очи черные да раскосые сном ли скованы, так открыть бы мог!

Иль двенадцать пар ребер сломаны, так срастить бы мог!

Иль из тела дух устремился вон, воротить бы мог!

Если жизнь еще в теле теплится, знак подай, сынок, отвечай, сынок!

А я голову горемычную, прикажи — отдам за тебя, сынок.

И опять она причитала и Казылык-гору проклинала:

Что, Казылык-гора, твои воды текущие

Все текут еще? Век не течь бы им!

Что, Казылык-гора, твои травы цветущие

Все цветут еще? Век не цвести бы им!

Что, джейраны, по склонам бегущие,

Все бегут еще? Окаменеть бы им!

Кто тебя, сынок? Тигр ли подстерег?

Как узнать, сынок, лев ли сбил-то с ног?

Иль коварный враг, иль всесильный рок?

Если жизнь еще в теле теплится, знак подай, сынок,

А я голову горемычную, прикажи — отдам за тебя, сынок!

Так сказала она, и дошел ее плач до сыновнего слуха. Он очнулся. Поднял голову отяжелевшую, приоткрыл глаза заблестевшие, поглядел на мать безутешную. И заговорил.

А посмотри, хан мой, что он говорил:

Подойди, мать, меня породившая,

Молоком своим белым вскормившая,

Мать, душой обо мне скорбевшая,

Мать, от горя-бед поседевшая.

Не кляни ты воды текущие,

Воды чистые Казылык-горы,
Нет греха на них, нет на них вины.

Не кляни ты травы цветущие

И душистые Казылык-горы,

Нет греха на них, нет на них вины.

Не кляни ты по склонам бегущего

Ни джейрана быстрого Казылык-горы,

Нет греха на нем, нет на нем вины.

И ни тигра, ни льва стерегущего,

Не кляни зверей Казылык-горы,

Нет греха на них, нет на них вины.

А клянись, проклинай отца моего,

Это грех его, и вина — его.

И снова он говорил:

— Мать, не плачь, успокойся. Не смертельная рана моя. Не бойся! На сером коне пророк Ильяс ко мне приходил. Трижды дланью по ране моей проводил. Не умрешь ты от раны своей, говорил. Исцелит тебя горный цветок и молоко материнское, — говорил.

Как сказал он эти слова, сорок стройных дев побежали, горных цветов нарвали. А юноши мать стала груди свои давить и сжимать. Раз сдавила — нет молока! В другой сдавила — нет молока, что есть силы сдавила — и в третий раз, кровью грудь ее налилась. Снова сдавила — брызнула кровь с молоком!

Молоко смешали с горным цветком, к ранам юноши приложили. На коня его посадили. Взяв с собой, в орду приводили. Врачевателям юношу поручили, от Дирсе-хана скрыли.

Конь на скаку споткнется, певец поет — не запнется, хан мой! В сорок дней раны юноши исцелились, встал он жив-здоров. Стал на коня садиться, стал мечом опоясываться. Стал зверя гонять, стал он птиц выпускать. А Дирсе-хан и не знает, сына мертвым считает.

А те сорок злодеев про это узнали, что им делать, подумывать стали.

— Вот увидит Дирсе-хан своего сыночка, разорвет он нас всех на кусочки — так они рассуждали: пойдем, Дирсе-хана схватим, белые руки на спине ему свяжем, на белую шею аркан волосяной накинem, взявши его, пойдем, к неверным его уведем!

Пошли, Дирсе-хана схватили, белые руки ему на спине скрутили, на белую шею волосяной аркан нацепили и так его били, пока белое тело в кровавое месиво не превратили. Дирсе-хан пешком, а сами верхом в путь отправились. В земли дальних гяуров направились. Идут изменники, Дирсе-хана ведут, как пленника. Знать не знают беки огузов о пленении Дирсе-хана, ведать не ведают.

А между тем, султан мой, жена Дирсе-хана об этом прознала сына к себе призвала, а, призвав его, увещевала, а послушай, хан мой, как увещевала:

— А ты знаешь ли, сын, что случилось? Не трясло скалы твердые, а земля провалилась. Нет в стране врага, а вражья сила на отца ополчилась.

Сорок джигитов, товарищей именитых, отца твоего схватили. Белые руки ему на спине скрутили. Сами верхом, а отца пешком поволокли, потащили. В земли дальних гяуров² направились. Государь мой, сынок, поднимайся! А поднявшись, скорей снаряжайся! Сорок джигитов с собою взяв, от тех сорока злодеев отца избавь! Ступай же, сын! Спаси отца! Пусть отец тебя погубить хотел, не губи же и ты своего отца, — говорит.

Слова матери сын не ослушался, сын послушался. Как встает Бугач-хан, поднимается, живо он собирается. Мечом черным булатным опоясывается, надевает на руку золотую палицу, крепкий лук он берет с налучником, он берет рукою богатырскою, на коня садится быстроногого. Сорок джигитов с собой берет, по следам отца за отцом идет.

Заходит на сорок злодеев сзаду. Устраивает им засаду.

А те сорок злодеев в местечке одном расположились. Вина крепкого напились, лежат, развалились. Прискакал тут к ним Бугач-хан.

Те злодеи его увидели, да не узнали, и так сказали:

— Давайте пойдем и того джигита поймаем, возьмем, не одного, а сразу двух гяурам в плен отведем.

Услыхал это Дирсе-хан и говорит:

— Пощадите, о сорок моих сотоварищей! Избавьте от бед! В единстве божем сомнений нет! Руки вы мне развяжите, комуз мой принесите, исполните волю мою хоть одну, а я джигита назад поверну. Хотите, потом казните, а сейчас отпустите.

Руки белые Дирсе-хану они развязали, комуз его принесли, в руки дали. Дирсе-хан в джигите сына-то не узнал, супротив него встал и сказал. А послушай, хан мой, что он сказал:

Уводят, уводят мои табуны, уйдут скакуны, чьи шеи длинны,
мои — не твои.

Но если меж них твой конь верховой, скажи мне, герой,
Отдам, отступись! Но в бой не вяжись, назад воротись!
Уйдут тьмы овец моей баранты, мои — не твои!

Но если меж них и твои на прокорм, скажи мне, герой,
Отдам, отступись! Но в бой не вяжись, назад воротись!
Уйдут вереницы верблюдов рудых, моих, не твоих,
Но если меж них твой верблюд боевой скажи мне, герой,

Отдам, отступись! Но в бой не вяжись, назад воротись!
Уйдут, пропадут златоверхи шатры, мои — не твои!
Но если меж них, шатер твой родной, скажи мне, герой,
Отдам, отступись! Но в бой не вяжись, назад воротись!
Уводят моих ясноглазых невест, моих — не твоих!
Но если меж них невеста одна тебе отдана, скажи мне, герой,
Отдам, отступись! Но в бой не вяжись, назад воротись!
Уводят в полон стариков дорогих, моих — не твоих!
Но если меж них отец твой седой, скажи мне, герой,
Отдам, отступись! Но в бой не вяжись, назад воротись!
А если пришел за меня заступиться, я — сыноубийца!
Тебе за такого нельзя умирать, назад воротись!

И тогда отвечал сын отцу. А посмотрим, хан мой, как отвечал:

Уводят, уводят твои табуны, уйдут скакуны, чьи шеи длинны,
твои — не мои!

Но есть среди них мой конь верховой,
Его одному, сорока ли врагам, вовек не отдам!
Уйдут вереницы верблюдов рудых, твоих — не моих!
Но есть среди них мой верблюд боевой,
Его одному, сорока ли врагам, вовек не отдам!
Уйдут тьмы овец твоей баранты, твои — не мои!
Но есть среди них и мои на прокорм.
Я их одному, сорока ли врагам, вовек не отдам!
Уйдут, пропадут златоверхи шатры, твои — не мои!
Но есть среди них шатер мой родной,
Его одному, сорока ли врагам, вовек не отдам!
Уводят невест ясноглазых твоих, твоих — не моих!
Но есть там одна, что мне отдана,
Ее одному, сорока ли врагам, вовек не отдам!
Уводят в полон стариков дорогих, твоих — не моих!
Но есть среди них одинокий, седой
Старик обезумевший, бедный, больной — отец мой родной!
Его одному, сорока ли врагам, вовек не отдам!

И тут он чалму с головы сорвал, знак джигитам своим подал. Джигиты его не зевали, коней быстроногих погнали, к юноше прискакали, вокруг собрались — и на врага понеслись! Впереди Бугач-хан, сорок джигитов за ним. Конь на скаку взвизгивает, бьет хан, сражается. Кому голову отрубил, кого полонил, отца освободил, назад поворотил.

Только тут Дирсе-хан и узнал, что сын его жив.
Хан Баяндур, над ханами хан, дал Бугач-хану чин бека,

престол дал. Отец наш Коркут песню спел, слово молвил,
это сказание, огузов предание он и сложил, и так говорил:

И они, в этот мир приходя, уходили.
Так караван отпочевал, отпочевал.
Смерть забирает, земля сокрывает.
Кому бренный мир остается? Кто знает?
О мир, где приход и уход в свой черед!
О жизнь, где и жизни конец настает!

А смерть и придет, пусть тебя обойдет! Пусть здравствует
здравый, кому бог дает! Пусть тем, кого славим, бог помощь
подаст! И да не забудет всевышний про нас! Благословлю тебя,
хан!

Да не рассыпаться в прах твоим неприступным горам! Да не
ударит топор по могучим тенистым твоим деревьям! Да не иссох-
нуть твоим вечно несущим светлые воды ручьям! Да не сломать-
ся тебя возносящим крылам! Да не споткнуться твоим на скаку
светло-серым коням! Да не иступится меч твой булатный в
бою! Да не сломаться летящему к цели копью! Да обретет
седокудрая мать твоя место в раю! Да обретет белобородый
отец твой престол и в небесном краю! Да не заставит все-
вышний тебя поклониться злодею-врагу! Да не погаснет све-
тильник твой, богом заженный, пусть светит, горит! Пусть же
того, кого славим и благословляем, бог благословит! Хей,
хан мой!

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

о бдзобенни
дома
сдлчд казана
поведает

Хей, хан мой!

Однажды сын Улаша, надежда сиротская наша, выкормыш птицы Тулу-Орлицы, под кем каурый конь горячится, лев Амитский, тигр Карачугский, Баяндур-хана зять, герой каких поискать, отец молодого Уруза, богатство и крепость великих огузов и остальным джигитам — пример и защита, Салур Казан с места вставал. Девяноста шатрами с островерхими куполами землю уставлял. Шелковые ковры в девяноста местах расстилал, в восьмидесяти местах бадьи и чаны стояли, в чашах больших на ножках золотых питье подавали.

Девять дев чернооких, светлоликих, высоких, косы до пят по спине, от запястий ладони хной окрашенные, пальцы тонкие — изукрашены, груди застежками золотятся, девять дочерей иноверцев с пиалами ходили, беков великих огузов вином обносили, поили. Пил, пил сын Улаша Салур Казан, много ли, мало, а крепкое вино у него в голове заиграло. На крепкие колена поднялся и говорит:

— Гласу внимайте, беки! В слово вникайте, беки! От лежанья бока залежались, от стоянья хребты застоялись. А не двинуться ли нам, беки? Зверя погонять, птиц выпускать, джейранов, куланов добудем, с добычей домой придем, посидим в шатрах, поедим, попьем, время хорошо проведем.

Сын Кыян-Сельджука Дели Дондар в ответ:

— Да, хан Казан, добрый совет.

Сын Кара-Гюне Кара-Будаг в ответ:

— Да, Казан-хан, добрый совет.

И когда они так сказали, Аруз-Коджа, у которого рот с конскую пасть, на крепких коленях привстал и решил сказать:

— Спору нет, господин мой Казан, это добрый совет. Но куда сидишь ты с огузами у прохода в Грузию веры нечистой, куда гуляешь, на кого орду оставляешь?

Отвечает Казан:

— Оставляю на сына Уруза и на триста джигитов свой дом! — И на том, на кауром своем через миг оказался верхом.

С белым на лбу пятном, на своем жеребце гнедом Дондар гарцевал. На соловом своем быстроногом коне брат Казан-хана Кара Гюне поскакал. Шир-Шемсетдин, тот, кто врагов Баяндур-хана вспять обратил, на белом коне, быстроногом своем скакуне гарцевал. Улетевший, как птица, из Байбурдской темницы, крепости Пара-Сары на сером своем жеребце сидел бек Бейрек. Всадника на кауром, кого звать Казаном Салуром, а он священником называл, на жеребце своем чалом доблестный бек Егенек поскакал. Всех называть — конца не видать, беки великих огузов коней оседлали.

Пестрое войско на пестрых конях вышло охотиться в пестрых горах Аладаг, и — поскакали!

А тем временем лазутчик гяуров не спал, не дремал, пронюхал про этот поход, разузнал. Пошел и гяуру гяуров. Шюкли-Мелику* все рассказал.

Семь тысяч врагов нашей веры единой, в кафтанах разодранных сзади до половины, черноволосых гяуров грязных, спесивых, на конях своих пегих и сивых, так припустили, что к вечеру в орде Казан-хана были.

Златоверхие шатры его изрубили, дочь-девицу, белую лебедицу, криком кричать заставили. Табуны его быстрых коней оборотили. Вереницы верблюдов за собой повели, потащили. Из бесчисленной казны золото-серебро все растащили.

И Бурлу-хатун Высокорослую, а с ней вместе сорок стройных дев они полонили. Увели они мать Казан-хана почтенную и постаревшую, увели ее к шее верблюда подвешенную. Увели и сына Казан-хана Уруза с его тремьями джигитами, со руками со связанными, со локтями со связанными и веревкой одной перевитыми.

Сын Коджи Эйлика Сары Гулмаш за дом Казан-хана мучеником пал. А Казан о беде своей ведать не ведал и знать ничего не знал.

Гяур говорит:

— Табуны Казан-хана вы, беки, сегодня взнуздали. Золотую казну Казан-хана разграбили, много забрали. Его сына Уруза с сорока джигитами вы схватили и полонили. Вереницы верблюдов угнали. Сорок стройных дев и жену Казан-хана вы

* Мелик — царь, государь, то есть царю Шюкли.

взяли и с собой увели. Мы великий урон Казан-хану теперь нанесли!

Один из гяуров говорит:

— Еще бы один урон нанести Казану.

Спрашивает, Шюкли-Мелик:

— Ну, азнавур,² какой урон, говори?

Гяур говорит:

— Есть у Казана, у Дербентских Ворот кошара, стадо баранов в тыщу голов. Вот если этих баранов возьмем, большой урон Казану нанесем.

Шюкли-Мелик говорит:

— Пусть шестьсот гяуров пойдут и баранов возьмут.

Сели шестьсот гяуров на коней и за баранами в путь поскорей.

Приснился ночью Караджук Чабану черный зловещий сон. От страшного сна пробудился он. Мигом встал. Двух своих братьев Киян Кюджу и Дамир Кюджу к себе призвал, закрыл ворота ограды, насыпал из камней преграды — три холма из камней сложил. Пращу с разноцветным ремнем и донцем рядом с собой положил.

И вдруг, откуда ни возьмись, перед Караджук Чабаном шестьсот гяуров и явись!

Говорит гяур:

Эй, пастух, с наступлением ночи покоя не знающий!

Снег идет или дождь, из огнива огонь высекающий,

Эй, пастух, сливки, сыр, молоко наживающий.

Мы златоверхие шатры бека, чье имя Казан, изрубили. Табуны коней его быстрых мы оборотили, вереницы верблюдов рудых мы угнали. Мать его постаревшую мы забрали. Золотую казну его мы растащили. Его дочь — девицу, белую лебедицу мы полонили. Сына Казана Уруза с сорока джигитами мы полонили. Сорок стройных дев, а с ними жену его мы захватили. Слушай нас, Караджук Чабан! Подойди поближе, да поклонись пониже, нам поклонись, нам покорись! Нам поклонись — не убьем, к Шюкли-Мелику отведем, дадим тебе бека власть, есть и пить будешь всласть.

Отвечает Караджук Чабан:

Не брещи, гяур, шелудивый пес, пес поганый, попусту лаешь!

Из одной с собаками ямы жрешь, из одной помойки лакаешь!

Не бахвалься сивым своим конем, чем, гяур, ты вздумал кичиться?

Да мой серый козел с твоим конем никогда ни в чем не сравнится!

Не бахвалься шлемом своим пустым, чем, гяур, ты вздумал кичиться?

Да моя шапчонка с шлемом твоим никогда ни в чем не
сравнится!
В шестьдесят тутамов³ твое копье, чем, гяур, ты вздумал
кичиться?
Да моя дубинка с твоим копьем никогда ни в чем не
сравнится!
Не хвались, не ба хвались своим мечом, чем, гяур, ты вздумал
кичиться?
Мой пастушеский посох с гнутым концом ни с каким мечом
не сравнится!
Девяносто стрел у тебя за спиной, чем, гяур, ты вздумал
кичиться?
Да моя с разноцветным ремнем праща, ни с какой стрелой
не сравнится!
Хочешь биться вблизи — подходи, давай, хочешь издала —
не откладывай!
Но каков у джигита удар — узнай, а потом пойдя прочь,
проваливай!

Как эти слова гяуры услышали, так коней погнали, стрелами закидали. Поражавший мужей Караджук Чабан стал камнями в донце пращи своей класть да метать. Одним камнем, что он метал, двух или трех убивал, двумя камнями, что он метал, трех или четырех убивал. Всех гяуров страх обуял. Триста гяуров камнями своей пращи Караджук Чобан уложил наповал. Оба его брата под стрелами пали. Мучениками стали.

Стала кончаться гора камней, так он, не глядя, стал коз, овец и баранов хватать, из пращи во врага метать. Как бросит — так четырех-пятерых гяуров уложит. Тут же гяуры от страха не знали куда и деваться. Светлый день стал им черной ночью казаться. Стали они говорить:

— Этому что убить, что дрова рубить, этот на полпути не остановится, пока всех нас не перебьет, не успокоится.

Недолго ждали, все убежали.

Павшим братьям своим Караджук Чабан долг последний отдал, похоронил. Холм большущий из трупов гяуров сложил. Ударил огнем, огонь запылил, из епанчи прижигальную повязку себе смастерил, к ранам своим приложил. Сел на обочину, заплакал, причитал, завыл и так говорил:

— Ах, Салур-Казан, где же ты пропадешь? Жив ли, мертв ли, неужели о беде не знаешь?

А между тем, хан мой, сын Улаша, надежда сиротская наша и великим огузам и остальным джигитам защита, джигит, каких поискать, Баяндур-хана зять, легши спать, мало спал да много видел. А видел он страшный сон, сон зловещий, да, видно, вещий.

Очнулся, проснулся, встал и говорит:

— Знаешь ли, брат мой, Кара-Гюне, что я сегодня видел во сне? Видел сон я черный, зловещий, видел сон я страшный и вещий. Видел, как сокола моего, что качается на боевой рукавице, побивают другие птицы... Как небесная молния в мой беловерхий шатер ударяется... Как из тучи из черной снег и ливень на орду мою проливается... Как взбешенные волки в шатер мой клыками впиваются... Как мой черный верблюд лягается... Видел, мои волосы черные по лицу рассыпаются... По запястьях руки кровью обагряются. И с тех пор, как увидел я то сновидение, нет покоя мне от наваждения... Брат мой, хан, растолкуй ты мне сон мой! Душа моя в страшном волнении.

Кара-Гюне отвечает:

— Черная туча означает твоё богатство бесчисленное. Снег и дождь — это войско твоё несметное. Рассыпаются волосы — это обида горячая. Кровь — беда неминуемая. Остального я истолковать не могу, пусть аллах растолкует.

Слыша эти слова, Казан говорит:

— Не надо охоты расстраивать! Не надо войска рассеивать! Лучше я нынче каурого своего изведу, путь трехдневный за день пройду, а к полудню до стойбища дойду. Если все живы-здоровы, к вечеру буду здесь снова, а если в орде беда, не скоро вернусь сюда. Как вам быть, сами решайте, а я уйду, прощайте!

Оседлал он каурого своего коня, прищепил, помчался. Скоро ль, нет ли, а до стойбища он добрался. Подворье свое увидал и столбом встал. Видит, ворон в небе летает, да пес одичавший шныряет.

И стал Казан-бек причитать, стойбище свое вопрошать, а послушай, хан мой, как вопрошать:

Что стряслось с тобою? Что случилось, моя родина, мое
стойбище?

Где джейранам вчера гулялось и куланы паслись на
стойбище!

И откуда? Как? Вражьи полчища очутились здесь в моем
стойбище?

Где белел шатер, мною ставленный, на том месте видна
отметина.

Где сидела старушка-матушка, на том месте осталась
вмятина.

Где сынок Уруз метал стрелы в цель, на том месте мишень
метателя,

Где огузов было ристалище, там пустырь, травой
зарастающий,

Вместо кухни жарящей, варящей лишь один очаг
остывающий!

И, увидев горе такое, переполнились черно-раскосые очи
Казана кровавой слезою. В жилах кровь его закипела, печень
черная заболела, сердце гордое заскучало, и хлестнул он коня
каурого, по следам гяуров помчал он.

И остановился тогда, когда перед ним оказалась вода.
Говорит Казан:

— Ведь вода божий лик лицеизрела. Расспрошу-ка я воду, —
сказал, а посмотрим, мой хан, как он воду расспрашивать стал:

И шумя, и звеня, ты из скал вытекаешь, вода!
Деревянным большим кораблем ты играешь, вода!
О Хасане с Хусейном печалюсь, вздыхаешь, вода!
Огороды, сады от жестокого зноя спасаешь, вода!
Ты Айшу с Фатимой отражаешь, вода!
Быстроногих горячих коней жажду ты утоляешь вода!
Вереницы верблюдов в себе пропускаешь, вода!
И отарам овец на берегах отдыхать позволяешь, вода!
Ты не знаешь, куда моя делась орда? Если знаешь, скажи
мне!

А я жизнь за тебя положу, о вода, прикажи мне!

Воде бежать, а не ответ держать. Ничего не могла вода ему
сказать. Через реку он переправляется, и на этот раз волк на
пути попадает:

— Если волк повстречается — к счастью, кажется! —
говорит Казан. — Надо волка мне расспросить.

И стал говорить, а посмотрим, хан мой, как говорить:

Наступления ночи, как дня ожидающий,
В снег и дождь головы, как герой, не склоняющий,
Скакунов вороных громко ржать вынуждающий,
Вереницы верблюдов реветь заставляющий,
Ты, барана ударом хвоста отбивающий,
И ограду кошары прыжком разрушающий,
И за жирный за корень барана хватающий,
И клыками курдюк вмиг овце раздражающий,
С громким чавканьем этот курдюк пожирающий,
Своим воем собак-сторожей ужасающий,
Пастухов и с огнем и с огнем пугающий,
Ты не знаешь, куда моя делась орда? Если знаешь, скажи
мне!

А я жизнь за тебя положу, волк, только ты прикажи мне!

Где уж волку ответ держать? Ничего не мог ему волк
сказать. Волк мимо, а путь продолжается. Черный пес Кара-
джук Чабана навстречу ему попадает. И решил Казан пса
расспросить, а посмотрим, хан мой, как расспросить:

С наступлением ночи ты гавкаешь, лаешь,
Выльют горклый айран, ты, зачавкав, лакаешь,
На воров и грабителей страх нагоняешь,
Напугав, ты бояться шагов их своих заставляешь,
Ты не знаешь, куда моя делась орда? Если знаешь, скажи
мне?

На всю жизнь благодарен останусь, о пес, прикажи мне!

Где уж псу ответ держать? Стал пес под ноги Казанову
коню бросаться, визжать да кусаться. Пришлось Казану пса
пинком отогнать. Пес отстал, по дороге, какой он пришел,
назад убежал. Казан за псом вдогонку погнался и перед Ка-
раджук Чабаном оказался. Увидел пастуха и стал вопрошать,
а послушай, хан мой, как он вопрошает:

Эй, пастух, с наступлением ночи покоя не знающий!
В снег и дождь из огнива огонь высекающий!
Гласу внимай, пастух, в слово вникай, пастух!
Ты не видел, шатер златоверхий мой здесь проходил ли?
Жизнь отдам за ответ твой, пастух, но скажи мне!

Пастух отвечает:

Где ты был, Казан, умирал ли где?
Где ты был, Казан, пропадал ли где?
Где ходил, Казан, где гулял, Казан?
Не вчера, не сегодня — проходил твой шатер третьеводни.
Здесь прошла твоя мать постаревшая.
К шее черного верблюда подвешенная.
Здесь прошли твои сорок стройных дев,
С ними вместе прошла и твоя жена,
Госпожа Бурла Высокорослая,
Шла, рыдая, с распущенными косами.
Здесь прошел Уруз, здесь прошел твой сын,
Со своими сорока джигитами,
Шли босые, с головами непокрытыми.
Табуны коней оседлал гяур,
Вереницы верблюдов угнал гяур,
И казну, и добро — все забрал гяур.

Услыхал такое Казан, только «ах!» и сказал. Разум его
помутился, белый свет черным мраком покрылся. Говорит:

— Словом во рту поперхнись, пастух! Да отсохни язык твой и отвались! Прокляни тебя бог! Как ты такое сказать мне мог?

И услыша, что говорит Казан, пастух такие слова сказал:

— Не щадишь, отец мой, Казан, не щадишь! Или в бога не веришь, что бога гневишь?! Шестьсот гяуров по душу мою пришли. Два моих брата в бою полегли! Я из этих шестисот триста убил, сражался, не отступил. Не из жирных баранов, не из тощих ягнят, никто из кошары твоей не был взят. Три раны в сражении я получил, а что я остался один, так в этом ли грех мой? — Вот так он спросил.

И еще пастух говорил:

Ты дай мне, Казан, коня своего!
Свое в шестьдесят тутамов³ копье!
Дай пестрый свой щит,
Булатный свой меч!
Колчан боевой!
Лук буковый свой!
Позволь на гяуров походом сходить!
Позволь их всех, до одного, истребить!
Дай кровь рукавом от чела отереть,
И, если умру, за тебя умереть!
Поможет господь, я смогу, может быть,
Добро и шатер, и родных воротить!

Слыша это, Казан еще пуще гневаться стал, прищпорил коня и прочь ускакал. А пастух за ним следом идет, ни на шаг не отстает. Обернулся Казан, спрашивает:

— Сын мой, Чабан, куда это ты идешь?

А Чабан отвечает:

— Господин Казан, ты идешь свой дом воротить, я же иду за братьев своих отомстить.

Слыша эти слова, говорит Казан:

— Накормил бы сперва! На пустое брюхо не делаются дела. Что-нибудь есть у тебя поесть?

Чабан говорит:

— Есть, отец мой, Казан, как не быть! В прошлую ночь стал я ягненка варить. Сварить сварил, а поесть позабыл. С коня сойди, приди, под деревом этим посиди, накормлю.

Сели, пастух достал переметную суму. Поели.

Казан подумал:

— Если с пастухом на гяуров вместе отправлюсь, от позорных насмешек огузов моих не избавлюсь. Всякий станет болтать, что без пастуха Казану гяуров было не взять.

И так Казан к пастуху взревновал, что взял и крепко-на-крепко к дереву его привязал. Сел на коня и дальше один, поскáкал, а перед тем пастуху сказал:

— Слушай, пастух! Пока жив в тебе дух, пока брюхо сыто и глаза не мраком покрыты, может, из пут моих выйдешь, если дерево вырвешь. Пока волки тебя не сожрали, птицы не заклевали.

Караджук Чабан поднатужился, поднапружился, встал, вырвал крепкое дерево вместе с корнями, на спину взвалил, вслед за Казаном пошел и скоро его нагнал.

Казан смотрит — видит: пастух идет, на спине дерево несет. Говорит:

— Эт, пастух, зачем тебе это дерево?

Пастух отвечает:

— Господин Казан, это дерево не простое, это дерево вот какое! Как ты с гяурами справишься, да проголодаешься, я на этом дереве буду огонь разводить, пищу варить и тебя кормить.

Казану понравилось сказанное. Он с коня сошел, руки пастуху развязал, в лоб его поцеловал и так сказал:

— Даст бог, с гяурами сладить, свое племя от плена избавить, а тебя я конюшим назначу, так и быть!

Так вдвоем в путь и пустились.

А в это время Шюкли-Мелик с гяурами своими сидел, пил, ел, веселился. А развеселившись, разговорился:

— Эй! Беки, знаете, какую обиду нужно Казану еще нанести? Нужно пойти и жену его Бурлу Высокорослую привести. Пусть-ка она придет. Чаши с вином нам подает.

Как Высокорослая Бурла о том услышала, сердце и душа ее огнем запылала. В круг своих дев вошла, среди них укрылась, с ними смешалась. И такой наказ им дала:

— К кому бы из вас ни стали приставать, кого бы из вас ни стали вопрошать, кто из вас Казана жена, все сорок должны отвечать, как одна.

Пришел от Шюкли-Мелика человек, спрашивает:

— Кто из вас Казана жена?

Тут все сорок дев отозвались, как одна. Так он и не узнал, которая меж дев она. Царя об этом известили.

Тут гяур и говорит:

— Эй! Пойдите, сына Казана Уруза возьмите, из темницы выведите, на крюк подвесьте, кусок за куском с тела живого его белое мясо срежьте! Черное жаркое изжарьте! Сорока девам подайте. Потчуйте, угощайте. Та, кто съест это мясо, то не она, не Казана жена, кто не станет есть — это и есть она, Казана жена. Ту и надо брать будет нам в чаши вино наливать!

Госпожа Бурла про это узнала, к сыну своему побежала, стала звать его, говорить, а послушай, хан мой, как говорить:

Ах ты сын мой, сын! Ах, сынок, сынок!

А ты знаешь ли, что случилось?

Говорили гяуры, шептались,

Я прознала про все, догадалась.

Златоверхого шатра ты столбок, сынок!

Ликованье джигитов-друзей, сынок!

Любованье невесты-сестры, сынок!

Девять месяцев во чреве ношенный, сын!

На десятый на свет белый роженный, сын!

В колыбели златой я качала тебя,

Пеленала тебя, свивала тебя!

Злое дело гяуры задумали. Хотят сына Казана Уруза из темницы вывести, да арканом за шею подвесить. Да проткнуть одно его плечико одним крюком, да другое его плечико другим крюком. Отрезать от живого тела мясо белое кусок за куском. Черное жаркое изжарить, сорок дев его есть заставить. Кто не станет есть, с той и глаз не спускать. Кто съест, не она, не Казана жена, кто не съест — то она, Казан-хана жена. Ту и надо брать, будет с нами спать, в чаши вино наливать, нам подавать — вот что гяуры сказали! Или стану, сын, твое мясо есть? Иль с гяуром поганым на ложе лечь? В чаши вино наливать, им подавать? Честь Казан-хана, отца твоего, осквернять? Как мне быть?

Отвечает Уруз:

— Словом во рту поперхнись! Да отсохни язык твой, да отвались! И не будь право матери правом бога, я бы не мешкал долго! Сразу вскочил бы да за ворот на горле тебя ухватил бы, да пятою своею тяжелой тебя я попрал бы, твое белое личико в землю втоптал бы, кровь из носа и рта я пустил бы, тебя сладости жизни твоей научил бы! Что это за слова?! Берегись, мать, ибо ты не права. Прочь с моих глаз навсегда и не плачь по мне никогда. Дай им на крюк меня вздернуть, подвесить, дай им от белого тела кусочками мясо отрезать. Пусть они черное это жаркое изжарят. Пусть они мясом моим и тебя и твоих сорок дев угощают! И пока они будут съедать по кусочку, ты по два съедай, но узнать им себя не дай! Горе свое скрывай и что бы со мной ни случилось, не хочу, чтоб на ложе одном ты с гяуром потом оказалась! Не хочу, чтоб им чаши с вином подавала, честь Казан-хана, отца моего, оскверняла. Остерегись!

От таких слов сыновних у нее из глаз слезы так и хлынули, и полились. И за шею и уши Бурла себя крепко хватала, и румянее яблок осенних себе щеки царапала и раздирала, и чернее ворона черного волосы, черные рвала, «сын мой, сын» причитала, кричала и плакала, горько рыдала.

Говорит Уруз:

Что ты плачешь, мать, перестань рыдать!
Не поможешь криком, стенанием.
Не довольно ли печень мою терзать?
Душу воплями надрывать,
О минувших днях воспоминанием?
Там, где кони арабские есть, отчего ж не быть
И еще одному жеребеночку?
Где верблюды есть, отчего ж не быть
И еще одному верблюжоночку?
Где бараны есть, отчего ж не быть
И еще одному ягненочку?
Если жив отец, будь здоров отец!
Если мать жива, будь здорова мать!
Если живы вы, отчего ж не быть
И еще одному ребеночку?
И еще такому же сыну, как я...

И смутилась на эти слова его мать, удалилась. И в кругу сорока стройных дев укрылась.

Взяли Уруза гяуры, схватили, на плаху его потащили.

Говорит Уруз:

— Пошадите, гяуры, избавьте от бед! В единстве божьем сомненья нет! Дайте мне с этим деревом поговорить!

И вскричал он громким голосом и стал говорить, а послушай, хан мой, как говорить:

Стану звать тебя, дерево, дерево, не стыдись, имя славное
дерево!

Врата в Мекку, в Медину священные, от тебя, бесценное
дерево!

Лицезревшего лик Сокровенного, Моисея посох — из дерева!
Над широкой рекой встающие все мосты-переправы из
дерева!

По морям глубоким плывущие корабли и суда из дерева!
У коня Дуль-Дуль у коня Али от тебя седло деревянное!
У меча «Зульфикар» драгоценного рукоятка и ножны из
дерева!

У Хасана с Хусейном, святых людей, колыбель была
деревянная!

Хоть мужчина будь, будь хоть женщина — всякий дерева
устрашается!

Погляжу наверх, нет конца ветвям, в небе дерево не
кончается.

Погляжу я вниз, нет конца корням, в земле дерево не
кончается.
Вот повесит враг на тебе меня, ты ж не стерпишь того,
сломаешься!
Если стерпишь — знай, не пройдет и дня, за мученья мои
поплатишься!
У народа вечно в тебе нужда, а ты знаешь ли, что я сделаю?
А я черных индийских рабов позову сюда и велю срубить
тебя, дерево!
Прикажу и срубят тебя, вот тут, на куски, на щепочки
разнесут.

А потом еще так сказал:

Ничего не жаль, только жаль коней, в табуне на воле
гуляющих!

Никого не жаль, только жаль друзей, как о брате, о мне
рыдающих.

И еще мне жаль птицу-сокола, на руке сидит, весь нахохлил-
ся.

И еще мне жаль мою гончую, я с ней вволю не поохотился.
И еще мне жаль самого себя, не нажился всласть, не
навиделся!

Жаль, что душу свою сгубя, молодечеством не насытился.

Горько-горько он стал рыдать, сердце бедное стал терзать.

Тут, султан мой, Салур Казан с Караджук Чабаном прискакали, пришли. А была у Чабана праща — с ляжкой из шкуры тельца трехлетнего, да с ремнем из шкур трех козлов. И бросал он ею за раз камень в двенадцать пудов. Камень, им брошенный из пращи, не скоро на землю валился, а если и падал, в том месте смерчем крутился, в землю ввинчивался и так сверлил, что получался в земле тандыр.⁴ И в том месте, где падал камень, три года трава не росла. Такая праща была, что если жирные бараны и тощие ягнята на пастбище близ оказались, то волки напасть опасались. И как Чабан за пращу свою взялся, белый свет гяурам с овчинку уже показался. Говорит Казан:

— Погоди, Караджук Чабан! Выпрошу-ка я у гяуров свою старую мать. Чтob конем в бою ее не затоптать.

Конь на скаку споткнется, певец поет — не запнется.

И позвал Казан-хан гяура и стал говорить, а посмотрим, хан мой, что говорить:

Эй, Шюкю-Мелик!

В унесенных тобою шатрах моих, взятых без бою,

Так и быть, отдыхай!
Унесенной тобою моею богатой казною,
Так и быть, обладай!
Уведенной тобою жене моей Бурле без бою
Твоей пленницей быть!
Вместе с ней уведенным сорока девам стройным
Твоим слугам служить!
Уведенный тобою сын Уруз мой без боя —
Он твой раб навсегда!
Вместе с ним уведенным сорока юношам гордым
Быть рабами раба!
И коней моих быстрых, тобой уведенных,
Отдаю, можешь взять!
Вереницы верблюдов, тобой уведенных,
Пусть несут твою кладь!
Но тобой уведенную, сединой убеленную,
Престарелую мать
Не могу я отдать!
Мать отдашь — обещаю, от всего отступлюсь!
Мать отдашь — обещаю, в бой с тобой не ввяжусь!
Мать отдашь — повернусь и назад ворочусь, так и знай!

Отвечает гяур:
Эй, Казан!
Унесенные нами шатры взяли сами,
Они наши и так!
Уведенную нами и Бурлу-хатун взяли мы сами,
Она наша и так!
Вместе с ней уведенные сорок дев твоих стройных,
Они наши и так!
Уведенного нами сына взяли мы сами.
Он теперь наш и так!
Вместе с ним уведенные сорок юношей стройных,
Они наши и так!
Уведенных же нами коней взяли сами.
Они наши и так!
Уведенные нами вереницы верблюдов,
Они наши и так!
Уведенная нами твоя матушка с нами,
Она наша и так!
Мы тебе ее не отдадим. А отдадим ее за сына попа Яйхана.
От сына попа Яйхана родит она сына и будет он у нас за
Казан-хана должник и заложник.
От таких-то слов Караджук Чабан так разгневался, что
аж губы полопались, порастрескались. Говорит пастух:

Эй! Не знающий истинной веры, эй, глупый гяур!
Эй, без чувства, без мысли, без меры, гяур!
Забелели снегами вершины гор,
Постарели, травой не покроются.
Обмелели русла широких рек,
Постарели, водой не наполнятся.
Соколами летали кони вчера,
Постарев, не дадут жеребенка.
Кладь таскали верблюды вчера,
Постарев, не дадут верблюжонка.
Точно так же, гяур, Казан-хана мать,
Постарев, не родит ребенка!

А если от Казан-хана приплод тебе нужен, царь Шюкли, так
пойди, черноглазую дочь свою приведи, отдай ее Казану, без-
божник, она вам сына родит, вот и будет у вас за Казана долж-
ник и заложник.

К тому времени о беде Казан-хана беки огузов узнали,
на помощь ему послакали.

Тут и беки Великих огузов пришли, а посмотрим, хан мой,
какие из них пришли.

Беличайших мужей своим мужеством поражавший, вход в
Ущелье Черное защищавший, колыбель свою кожей быка по-
крывавший, в гнев камни во прах обращавший, в семь узлов
на затылке усы свои завязавший, отважнейший из отважных,
брат Казан-хана Кара-Гюне прискакал и сказал:

— Бей мечом, брат Казан, я пришел!

Следом за ним кто пришел, поглядим.

Железные Ворота Дербента сокрушивший, одним ударом их
взявший, на острие копья в шестьдесят тутамов воина под-
нимавший, орать его заставлявший, сын Кыян-Сельджука Дели
Дондар прискакал и сказал:

— Бей мечом, бек мой, Казан, я пришел!

А следом за ним, хан мой, кто пришел, поглядим.

А следом за ним осадивший Амид и Мардин, обе крепости
взявший, и царя Кыпчака с его луком железным кровью заста-
вивший харкать, на кого огузские старики глядя, начинали
от радости плакать, в бархатных шальварах, у кого конская
сбруя с кистями, сын Кара-Гюне Кара-Будаг прискакал и
сказал:

— Бей мечом, бек мой, Казан, я пришел!

А следом за ним кто пришел, поглядим.

Кто так быстро скакал, что на гриве коня Ак-Бозата снег
растаять не успевал, кто без позволения Баяндур-хана вра-
гов его одолел, кто шестьдесят тысяч гяуров кровью плевать

заставлял, сын Гефлет-Коджи Шир-Шемседдин прискакал и сказал:

— Бей мечом, господин мой, Казан, я пришел!

А следом за ним, хан мой, кто пришел, поглядим?

Улетевший, как птица, из Байбурдской темницы крепости Пара-Сары, тот, кто застал наготове свадебные шатры⁵, надежда семи сестер, единственный сын отца, завиднее меж огузов не видели молодца, верный друг Казана, всадник серого жеребца бек Бейрек прискакал и сказал:

— Бей мечом, отец мой, Казан, я пришел!

А следом за ним, хан мой, кто пришел, поглядим.

Он, с отвагой крапчатого орла, он, с осанкой чалого сокола, с поясом в звонких бляшках, с золотою в ухе серьгой, в состязаниях всех сильней, всех беков огузов валивший с коней, бек Егенек прискакал и сказал:

— Бей мечом, господин Казан, я пришел!

А следом за ним, хан мой, кто пришел, поглядим.

В тулупе из шестидесяти козых шкур тело до пят так и не укрывавшем, в шапке из шести козых шкур и ушей его не покрывавшей, долгорукий и длинногоний, в икрах сухой, в лодыжках тонкий, с ртом широким, как конская пасть, дядька Казан-хана, его воспитавший, Аруз-Коджа прискакал и сказал:

— Бей мечом, бек мой, Казан, я пришел!

А следом за ним кто пришел, поглядим.

Родину покидавший, лицо пророка выдавший, среди огузов дело его продолжавший, у кого, коли в гнев впадал он — кровь на усах выступала, Букдуз Эмен прискакал и сказал:

— Бей мечом, отец Казан, я пришел!

А следом за ним кто пришел, поглядим.

Родину покидавший, реку Айгыр-Гезлю на коне переплывавший, с презрением собак на гяуров спускавший, ключами пятидесяти семи крепостей обладавший, на дочери Ак-Мелика женившийся, в тридцать семь крепостей вломившийся, в сорок кафтанов облачившийся, везде проникавший, дочерей беков всех крепостей за шею одну за другой обнимавший, в губы, в лицо целовавший, царя Суфу-Сандала кровью харкать не раз заставлявший, сын Эйлик-Коджи Алп⁶-Эврэн прискакал и сказал:

— Бей мечом, отец Казан, я пришел!

Всех беков огузов перечислять — конца не видать. Все пришли, прискакали.

Чистой водой омовение совершили, белое чело к земле приложили, намаз в два поклона совершили. И хвалу Мухаммеду, чье имя бессмертно, воздали и немедленно коней на гяуров погнали, и на солнце мечи их обнаженные засверкали. Гулко-гулко

зовущие в бой барабаны забили, громко-громко с золотой бахромой трубы медные вострубили.

То был день, когда только храбрый всю храбрость выказывал. То был день, когда только трусливый, где кочка, где ямка, укрыться высматривал. То был день сражения страшного, сеча такая затеялась, поле боя кругом головами усеялось. Как шары и сносились головы с плеч и катились. И от бешеной скачки у быстрых коней с ног подковы слетали. Наконечники стрел, в три пера оперенных, каленые и те расплавлялись, наконечники с копий слетали, копья пестрые расщеплялись, мечи острые, мечи булатные, друг о друга стуча, раскалившись в бою, притуплялись. Слуги беков без беков, а беки без слуг оставались. Страшным днем был тот день. Судным днем был тот день.

С беками Дальних огузов Дели Дондар справа нанес удар. Сын Кара-Гюне, Дели Будаг, удалыцов-молодцов во главе слева нанес удар. Вместе с огузами Ближними ударил в середку Казан. Сошелся с царем, Шюкли один на один. Гаркнул Казан на царя Шюкли, на землю с коня повалил. Охнуть царь не успел, как Казан голову ему отрубил. На куски тело его разрубил, алой кровью землю напоил.

На правом крыле сын Кыян-Сельджука Дели Дондар сошелся с тагавуром Кара-Туцен-Меликом. Отрубил ему правый бок и по земле проволока.

На левом крыле с Бугачик-Меликом сошелся Дели Будаг. И так ударил его палицей-шестопером по голове, что тот не усидел на коне, на шею коня склонился, не удержался, свалился. Белый свет черным мраком в очах его позакрылся.

А Казан-бека брат изрубил мечом гяурово знамя. Только щепки и полетели. На полях, на холмах, тут и там поражение гяуры терпели. И шакалы выли, и над горами трупов стертвники в небе кружили. Двенадцать тысяч гяуров покорно под мечом прошли⁷. И пятьсот джигитов огузов как мученики погибли.

Кто бежал с поля брани, того Казан-хан не преследовал, не ловил. Кто пощады просил, тех щадил. С остальными огузами добычу свою разделил.

Так забрал Казан-хан и орду и сына, и челядь свою, и жену, и казну, взял с собой. Воротился домой. И снова на златом на престоле воссел, разбить шатры повелел. Караджука Чабана сделал главным конюшим. И семь дней, семь ночей пил, ел, веселился и себе славословия слушал.

Во здравие сына Уруза сорока рабыням и сорока рабам вольную дал. Удалыцам-молодцам джигитам земные наделы раздал. Всех оделил, никого не забыл Казан. Кому достался бешмет, а кому царский кафтан.

Пришел отец наш Коркут, песни пел, сказы сказывал, складно складывал. Это сказание, огузов предание, он спел и сложил и так говорил:

Где вы, герои воспетые и победившие?
Где они, «мой весь мир» говорившие?
Смерть забирает, земля сокрывает.
Кому бранный мир остается? Кто знает?
О мир, где приход и уход в свой черед!
О жизнь, где и жизни конец настает!

Благословлю тебя, хан! Да не рассыпаться в прах твоим неприступным горам! Да не ударит топор по могучим тенистым твоим деревьям! Да не иссохнуть твоим вечно несущим светлые воды ручьям! Да не сломаться тебя возносящим крылам! Да не заставит всевышний тебя поклониться злодею-врагу! Да не споткнется твой конь на скаку! Да не иступится меч твой булатный в бою! Да не сломаться летящему к цели копью! Да обретет седовласый отец твой престол и в небесном краю! Да обретет седокудрая мать твоя место в раю! Чтобы с истинной верой вовек тебе не разлучиться! Пусть увидится лик божества тому, кем «аминь» говорится! Наша молитва, из слов из пяти сотворенная ради прекрасного белого лба, да услышится! В единое слово да соединится! Да святится она! Да крепится! И во имя светлого имени Мухаммеда каждый твой грех да простится! Хей, хан мой!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

О СЫНЕ
БАЙБУРЫ-БЕКА,
О БАМСИ-БЕЙРЕКЕ
ПОВЕДАЕТ

Слушай, хан мой!

Сын Кам-Гана, хан Баяндур поднимался, с места вставал. Черную землю шатрами беловерхими уставлял. Пестрый навес до небес поднимал. Шелковые ковры в тысячи мест расстилал. Беки Дальних и Ближних огузов на беседу Баяндур-хана собрались. Пришел на пир, на беседу Баяндур-хана и Бай-Бура, пред лицом Баяндур-хана, опершись на лук, сын Кара-Гюне Кара-Будаг стоял. По правую руку — сын Казана Уруз стоял. По левую руку — сын Коджа Казылыка бек Егенек стоял.

Глядя на них, Бай-Бура бек тяжело так завздыхал, словно разум он потерял. И платок доставши, заплакал навзрыд, зарыдал.

Видя дело такое, Баяндур-хана оплот и остальным джигитам защита — Салур-Казан на крепкие колена свои поднялся, пристальным взором в лицо Бай-Буры взгляделся и спрашивает:

— О чем бек Бай-Бура горюет-рыдает?

Бек Бай-Бура отвечает:

— Хан Казан! Как же мне не горевать, не рыдать? Ни сына-наследника, ни брата-заступника нет у меня. Проклял меня всемогущий аллах! О престоле своем, о венце своем плачу. Да и как не печалиться? День придет, помру, никому дом-становье мое не достанется.

Говорит Казан:

— Этого ли одного желаешь?

Бай-Бура говорит:

— Да, одного только я и желаю! Если б был у меня сын, он перед Баяндур-ханом стоял, ему бы служил, а я бы на это смотрел да радовался, душой веселился, гордился.

Слыша это, беки огузов лицом к небесам обратились. Руки воздев, помолились.

— Пусть всевышний даст тебе сына! — сказали.

В те времена благословение беков было благословением, а проклятие было проклятием. Если беки о чем молили, их молитвы всегда доходили.

Бек Бай-Беджан тоже с места встал и сказал:

— Беки! Прошу, помолитесь и обо мне в этот раз. Пусть всевышний дочь мне даст!

Беки Великих огузов руки воздели, молитву пропели.

— Пусть всевышний даст тебе дочь! — сказали.

Говорит Бай-Беджан:

— Беки! Если всевышний даст мне дочь, свидетелями вам быть, обещаю — дочь мою с сыном Бай-Буры в колыбели еще обручить!

А некоторое время спустя, бог всемогущий дает и Бай-Буре и Бай-Беджану дитя. У Бай-Буры сын родился, а у Бай-Беджана дочь. Беки огузов об этом узнали, возрадовались, возликовали.

Бек Бай-Бура созывает купцов как-то раз и дает им такой наказ:

— Внимайте, купцы! Внимайте! Всевышний сына мне дал! В земли Рума¹ ступайте! Самые лучшие в мире дары выбирайте, драгоценные редкости мне покупайте, не скупитесь, что запросят — отдайте! Покуда мой сын подрастет, и караван ваш придет.

И купцы, делать нечего, хан, снарядились, в путь далекий пустились. Днем и ночью шли, в Истамбул пришли, и, как обещали, самое лучшее выбирали, драгоценные редкости лишь покупали. А купили они для сына Бай-Буры серого жеребца Морского*, крепкий лук буковый, палицу-шестопер купили и в обратный путь поспешили.

Вот исполнилось сыну Бай-Буры пять лет, через пять лет — десять исполнилось, а где десять лет, там и мига нет, как уже пятнадцать исполнилось. Величавей орла величавого и сильнее коршуна чалого стал он добрым, красивым джигитом.

А в те времена, чтоб вы знали, юноше голову не срубившему, кровь не пролившему, имени не давали. Как-то сын Бай-Буры коня оседлал, охотиться стал. Гоняясь за дичью, к отцовскому табунщику попал. Главный конюший его встретил, стремя коня, пока он спешивался, придержал, погостить пригласил. Они пили-ели, сидели.

А в это время купцы возвращавшиеся у Черных Ворот Дербента остановились.

*Морской конь — волшебный, легендарный конь, такой же был у героя другого эпоса Кер-оглы.

Вот уж кому что убить, что дрова рубить, гяуры из крепости их выследили. Купцы еще спали, когда пятьсот гяуров, врасплох их застав, напали, ограбили, разогнали. Купеческий старшина в плен попал, а простой вожак убежал. Пока к огузам своим не попал. Смотрит — видит, у границ огузской земли пестрый шатер стоит, а в шатре с сорока джигитами справа и слева добрый, красивый царевич-джигит сидит.

Говорит купец:

— Видно, это добрый огузский джигит! Пойду, все ему расскажу, помощи попрошу...

Войти решился, поздоровался, поклонился. Говорит купец:

— Джигит, бек-джигит! Слову внимай! В слово вникай! Уж шестнадцать лет, как мы из страны огузов ушли. Ценности-редкости заморские беку огузов везли. У ворот Дербента, у крепости Пасинук² мы станом стали. Пятьсот гяуров из крепости Эвнук на нас напали. Брата моего в плен они взяли. Все товары, припасы у нас отобрали и назад ушли. Голова моя горемычная пред тобой, джигит! Головы горемычной спасение, помощи, джигит!

Тут вино, что лилось, перестало литься. Тут вино, что пилось, перестало питься. Кубок золотой стал из рук валиться. Встал юноша, говорит:

— Сказано мной, а вы исполняйте! Быстрого коня моего подавайте! Эй, кто любит меня, за мной поспешайте!

Купец впереди пошел, как проводник всех повел. Привел. Гяуры расположились в местечке одном, окончив грабеж, занялись дележом. Тут-то лев ристалища для мужей, тигр на игрищах богатырей, юный воитель и прискакал, одного-двух слов не сказал, на гяуров мечом ударил. Тех, кто голову поднял, того убивал, подвиг во имя веры совершил, все добро купцам возвратил и назад поворотил.

Купцы говорят:

— Бек-джигит! Ты своим мужеством выручил нас! Так приди — что хочешь бери!

А джигит положил свой глаз на серого Морского жеребца, на палицу-шестопер да на лук из белого бука. Эти три вещи ему приглянулись.

Говорит он:

— Слушайте, купцы! Этого жеребца, эту палицу и этот лук мне отдайте!

Слыша эти слова, купцы смутились.

Спрашивает джигит:

— Что, купцы, или я много прошу?

Купцы отвечают:

— Нет, султан наш! Какое там, много! Мы правды не спрячем. Эти три для сына нашего бека в дар предназначены.

Юноша спрашивает:

— Скажите, кто сын вашего бека?

Отвечают:

— Есть у Бай-Буры сын по имени Бамси.

Откуда им было знать, что сын Бай-Буры перед ними.

Тут джигит и прикусил себе палец, думает, чем взять теперь, как одолженное, лучше взять от отца как положенное!

Хлестнул коня, ускакал. Купцы только вслед ему поглядели. А один говорит:

— Бог свидетель, добрый джигит, благородный джигит!

Боз оглан*, Бамси в становые отца поспешил, о приходе купцов сообщил, чем сердце отца своего развеселил. Тот и шатер и пестрый навес поставил, шелковые ковры расстелил, прошел, сам сел и по правую руку сына с собой посадил. О случившемся с купцами юноша ни слова отцу не сказал. О битве с гяурами умолчал.

Наконец, и купцы явились. Поздоровались, поклонились. Видят, тот самый джигит, что головы отрубал, кровь проливал, по правую руку Бай-Буры-бека сидит. Купцы подбежали, руку джигита поцеловали. И когда они так сделали, Бай-Буру очень разгневали. Он и говорит купцам:

— Ах вы негодные! От негодных рожденные! Разве сыну при живом отце руку целуют?

Они спрашивают:

— Хан мой! Разве этот джигит твой сын?

Отвечает:

— Да, мой сын!

Говорят:

— Если так, то не гневайся, господин, не обижайся, что мы руку ему прежде твоей целовали. Если б не сын твой, все наши товары в Грузию ушли бы и пропали, а мы все пленниками бы стали.

Бай-Бура-бек говорит:

— Как? Мой сын убивал? Кровь проливал?

— Да, убивал, кровь проливал, врага ниц повергал! — говорят.

— Если так, не пора ли имя юноше дать? — спрашивает.

— Да, султан мой, давно пора! — отвечают.

Беков Великих огузов созвали, угощали. Беки о доле наследника толковали, молодцом его называли. Отец наш Коркут пришел, имя юноше дал. И сказал:

Слову внимай, Бай-Бура-бек!

Дал всевышний тебе одного сына, да хранит он его вовек!

* Боз оглан — второе имя Бамси, переводится «парень на сером».

И пусть, за что твой сын ни возьмется,
 Все ему удастся!
 Если белое знамя возьмет он,
 Мусульманам да будет оплотом!
 В горы высокие, горы снежные захочет подняться —
 Бог поможет ему не сорваться!
 Через реки широкие станет переправляться —
 Бог поможет, и переправа удастся!
 Станет в гущу врагов врываться —
 Бог не даст ему растеряться!
 Ты сына — мой Бамси, лаская его, называешь.
 Серого скакуна ему даришь.
 Так будь же отныне Бамси Бейрек ему имя!
 Всадник Серого жеребца — доброе имя для храбреца!
 Я ему имя даю среди нас, долгую жизнь пусть аллах ему
 даст!

Великие огузы руки воздели, молитву пропели:

— С этим именем этот джигит да будет удачлив и славой
 покрыт!

Все беки пошли на охоту, и Бейреку с ними пойти охота!
 Велел серого жеребца привести. Привели. Сел, поскакал. Вдруг
 перед огузами стадо джейранов пробежало. Все их погнало. Од-
 ного джейрана Бейрек погнало. Гнал, гнал, в неизвестное место
 попал. И что же он видит, султан мой? А видит, на зеленой
 лужайке красный шатер стоит.

— Боже! И чей бы это мог быть шатер? — говорит.

Откуда ему было знать, что такой шатер мог ясноглазой
 деве принадлежать. Подойти к шатру не постеснялся.

— Будь, что будет, а добычу свою не упущу! — говорит.

Подошел он к шатру поближе, перерезал загнанному джей-
 рану жилы. А шатер этот был шатром Бану-Чичек, дочери
 Бай-Бед жана, в колыбели с Бейреком обрученной, его наречен-
 ной.

Бану-Чичек из шатра глядела. Увидела его, сказала:

— Мамки-няньки, смотрите! Какой-то негодный, от негодного
 рожденный, вздумал геройство свое нам выказывать! Пой-
 дите, нашу долю добычи у него потребуйте и возьмите! Погля-
 дим, что он скажет!

Была там женщина по имени Енгя Кысырча — Сватья
 Бесплодная. Так вот она пошла, вперед выступала, часть доли
 требовать стала.

— Эй, бек-д жигит! Доля добычи твоей и нам принадлежит! —
 говорит.

А Бейрек отвечает:

— Слушай, нянька! Я не ловчий, чтобы добычу делить! Сын

бека и сам бек. Все берите! Но если вопрос не обида, хочу я спросить, чей это шатер?

Енгя Кысырча говорит:

— Бек-джигит! Ладно, коли так! А это шатер дочери Бай-Беджана Бану-Чичек.

Так обернулось дело. Кровь у Бейрека в жилах закипела, но с достоинством он поклонился и назад воротился.

Девушки джейрана забрали, пред царицей красавиц Бану-Чичек положили. Поглядела она и увидела, что это самец-джейран, среди джейранов султан.

Бану-Чичек спрашивает:

— Скажите, девушки, а джигит, что за джигит?

Девушки говорят:

— Богом клянемся! Хоть у этого джигита лицо покрывалом прикрыто, но лучше не видели мы джигита! Он бека сын и сам себе бек.

Бану-Чичек говорит:

— Эй, мамки-няньки! Отец мне сказал, что просватана я за джигита, у которого лицо покрывалом прикрыто, и Бейреком его назвал. Может быть, это он и есть? Прошу позвать его и ко мне привести, я сама его расспрошу.

Позвали его. Бейрек пришел. Бану-Чичек, накинув яшмак, расспрашивать его стала.

Говорит:

— Бек, скажи мне, откуда ты родом?

— Я из Ближних огузов народа.

— Кем кому из огузов являешься и как сам прозываешься?

— Сыном Бай-Бура-беку являюсь. И Бамси Бейреком сам прозываюсь.

— А за делом каким ты явился сюда, джигит? — девушка говорит.

А Бейрек отвечает:

— Слышал, дочь у Бай-Беджан-бека есть. На нее пришел посмотреть.

Девушка говорит:

— Не такая она, чтоб тебе показаться! Я наперсница ей, попробуй со мной потягаться! Вместе выйдем охотиться, будем в скачках с тобой состязаться. И в метании стрел состязаться и в борьбе состязаться! Если конь твой коня моего перескачет, и ее коня перескачет. Если в стрельбе меня превзойдешь, и ее превзойдешь. Если меня на лопатки положишь, и ее на лопатки положишь!

Отвечает Бейрек:

— Ладно, коней седлай!

Оба коней оседлали, в поле просторное выезжали, коней по-

нали. Конь Бейрека девичьего коня перескакал. Стали стрелы пускать, Бейрек своей стрелой девицыну стрелу рассек пополам.

Девушка говорит:

— Слушай, джигит! Никто еще коня моего не обгонял, никто еще стрелы моей не рассекал. Давай с тобой на поясах бороться!

Тотчас Бейрек с коня спускается. Начинают сходитьсь, сближаются, друг к другу на ощупь они примеряются. Словно два пехлевана свиваются. Поднимает девицу Бейрек, хочет на землю свалить. Поднимает Бейрека девица, хочет на землю свалить. Растерялся Бейрек — как быть?

— Если буду я девушкой побежден, — думает он, — то меж Великих огузов от стыда будет некуда мне деваться, станут в лицо мне смеяться!

Собрался в комок. Сделал бросок, резко подсек, ее ногу ногой обвил, за груди ее схватил. Девушка напряглась, но Бейрек ее станом овладел в этот раз, подножкой сбил и на обе лопатки ее положил.

Девушка говорит:

— Ну, джигит! Коли так, я дочь Бай-Беджана, я Бану-Чичек!

Бейрек ничего не сказал, разок укусил, трижды поцеловал.

— Красной свадьбы, ханская дочь! Пусть не бескровной будет брачная ночь! — так он сказал, золотой перстень с руки своей снял, деве на палец надел и сказал: — А это, ханская дочь, будет наш знак и примета!

Девушка говорит:

— Ну раз уж так вышло, джигит, идти вперед тебе предстоит!

Отвечает Бейрек:

— Как знать госпожа! Чему бывать, того не миновать!

С девой Бейрек распростился, домой воротился. Седобородый отец его встречает, вопрошает:

— Где, сынок, зарю зоревал? Что сегодня у огузов видал?

Отвечает Бейрек:

— Да что я видал! Кто сына имел, тот сына женил, кто дочь имел, тот ее замуж отдал.

Отец его говорит:

— Сын! Скажи, может быть, и тебя мне надо женить?

— Да, мой отец родной! Да, мой отец седой, надо меня женить!

Спрашивает отец:

— Чью же огузскую дочь за тебя мне надо просить?

Отвечает Бейрек:

— Отец! А такую девицу мне надо посватать, чтоб пока я не встал, а она уже встала, пока вороного коня я еще не седлал,

а она уж на нем поскакала, чтоб пока я еще и не вышел на ратные дела, а она с поля боя уж головы мне принесла! Вот на такой девице, отец, я хотел бы жениться!

Отец его отвечает:

— Да ты не девицу просишь, дружка-товарища хочешь! А та, что тебе так желанна, уж не Бану-Чичек ли? Уж не дочка ли Бай-Беджана?

Отвечает Бейрек:

— Да, отец дорогой! Да, отец мой седой! Та, что мне так желанна — она!

Говорит Бай-Бура:

— Ах, сынок! Есть у Бану-Чичек безумный брат, Дели Карчаром его прозывают. Всех, кто сватает девушку, он убивает.

Спрашивает Бейрек:

— Ну и как теперь быть?

Отвечает ему Бай-Бура:

— Надо беков Великих огузов созвать. Как они посоветуют, как решат, так и сделать надо!

Беков Великих огузов тут же созвали, в шатер собрали, щедро их угостили. Беки ели, пили, слова говорили, судили-рядили, не могли к решению прийти.

Спрашивают:

— Кто бы мог девицу посватать пойти?

И решили, что дело такое трудное тут, что должен пойти отец наш Коркут, Коркут говорит:

— Други мои! Раз вы меня посылаете, вы наверное, знаете, что от Дели Карчара, кто сестру его сватать приходит, никто живым не уходит. Так было б недурно, из табунов хана нашего, Баяндур, двух богатых коней привести — одного козломордого, а другого еще, овцемордого, чтоб во время погони коней менять, на одном скакать, другого в поводу держать.

Слово Коркута — закон. Пошли. Из табуна хана Баяндур тех двух коней привели. Отец Коркут одного коня оседлал, другой в поводу у него побежал.

— Други мои, поручаю вас богу! — сказал и поскакал.

Между тем, султан мой, и Дели Карчар на черной земле беловой шатер свой поставил, дружков собрал. Вместе с ними посиживал да в мишень из лука постреливал.

Отец наш Коркут появился, низко ему поклонился. Руку к груди прижал, приветное слово ему сказал.

Рот у Карчара пеною покрывается, в лицо Коркуту он вглядывается и так откликается:

— Здравствуй и ты, обнаглевший, от большого ума одуревший! Богом клейменный, на смерть обреченный! Кто о двух ногах — сюда не ходок! Кто рот разевал — воду здесь не пивал!

Что с тобой? Или ты обнаглел? Или ты одурел? Или смерти своей захотел? Что тебе здесь надо?

Отвечает отец Коркут:

Я пришел покорить твою гору высокую,

Я пришел переплыть твою реку глубокую,

Милосердия просить, испытать твою душу широкую...

По велению аллаха, по слову пророка, по обычаю от века —

Ту, что солнца светлее, белее луны, светлоую,

Я сестру твою Бану-Чичек пришел попросить за Бейрека!

Слыша эти слова Коркута, Дели Карчар закричал:

— Эй, не зевайте! Что прикажу, исполняйте! Коня вороного, оружие мое подавайте.

Коня вороного ему и оружие его приносили. На коня вороного Карчара, подняв, посадили. А отец Коркут, что стоять и ждать, давай от него бежать! А Дели Карчар за ним! А как стал конь овцемордый, что под Коркутом был, выбиваться из сил, Коркут на другого, козломордого, перескочил.

Гнал, гнал отца Коркута Карчар, десять ущелий промчал. Вот уж сзади Дели Карчар! Вот Коркута он настигает! Тут Коркут в корешке поослаб и, поручив себя богу, «Великое имя»³ произнес. А Дели Карчар уж свой меч над его головою занес.

Разъяренный с мечом он уж сверху навис! Хочет бить! Бек безумный Коркута-отца был готов поразить и убить... Тут отец наш Коркут и сказал:

— Да отсохни рука твоя, коль нанесешь ты удар!

По велению всевышнего бога рука, занесенная в воздухе, так и застыла... Ведь Коркут был святой человек. Его слово услышано было.

Тут Дели Карчар заорал, закричал:

— Пощади, не губи! Избавь от бед! В единстве божьем сомнений нет! Исцели мою руку! И тогда... по велению аллаха, по слову пророка, по обычаю от века я отдам, обещаю, сестру свою Бану-Чичек за Бейрека!

Трижды он обещанье свое повторил и за тяжкий свой грех прощенья просил.

Тут молитву Коркут сотворил, по велению аллаха — отсохшую руку безумного бека он исцелил. И стала рука невредима, цела, как и прежде была.

Пришел в себя Карчар и говорит:

— За сестру мою все, чего пожелаю, дадите?

Отвечает отец наш Коркут:

— Все дадим. А что просишь? Скажи, поглядим!

Говорит Дели Карчар:

— Тыщу верблюдов хочу, на верблюдицу не встававших, тыщу коней-жеребцов, кобылу не покрывавших, тыщу баранов, овцы никогда не выдавших, а еще я прошу себе тыщу псов, корноухих и куcych, и еще тыщу блох, только жирных и крупных! Мной назначенный выкуп дадите — так и быть, отдаю вам сестру, берите, а не дадите, то пощады, как в этот раз, не просите, убью!

Отец наш Коркут возвращается. К Бай-Буре в шатер является.

Спрашивает Бай-Бура:

— Отец! С чем пришел? Кем пришел: девкою иль молодцем?

Отец в ответ:

— Молодцем!

— Да как же ты из рук этого безумца вывернулся?

Коркут отвечает:

— Бог помогал, мужество храбрых в сердце вселял. Сосватал я девушку, взял!

Добрая весть до Бейрека, до матери его и до сестер скоро дошла, докатилась. Возрадовались они, возвеселились.

Бай-Бура-бек спрашивает:

— Какой же выкуп этот безумец назначил?

Отвечает Коркут:

— Этому что убить, что дрова рубить! Дели Карчар такой выкуп назначил, чтоб ему век бесплодным быть!

Спрашивает Бай-Бура:

— Какой же выкуп?

Отвечает Коркут:

— Дайте, сказал он, тыщу верблюдов, на верблюдицу не встававших, тыщу коней-жеребцов, кобылу не покрывавших, тыщу баранов, овцы никогда не выдавших, тыщу псов, корноухих и куcych, и еще тыщу черненьких-черненьких блох, только жирных и крупных! Мной назначенный выкуп дадите — так и быть, отдаю вам сестру, берите, не дадите — на глаза мне не попадайтесь, убью, — говорит.

Говорит Бай-Бура:

— Отец! Если три из этих пяти я возьмусь достать, две остальные сможешь достать?

Отец наш Коркут отвечает:

— Да, хан мой, достану!

Говорит Бай-Бура бек:

— Ну теперь, псы и блохи, отец мой Коркут, за тобой!

И пошел Бай-Бура в табуны и тыщу коней отобрал, и пошел в вереницах верблюдов тыщу самцов отобрал и в отарах своих тыщу баранов взял, всех вместе согнал. А Кор-

кут раздобыл тысячу псов куcych и корноухих и тысячу блох прыгучих. К Дели Карчару пошел, выкуп принес и привел.

Услыхал Дели Карчар, что он идет, вышел его встречать.

— Поглядим, — говорит, — все ли, что я спросил, сумели достать?

На верблюдов как поглядел, одобрительно заревел. Жеребцов увидал — одобрительно сам заржал. Баранов увидал — одобрительно заблекотал. Псов увидал — громко засмеялся, как забрехал.

Спрашивает:

— Эти неплохи! А где ж мои блохи?

Отвечает Коркут:

— Ах, Карчар, ах, сынок! Эти блохи — уж такие пройдохи! Самые страшные твари — человеку от них страданье. Я их собрал всех вместе, в одном подходящем месте. Пойдем-ка туда, так проще — сам отберешь себе жирных и оставишь тощих!

И повел он Карчара раздел, влезть в загон ему голым велел. А сам загон затворил.

Как набросились блохи на Карчара, он их и бил и давил сначала, а потом выбился бедный из сил. Видит, с ними не сладить, завопил:

— Сжался, отец, пощади! Ради бога, загон отвори! Дай мне отсюда выйти!

Отвечает Коркут:

— Ну, сынок, ну, Карчар! Не шуми, не кричи, что просил — получи! Разве это не то, что ты требовал в выкуп от нас? Чем же ты недоволен сейчас? Блохи твои, сам выбирай, тощих оставь, а жирных хватай!

Дели Карчар говорит:

— Ох, отец! Да если б я знал! Чтоб владыка всевышний всех этих блох, и тощих и жирных, прибрал! Чего хочешь проси, только дай мне наружу-то выбраться, слышишь, спаси!

Коркут загон отворил. Вышел Дели Карчар. Видит Коркут безумец-то наш — чуть живой! Сам не свой. Тела от блох не видать. Где глаза, где лицо — не узнать!

Тут безумный Карчар в ноги Коркуту повалился, взмолился:

— Ради аллаха, спаси меня!

Коркут ему:

— Спасешься, если в воду сейчас окунешься!

Пустился бежать безумный Карчар и с ходу бросился в воду. Тут всех блох, и какие были на нем, смыло водой, они и издохли.

Назад Карчар воротился, в одежду свою облачился. Вернулся домой. Стал готовить свадебный пир большой.

Во времена огузов каждый джигит, прежде, чем свадьбу справлял, стрелу выпускал. Где стреле упасть — там и свадебному шатру стоять. Бейрек-хан стрелу выпускает, и там, где она упала, шатер свой свадебный ставит. А тут нареченная его свадебный подарок присылает — красный кафтан. Бейрек кафтан надевает, недовольство товарищей своих вызывает. Очень их огорчает.

Спрашивает Бейрек:

— Други мои, что случилось, отчего вы так огорчились?

Они отвечают:

— Как же нам не огорчаться? Ты красный кафтан наденешь, будешь в нем щеголять, а нам в белых ходить?

Говорит Бейрек:

— Из-за таких пустяков стоит ли так огорчаться? Сегодня я поношу кафтан, завтра наперснику своему отдам. Сорок дней будете по очереди кафтан носить-надевать, а потом какому-нибудь нищему его можно отдать.

Так он сидел с сорока джигитами, пил и ел. Да проклятый лазутчик гяуров, вот уж кому что убить, что дрова рубить, выследил их. Пошел, бека Байбурдской крепости известил. И так говорил:

— Что сидишь, султан мой? Чего выжидаешь? Бек Бай-Беджан дочь, обещанную тебе, за Бейрека отдает! А ты и не знаешь. В эту ночь Бейрек в свадебный шатер войдет.

А тот, вот уж кому убить, как дрова рубить! Собрал, проклятый, гяуров семьсот человек и в набег! А Бейрек ничего не знает, посиживает себе в брачном шатре, ест, попивает. И вот среди сна ночного гяуры шатер окружают. Наперсник Бейрека свой меч обнажает.

— Пусть заплачу я своей головой за голову бека Бейрека! — сказал. И разрубленный пал. Мучеником стал.

Где топко, там увязнуть недолго. Густая толпа страшит. Конь старается, воин хвастается, а на пешего, что же — плохая надежда. С тридцатью девятью джигитами Бейрека в плен увели.

Заря занимается, солнце поднимается. Мать и отец Бейрека являются, глядь-поглядь, а шатра-то его нигде не видать. Только ах! — и сказали. Ворот на одежде порвали, с горя разум свой потеряли. Видят, только ворон летает да отвязанный пес шныряет. Только шатер разбитый да наперсник лежит убитый.

Отец Бейрека высокую чалму с головы срывает, оземь ее ударяет, ворот одежды своей разрывает, «сын мой, сын!» — причитает, горько рыдает. Седокудрая мать его навзрыд рыдает, слезы

ручьем проливает, острые ногти в белое лицо вонзает, щеки румяные раздирает и чернее ворона черные волосы черные рвет — вырывает.

Так вошло горе в златоверхний шатер Бай-Буры. Смех веселый его дочерей обрывается, красной хной руки белые уж не красятся, белые платья семи сестер снимаются, черные надеваются.

— Ой, наш брат родной! Брат единственный! Ой, погибший брат! Ни мечты своей, ни желания не достигший брат! — плачут сестры, кричат, причитают.

Вот доходит весть до Бану-Чичек, до невесты Бейрека возлюбленной. Она белое платье снимает, она черный кафтан надевает. Щеки алые яблоч осенних румянее и царапает, и раздирает.

Ой, надежда моей головушки, богатырь-джигит!

Ты куда ушел, оставил меня одинокою?

Не поднять с лица покрывала алого тебе, соколу!

Ой, зачем же я покрывалом тем покрывалась?

Ой, я досыта на лицо твое не нагляделась!

Где, как глянула, приглянувшийся, если б знала бы!

Где, всем сердцем мне полюбившийся, если б знала бы!

Где, с кем голову на подушечку одну клала бы, богатырь-джигит?

Где, кто шел ко мне, не дошел, а был на пути убит?

Где помощник твой, всех смелей боец, где он, Казан-бек?

Где он, меж Великих огузов на зависть всем молодец, где мой Бейрек?

Сын Кыян-Сельджука Дели Дондар эту весть услышал, белое снял, черное надел. Все друзья и товарищи белое сняли, черное надели. Беки Великих огузов долго Бейрека оплакивали, и надежду все потеряли.

С той поры шестнадцать лет миновало. Жив ли, мертв ли Бейрек, не знали. И вот однажды, брат невесты Дели Карчар в Великий диван Баяндур-хана является, на колени опускается, говорит:

— Да будет долгой жизнь великого хана! Как Бейрек пропал, уж шестнадцать лет миновало! Был бы жив, он весть о себе подал, или вернулся сам. Султан мой! Если найдется джигит и меня известит, что Бейрек жив-здоров, от меня он получит шитых серебром, золотом много пышных даров. Кто о смерти его весть принесет, тот сестру мою замуж возьмет.

Слыша это, вот уж кому убить, как дрова рубить, сын Яланчи-Лжеца Яртачук-Лыстец говорит:

— Султан мой! Я хочу пойти, жив ли, мертв ли Бейрек, весть о нем принести.

Этому Яртачуку Бейрек некогда рубаху свою подарил. Тот ненадеванной ее сохранил. Пошел и в крови ее омочил.

Пришел к Баяндур-хану и перед ним положил.

Спрашивает Баяндур-хан:

— Эй! Что это за рубаха там?

— Это рубаха Бейрека. Убили его в черном ущелье Дербента. Вот доказательство! — отвечает Яртачук.

Как рубаху ту беки увидали, мыком замыкали, зарыдали, плач подняли.

Говорит Баяндур-хан:

— Эй! Зачем рыдать? Что рубаха его, не можем мы знать! Отнесите рубаху его на реченной. Пусть поглядит. Она ее хорошо знает. Ведь сама ее шила, узор вышивала, вот она бы точно сказала.

Пошли, рубаху Бану-Чичек принесли. Показали. Она, как рубаху увидела, сразу ее узнала.

— Та самая! — сказала.

И ворот одежды своей разорвала, острые ногти в белое лицо вонзала, и румянее яблок осенних щеки алые раздирала, била себя, истязала.

Ой, как глянула, приглянувшийся!

Ой, всем сердцем мне полюбившийся!

Ой, надежда моей головушки!

Ой, не снявший с меня покрывало!

Ой, Бейрек, Бейрек!

Эта весть до отца и до матери докатилась. Тут и вся орда разнопестрая в горе черное погрузилась. Белое снимали, черное надевали. Беки Великих огузов надежду увидеть Бейрека совсем потеряли.

А сын Яланчи Яртачук уж и малую свадьбу справил, и время свадьбы великой назначил.

Отец Бейрека Бай-Бура бек снова купцов скликает, к себе приглашает и говорит:

— Эй, купцы! Пойдите, землю кругом обыщите! Жив ли, мертв ли Бейрек, мне весть принесите.

Купцы снарядились. Дни и ночи в пути находились. Наконец, у Байбурдской крепости Пара-Сары очутились. А меж тем у гуэров в тот день был праздник большой. Всяк был занят питьем да едой. На пир и Бейрека позвали, комуз ему дали, играть его заставляли. Бейрек, стоя на крыше высокой, купцов увидал, их узнал, и увиденных им, он расспрашивать стал, а посмотрим, хан мой, как расспрашивать стал.

Говорит:

Земли все от низин до вершин исходивший, купец!

Отцу-матери много даров приносивший, купец!

Длинноногих коней, богатырских коней утомивший, купец!
Я скажу, а ты слову внимай, а ты в слово вникай, о купец!
Из Великих огузов о сыне Улаша Салуре Казане спрошу,
Он здоров ли, купец?

И о сыне Кыян-Сельджука о Дели Дондаре спрошу,

Он здоров ли, купец?

О Кара-Гюне сыне, Кара-Будаге спрошу,

Он здоров ли, купец?

Об отце седовласом и белобородом спрошу,

Он здоров ли, купец?

И о матери я седокудрой спрошу,

А она как? Здорова ль, купец?

О семи своих сестрах спрошу,

Все ль здоровы, купец?

И о той, что мне глянулась и полюбилась, спрошу,

Я о дочери Бай-Беджан бека, красавице Бану-Чичек спрошу,

А она как? В дому своем или уже в домовине, купец?

Обо всех, обо всех, о купец, поскорей расскажи мне!

Головою тебе, о купец, я пожертвую ныне.

И тогда купцы ему сказывали, а посмотрим, хан мой, что сказывали:

Сам здоров ли, Бамси, невредим ли, Бамси?

Мы с тобой лет шестнадцать в разлуке, Бамси?

Если спросишь о ком из Великих огузов, Бамси,

Хоть о сыне Улаша Салуре Казане спроси,

Так он жив, Бамси!

Иль о сыне Кыян-Сельджука о Дели Дондаре спроси,

Так он жив, Бамси!

Иль о сыне Кара-Гюне, Кара-Будаге спроси

Так он жив, Бамси!

Но спроси, почему эти беки в печали, одежды белые сняли,

И черные надевали? По тебе, Бамси!

Об отце седовласом и седобородом спроси,

Так он жив, Бамси!

Иль о матери старой своей, седокудрой спроси,

Так жива и она, Бамси!

Но спроси, почему они тоже в печали одежды белые сняли,

И черные надевали? По тебе, Бамси!

О семи своих сестрах, Бамси, если спросишь, спроси!

Семь сестер на семи на дорог на развилке, я видел, рыдали,

Бамси!

Щеки, яблок осенних румяней, они раздирали, Бамси!

Слышал сам, как они причитали:

«Ой, ушел и вернется едва ли наш братец Бамси!»

Ну, а та, что тебе приглянулась, Бамси,
Ну, а та, что тебе полюбилась, Бамси,
Бай-Беджана дочка Бану-Чичек,
Она малую свадьбу справила,
День великой свадьбы назначила,
А выходит она за Лыстеца-Яртачука, за сына Лжеца-Яланчи!
Хан Бейрек!
Стань хоть птицей, но нынче ж лети из Байбурдской темницы!
Прочь из крепости Пара-Сары!
Поспеши! Тебе надо, Бамси, торопиться!
Наготове стоят твои пестрые свадебные шатры!
Не успеешь — ты знаешь,
Отдадут ее замуж,
Не успеешь, Бамси, навеки ты дочери Бай-Беджана бека
Бану-Чичек можешь лишиться!

Тут взревел Бейрек, зарыдал, к сорока джигитам своим пришел.
Высокую чалму с головы сорвал, оземь ударил и так сказал:

— Гей, вы, сорок моих товарищей! Что я знаю-то, вам бы
знать еще! То случилось, чего не случается — Яртачук, сын
Яланчи, с вестью о смерти моей является. В златоверхом шатре
отца моего горе горькое поселяется. Плач и стон до небес под-
нимается. Его дочери-девицы, белые лебедицы, белое снимают,
в черное облачаются. Ну а та, что мне приглянулась так, ну а та,
что мне полюбилась так, красавица Бану-Чичек, за Яртачука,
сынка Яланчи, замуж идти собирается!

Слыша эти слова, сорок джигитов высокие чалмы с голов
срывают, оземь ударяют. Громкий плач поднимают.

А меж тем, у гяурского бека дочь была, девушка-целка.
Каждый день к Бейреку ходила, глаз с него не сводила. И в тот
день она, как всегда, пришла и печальным Бейрека нашла.

Спрашивает она:

— Почему печален мой хан-джигит? Почему приход мой не
веселит? Всегда, когда я приходила, тебе весело было. Ты смеял-
ся, играл, а теперь, что случилось? Почему ты печален стал?

Отвечает Бейрек:

— Как же мне печальным не быть? Уж шестнадцать лет про-
шло, как я пленник отца твоего. По отцу-матери, по родным, по
сестрам своим затосковал, а еще по далекой невесте своей чер-
ноокой. Есть такой человек, сын Яланчи Яртачук, так вот он
пошел и солгал, что я умер, сказал. И теперь выходит, что
невеста моя за него замуж выходит.

Слыша эти слова, девка, от любви к Бейреку голову потеряв-
шая, так сказала:

— А если я тебя на аркане с крепости этой спущу, к отцу-

матери живым-невредимым тебя отпущу, да ешь мне слово назад
воротиться и на мне жениться?

Бейрек стал клясться:

— Да разруби меня собственный меч! Да пронзи меня соб-
ственная стрела! Да на месте мне провалиться! Да в прах зем-
ной обратиться! Если я живым-невредимым к огузам уйду, а
потом назад не вернусь и на тебе не женюсь! — так он сказал.

Тут девица пошла, аркан принесла. Со стены крепостной
вниз Бейрека спустила.

Стал Бейрек спускаться вниз на аркане, увидел, почувство-
вал твердую землю у себя под ногами. Возблагодарил бога и отп-
равился в путь-дорогу. Шел-шел, к табуну гяуров пришел.

— Вот бы коня поймать, взнуздать его, да оседлать! —
сказал сам себе Бейрек.

Бейрек к табуну крадется, видит, а там его собственный
конь, Морской конь, серый жеребец пасется. Травку щиплет.
Серый жеребец, как почуял Бейрека, сразу узнал, взвился на
дыбы и заржал. И тут Бейрек жеребца своего славить стал, а
послушай, хан мой, как он славил:

Как широкое чистое полюшко — твоё чelyшко!

Как светильники светят в ноченьке — твои оченки!

Как шелковая развевается — твоё гривушка,

Мчит бойца, куда он устремляется — твоё спинушка.

Ушки чуткие, словно парочка двух братьев-близнят.

Не скажу тебе, ты мой конь лихой, а скажу — мой брат!

Ты мне лучше родного братища!

Друг-товарищ мой, я скажу тебе — дела предстоят.

Ты мне лучше друга-товарища!

Слушал конь его, голову высоко держал, даже ухо свое при-
поднял, и навстречу Бейреку сам прибежал. Тут Бейрек за шею
его обнял, в оба глаза коня своего целовал, а потом вскочил на
него, оседлал. Вот он к воротам крепости подъезжает, тридцать
девять джигитов своих вызывает, у гяуров их оставляет и гяуру
их поручает.

А посмотрим, хан мой, как поручает:

Эй, гяур, сам отвратный и веры превратной!

Грязной бранью меня осыпал ты, бранил, но терпел я, довольно!

Грязным мясом свиным ты меня накормил — сыт я этим по
горло!

Есть господни пути, удалось мне уйти, но прийти обещаю!

Тридцать девять джигитов в заложниках я, уходя, оставляю!

Хоть одним будет меньше, заплатишь ты мне за него десятью го-
ловами!

Десятью будет меньше — расплатишься ста головами!
Эй, гяур, повторяю,
Тридцать девять джигитов в заложниках я, уходя, оставляю!

Так он сказал и ходу дал!
Сорок гяуров верхами вслед за ним поскакали. Гнались, гнались
за ним, не нагнали его и назад повернули.
Пришел к огузам Бейрек. Видит, идет человек. Певец.
Спрашивает:

— Скажи, Певец, куда путь держишь?

Певец отвечает:

— Бек-джигит, на свадьбу иду.

Спрашивает Бейрек:

— На чью свадьбу?

— На свадьбу Яртачука, сына Яланчи, — отвечает тот.

— Скажи, а кого он в жены берет?

Отвечает певец:

— Он берет нареченную бека Бейрека, Бану-Чичек.

Бейрек говорит:

— Слушай меня, певец! Отдай мне свой комуз. Взамен коня моего возьми. Для меня его береги! Вернись, назад его получу и тебе хорошо за коня заплачу!

Отвечает певец:

— И голос при мне останется, и горло мне драть не придется, да еще и конь достанется! Так и быть, возьму, сберегу.

Отдал певец Бейреку комуз. Бейрек комуз берет, в орду отца своего идет, уж близко совсем подходит, смотрит, видит, никак не поймет, что происходит? Несколько пастухов дорогу с обеих обочин перекрыли, кучи камней навалили, беспрестанно сную, камни собирают, на дорогу бросают, а сами плачут, рыдают.

Спрашивает Бейрек:

— Эй, пастухи! Всяк человек, если камень ему на пути попадет, он его в сторону отшвырнет. А вы зачем эти камни на дорогу бросаете? В кучи насыпаете?

Отвечают пастухи:

— Слушай, всяк собою занят. А о бедах чужих не знает. Вот и ты так же! Откуда знать тебе беды наши!

Спрашивает Бейрек:

— Да что за беда у вас?

Отвечают пастухи:

— Был у бека нашего сын. Уж шестнадцать лет пропадает. Жив ли, нет ли, никто не знает. А негодный сын Яланчи Яртачук, вот уж кому, что убить, что дрова рубить, весть принес о его смерти. А теперь невесту нашего бека отдадут за этого человека. Как будет невеста здесь проезжать, мы встанем, камнями ее заброса-

ем. Пусть не выходит она за негодного, пусть выходит за ровню себе, за достойного!

Говорит Бейрек:

— Дабудете вы чисты перед небом! Да будет хозяйский хлеб для вас благословенным хлебом!

Вот оттуда Бейрек и пришел в орду отца своего. А там перед шатрами большое дерево росло. Под деревом тем был родник небольшой, с чистой прозрачной водой ключевой. Смотрит Бейрек, видит, его младшая сестра идет за водой. Сама плачет, стенает, «о брат мой, Бейрек!» — причитает.

— Была бы свадьба красна — да стала черна! — горько плача, она повторяет.

Тут на Бейрека тоска напала. Он крепился сначала. А потом не сдержался, хлынули слезы из глаз, разрыдался. И вскричал он тогда громким голосом, заговорил, а послушай, хан мой, что говорил:

О чем, дева, плачешь?

О чем ты рыдаешь! «Ох, брат» причитаешь?

Нутро иззуделось, душа изболелась,

А может ты брата убитым считаешь?

Иль на сердце горы тяжелые валяются?

Что грудь так высоко от вздохов вздымается?

О старшем ли брате ты плачешь, стенаешь?

Нутро иззуделось, душа изболелась.

Спрошу тебя, дева, ответишь ли, скажешь?

Про гору, напротив лежащую черную,

Спрошу, кто туда на летовки идет?

Про воду спрошу ключевую, студеную,

Спрошу, кто теперь ее, чистую, пьет?

И про табуны скакунов богатырских

Спрошу, кто же ездит на этих конях?

Еще про верблюдов рудых вереницы

Спрошу, чья поклажа у них на горбах?

Спрошу про отары овец белорунных,

Кто кормится ими на шумных пирах?

Спрошу о шатрах этих черных и синих:

А кто прохлаждается в этих шатрах?

Хоть слово, полслова, о дева, скажи мне,

Я голову в жертву отдам, помоги мне!

Отвечает дева:

Умолкни певец, помолчи, не играй!

Что с девой несчастной случилось, узнай!

А спросишь про горы напротив нас черные,

Там брат мой, Бейрек, на летовках бывал.
С тех пор, как ушел он, я там не была!
Про воду спроси ключевую, студеную,
Ту воду мой брат, мой Бейрек, испивал!
С тех пор, как ушел он, я их не пила!
Спроси про коней в табунах богатырских,
Когда-то Бейрек, брат, на них выезжал.
С тех пор, как ушел, я не езжу на них!
Спроси про верблюдов его вереницы,
Когда-то их брат мой, Бейрек, нагружал.
С тех пор, как ушел, нет поклажи на них!
Спроси про отары овец белорунных,
Когда-то мой брат, мой Бейрек их едал.
С тех пор, как ушел, мы того не едим!
Спроси о шатрах его синих и черных,
В них брат мой, Бейрек мой, сидел, отдыхал.
С тех пор, как ушел, мы на месте сидим!

И снова дева говорила:

Скажи мне, певец! Эти горы высокие,
Когда переваливал и покорял,
Нигде человек, что зовется Бейреком, тебе не встречался?
А, может, встречал?

Когда через бурные реки широкие,
Ты переправлялся, их переплывал,
Нигде человек, что зовется Бейреком, тебе не встречался?
А, может, слышал?

Когда проходил городами большими,
Богатыми, славными или иными,
Нигде человек, что зовется Бейреком, тебе не встречался?
Нигде не видал?

Скажи мне, певец! Если видел, скажи мне!
Да буду я жертвой твоего отныне!
И снова дева говорила.

Лежала напротив гора — сокрушилась!
А ты и не знаешь об этом, певец!
Тенистое, крепкое древо свалилось!
А ты и не знаешь об этом, певец!
Душа изболелась и печень изнылась!
А ты и не знаешь об этом, певец!
Единственный брат — и того я лишилась!
А ты не знаешь об этом, певец!

Умолкни певец, ах, не надо играть!
Что с девой несчастной, не можешь ты знать!
Ждет свадьба тебя, ты на свадьбу идешь!
Ступай себе мимо, меня не тревожь!

Бейрек от нее ушел, к старшим сестрам своим пришел. Смотрит, видит — его сестры в черно-синих одеждах сидят, ни на кого не глядят. Подошел поближе. Громким голосом заговорил, а послушай, хан мой, что говорил:

На заре вы, девицы, вставали с утра поднимались,
Оставляли вы белый шатер, в черный перебирались,
Платье белое сняв, в платье черное вы одевались.
Что найдется у вас, кроме сбитой густой простокваши?
Что найдется у вас, кроме корки, к тандыру приставшей?
Что найдется в ларях, кроме черствой лепешки вчерашней?
Уж три дня я в пути, накормите меня, а за жалость,
Не пройдет и трех дней, как аллах ниспошлет всем вам радость!

Девушки пошли, еды принесли. Досыта Бейрека накормили.
Говорит Бейрек:

— Ради старшего брата, головы его ради и глаз, не найдется ли кафтана хоть старенького какого у вас, я б в него нарядился, в нем на свадьбу явился, а на свадьбе меня бы новым кафтаном одарили, вы бы старый кафтан свой назад получили?

Они пошли, Бейрека кафтан, какой остался, нашли, ему отдали. Надевает певец кафтан, а он ему впору. И рукав по руке, и не узок в спине, и по росту пришелся, как влитой сидит, словно по нему был сшит. Старшей сестре он Бейрека напомнил. А как о брате вспомнилось, ее черно-раскосые очи кровавой слезой переполнились.

И заговорила она, а послушай, хан мой, что она говорила:

Если б черно-раскосые очи твои не круги окаймляли,
Старшим братом Бейреком, тебя назвала бы, певец!
Если б волосы черные лик твой от нас не скрывали,
Старшим братом Бейреком тебя назвала бы, певец!
Если б руки, блиставшие силой, не так поувяли,
Старшим братом Бейреком тебя назвала бы, певец!
По твоей вперевалочку важной походочке,
По твоей, как у льва, осторожной повадочке,
И по этой особенной, пристальной этой приглядочке,
Я бы старшего брата Бейрека признала, певец!
Ты порадовал нас, так зачем огорчаешь, певец?

И еще дева говорила, так говорила:

Ах, умолкни певец, ах, не пой, не играй, мы в печали!
Как ушел брат Бейрек, мы певцов у себя не слышали!
И кафтанов с плеча не дарили мы, не раздавали!
С головы покрывало у нас ни одной не подняли*.
Круторогих баранов на пир у нас не забивали!

Бейрек сказал про себя:

— Вот так так! Сестры в этом кафтане меня узнали — беки Великих огузов тоже узнают вдруг? А мне самому не мешало бы знать, кто среди огузов мне враг, а кто друг, — так про себя он сказал, кафтан с себя снял, девицам швырнул.

— Пропадите вы с вашим Бейреком! Дранный кафтанишко подарили, а ума-разума сразу лишили, — так он сказав, пошел, старую верблюжью попону нашел, дыру провертел, на плечи надел, вид безумца на себя напустил и на свадьбу бегом припустил.

Видит, на свадьбе дружки жениха стрелы пускают-мечут. Сын Каре-Гюне Будаг, сын Казан-бека Уруз, беков глава Егек, сын Гэфлет-Коджи Шир-Шемсетдин, брат невесты Дели Карчар — все стрелы пускают. А Бейрек стоит и за ними наблюдает. Как выпустит стрелу Будаг, Бейрек приговаривает так:

— Да не дрогнет твоя рука, да будет крепка!

Как метнет Уруз, Бейрек приговаривает:

— Да не дрогнет твоя рука, да будет крепка!

Метнет Егек.

— Да не дрогнет твоя рука, да будет крепка! — говорит Бейрек.

Метнет Шир-Шемсетдин.

— Да не дрогнет твоя рука, да будет крепка! — говорит Бейрек.

А как жених стал метать:

— Да отсохнет твоя рука! Да истлеть твоим пальцам и сгнить! — кричит. — Сыну свиньи, как свиньей не быть! За дружек твоих тебе жертвой быть!

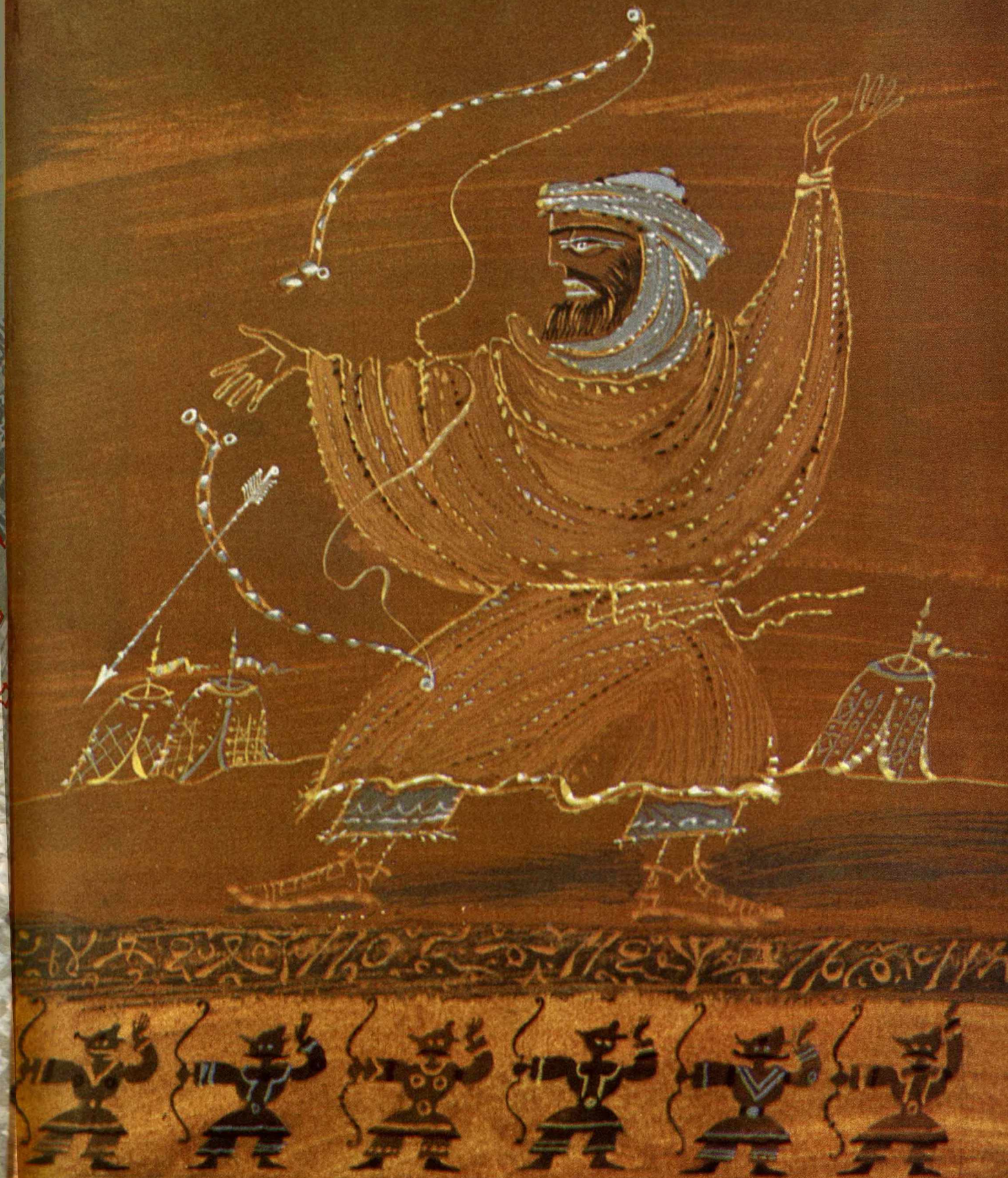
Сын Яланчи Яртакуч разозлился, рот его от злости пеной покрылся. Кричит:

— Эй, негодный, сын негодяя! Тебе ли говорить мне такие слова? А ну, подойди сюда, натяни лук мой сперва, а не то убью!

Слыша эти слова, Бейрек вперед выступает, лук поднимает и так натягивает, что лук пополам ломает! А он берет обломки и жениху швыряет.

— Этим хорошо на месте открытом да гладком стрелять в куропатку⁴, — говорит.

*Это значит ни одна из сестер не вышла замуж.

Сын Яланчи Яртачук, видя, что сломан лук, не на шутку рас-
свирепел.

Говорит:

— А ну, пойдите! Лук Бейрека сюда принесите!

Пошли, принесли. Бейрек, как на лук свой взглянул, това-
рищей своих вспомнил, всплакнул. В руки лук свой взял и вот
что о луке своем сказал:

О лук, твой налучник лишь мне по плечу⁵!

О лук, чьи рога и в туле отличу!

Ты, вырванный силой из вражеских рук⁶!

Ценой жеребца мне доставшийся, лук!

Твой белый, твой крепкий и гибкий твой бук

С налучником, стоившим пары быков!

Пришел я, оставивши в стане врагов

Друзей тридцать девять и двух вожаков⁷.

А потом Бейрек и говорит:

— Беки! Хочу в вашу честь натянуть тетиву и пустить стрелу!

А мишенью был перстень жениха. Стрела Бейрека так точно
в перстень попала, что камня в перстне не стало. Беки огузов,
увидев такое, ладонь о ладонь ударяли, захохотали.

Казан-бек, глядя на них, любовался и сам забавлялся. Пос-
лал человека — позвать Бейрека. Безумный певец явился, голо-
вою склонился, руку к груди прижал, поклон отдал.

И сказал Бейрек:

На ранней заре, от дорог в стороне, шатры беловерхие ста-
вляющий!

И синим небесным атласом навесы и свой балдахин укра-
шающий!

И резвых и быстрых коней богатырских в степи табунами
гоняющий!

О ты, на дороги глашатаев строгих указы кричать рассылаю-
щий!

И милость свою и казну золотую, как масло, на нас проливаю-
щий!

Великих джигитов оплот, надежда бедных сирот,

Баяндур-хана зять! Герой, каких поискать!

Выкормыш птицы Тулу-Орлицы!

Под кем каурый конь горячится!

Лев Амитский!

Тигр Карачугский!

Столп Туркестана!

Отец Уруза! Защита огуза!

Хан Казан! Слову внимай! В слово вникай!

На заре поднимаешься, с места встаешь,

В белую рошу идешь!

Ветви белых берез раздвигаешь,

Жизнью пустоши засеваешь,

Тропки стрелами пролагаешь!

Высокий шатер поднимаешь!

Справа сидящие — правые беки,

Слева сидящие — левые беки!

И за дверями доверенные!

И у подножья престола — самые приближенные!

Гордость твоя и слава!

Благословенная твоя держава!

Слыша эти слова, Казан-бек сказал:

— Эй, певец! Проси, чего просишь! Дам, что захочешь. Хо-
чешь ли с балдахинном шатров, хочешь ли рабынь и рабов?
Золота, серебра или другого добра? Проси, все дам!

Отвечает Бейрек:

— Султан мой! Не позволишь ли мне к кухарям сходить, го-
лоден я, не прикажешь ли меня накормить?

Говорит Казан:

— Безумный певец! Удача в руки идет, а он ее не берет!
Беки, пусть сегодня он место мое займет! Пусть идет, куда хочет,
и делает, что захочет!

Бейрек пришел к кухарям. И после того, как наелся сам,
стал котлы, казаны толкать, опрокидывать, проливать, куски
мяса налево, направо кидать. Те, кто слева, летевшее влево хва-
тали, те, кто справа, летевшее вправо хватили. А Бейрек стал
правым по правде их воздавать, а неправых стал проклинять.

Дошло до Казан-бека:

Султан мой! Безумный певец всю еду пролил, в земле изва-
лял, а теперь к девицам пойти пожелал!

А Бейрек и вправду поднялся и к девицам подался. Журна-
чей прогнал, барабанщиков разогнал, кого побил, кому голову
проломил, к шатру, где женщины и девицы сидели, пришел, за-
нял место у входа, уселся и сидит.

Увидя это, жена Казан-бека Бурла Высокорослая, рассер-
дилась и говорит:

— Эй, негодный, как смеешь без спроса ко мне входить?

Отвечает Бейрек:

— Госпожа! Сам Казан-бек приказал, чтоб мне никто не ме-
шал!

Говорит Бурла:

— Ну, если сам Казан-бек повелел, сиди, где сидел!

И снова, обратившись к Бейреку, спрашивает:

— Скажи, певец безумный, а что тебе нужно?

Бейрек говорит:

— Госпожа! Я хочу, чтоб выходящая замуж девица вышла,
станцевала, она будет танцевать, а я на комузе играть!

А была там одна женщина, Енгя Кысырча, ее позвали и так
ей сказали:

— Эй, Енгя Кысырча! Ты будешь вместо невесты танцевать! Откуда безумцу-певцу тебя знать?

Енгя Кысырча встала, вышла к нему и сказала:

— Ладно, певец, безумный певец! Сыграй уж! Я девица, выходящая замуж!

Стала она танцевать. Стал Бейрек на комузе играть, стал припевать, а послушай, хан мой, как припевать:

На кобылу бесплодную клятву я дал никогда не садиться! Если сяду, то в битве священной мне вовеки не биться! А к шатру твоему караванщики только и шляются! Уж они по тебе горько плачут, слезми обливаются! Вот ты к ним и ступай, может, кто на тебя и позарится! Их иди ублажай!

Уж они-то тебя ублажат, постараются!

А с тобой у нас дел никаких не случится!

— Пусть придет выходящая замуж девица! На комузе — мне играть, ей — плечами поводить и плясать!

Енгя Кысырча говорит:

— Вай! Чтоб безумцу певцу этому не пилось и не елось, так сказал, так ославил, как будто все видел своими глазами! — так сказала она и пошла и на место свое уселась.

А была там еще одна женщина. Звали ее Фатъма Бугазча, то есть Фатъма-Брюхатая.

Ее позвали, сказали:

— Встань, станцуй.

Делать нечего, она поднялась, в невестин кафтан нарядилась и перед певцом появилась.

— Ну, безумный певец, сыграй уж! Я — девица, выходящая замуж!

А безумный певец в ответ:

Не садиться клянусь в этот раз на кобылу жеребую! Если сяду — вовек не пойти мне на битву священную! Не овраг ли лежит за шатром твоим старым, залатанным? Не Бараком ли кличут собаку твою кудлатую?

А тебя самою не зовут ли Фатъюю брюхатую?

Той, кого сорок хахалей как-то друг другу сосватали!

Лучше сядь и на месте сиди, что тебе не сидится!

А не то, кое-что и похуже, позорнее может открыться! Мне с тобою заигрывать нету охоты, срамница!

— Пусть придет выходящая замуж девица! Мне играть на комузе, ей плечами поводить, танцевать!

Слыша эти слова, Брюхатая Фатъма говорит:

— Ий! Этот безумец-певец так меня ославил, так осрамил! Вот что, девуня, сама вставай и танцуй! Станцуешь, так станцуешь, не станцуешь, танцуй хоть в аду! После Бейрека мы знали, что навлечешь на себя ты такую беду!

Бурла-хатун говорит:

— Вставай, девуня, делать нечего, надо танцевать!

Бану-Чичек встала, красное платье надела, рукава понижее опустила, чтоб рук не видно было, вышла в круг и говорит:

— Что ж, безумный певец! Сыграй уж, я та самая, кто выходит замуж!

А Бейрек ей говорит:

С тех пор, как ушел я, с ума не сошла ли?

Иль белые снега, кружа, выпадали?

Да так, что снега по колено лежали?

Иль в доме не стало рабынь? Иль сбежали?

Что ханскую дочь за водой посылали?

И, взявши кувшинчик, пошла за водой?

По снегу, по холоду за ледяной?

И вот десять пальцев своих до запястья

Она отморозила? Что за несчастье?

Эй, злата червонного ей принесите!

И черные пальцы ей позолотите!

Но замуж иди и скрывать свой изъян,

Для дочери хана позор и обман!

Слыша эти слова, Бану-Чичек гневаться стала и сказала:

— Слушай, безумный певец! Что в изъяне меня уличаешь, а с изъяном ли я, не знаешь!

И белей серебра она белую руку свою обнажила и ее показала. Перстень, надетый Бейреком, блеснул. Бейрек, его как увидал, сразу узнал. И сказал, а посмотрим, хан мой, что он сказал:

Как ушел Бейрек, на высокий холм поднималась ли?

С высоты холма на все стороны озиралась ли?

Свои черные, черней ворона, косы рвала ли?

А из черных глаз слезы горькие проливала ли?

И румянее яблок осенью щеки алые раздирала ли?

Вот ты замуж идешь, а на пальце-то перстенок златой,

Мне его отдай, перстенок златой, перстенок-то мой!

Отвечает дева:

Как ушел Бейрек, на высокий холм поднималась я много-много раз!

С высоты холма на все стороны озиралась я много-много раз!

Свои черные, черней ворона, косы рвала я много-много раз!

И румянее яблок осенью щеки алые раздирала я много-много раз!

А из черных глаз слезы горькие проливала я много-много раз!

И прохожего, и проезжего о Бейреке-то вопрошала я много-много раз!

Но не ты, не ты мой возлюбленный, мой Бамси Бейрек!

Перстенок златой — перстенок его, а не твой, певец!

Но у перстня этого много есть примет! Хочешь получить
златой перстенок, назови приметы!

Отвечает Бейрек:

На ранней заре, скажи, ханская дочь, а не я ли вставал?
На сером своем жеребце, а не я ли скакал?
Джейрана к шатру твоему а не я ли пригнал?
Когда позвала, пред тобой а не я ли предстал?
С тобой состязаясь, коня своего а не я ли погнал?
Коня твоего уж не мой ли тогда обогнал?
Стрелу твою, помнишь, стрелою своей а не я ль расщепил?
Когда мы боролись, тебя на лопатки не я ль положил?
И, трижды поцеловав, не тебя ль я разок укусил?
Златой перстенок свой на палец тебе а не я ль надевал?
Не я ли возлюбленный твой? А не я ли Бейрек?

Слыша эти слова, Бану-Чичек Бейрека узнала и Бейреку,
в попону одетому, в ноги упала. Тут и мамки и няньки Бейрека
кругом обступили, и в кафтан, и в цветное его платье одели они,
нарядили. Тотчас невеста на коня вскочила и с радостной вестью
к отцу-матери Бейрека поспешила.

И сказала им:

Уж шаталась, шаталась гора ваша Черная, рухнула даже,
а вот поднялась!
Уж мелела, мелела река ваша бурная и пересохла,
а вот разлилась!
Уж скрипело, скрипело могучее дерево, высохло все,
а листва занялась!
У коня богатырского, хоть он и стар,
жеребенок родился!
У верблюда рудого, хоть он и стар —
верблюжонок родился!
У барана у вашего, у белорунного, хоть и стар —
а ягненок родился!
Ваш сынок, хоть шестнадцать годков пропадал,
ваш Бейрек воротился!
За известие это, свекор, свекровь меня одарите!
Что за это дадите
Говорите скорей, говорите!

И отец-мать Бейрека ей отвечали:

Умереть нам за слово в устах, что сказала невестка!
Умереть нам за версты, что ты проскакала, невестка!
Если ложь ты сказала, пусть в правду и ложь обратится!
Если правда, и сын жив-здоров, невредим воротится,
В наши горы, напротив лежащие черные, тебе на летовки хо-
дить! Наши воды ключевые, студёные тебе пить!
Вереницы верблюдов рудых тебе будут поклажу носить!
Табунам богатырских коней под тобою ходить!

И отары овец белорунных тебя будут кормить!
И рабы, и служанки, и челядь тебе будут служить!
Златоверхим шатрам парчовым тебя укрывать!
Злато-серебро наше, казна наша — все твоё —
Бери, трать!
Горемычные головы наши готовы мы в жертву отдать,
Ах, невестка!

Так они сказали. Тут уж и все беки подошли. Бейрека к
отцу привели.

Казан-бек говорит:

— Готовь дары, Бай-Бура! Твой сын вернулся!

— Чтобы мог я узнать, он ли это, родной мой сыночек,
пусть мизинец до крови порежет, платок своей кровушкой смо-
чит, и к глазам мне приложит. Если прозрею, значит это сын
мой, Бейрек! — отвечает Бай-Бура-бек. Потому как от слез у
него и глаза-то незрячими стали.

Кровью платок смочили, к глазам его приложили. Тут по
воле аллаха всемогущего глаза его и открылись! Прозрел
Бай-Бура! Засмеялись от счастья отец Бейрека и мать и в ноги
ему повалились!

Говорят:

Златоверхого шатра ты столбок, сынок!
Лебедицы, невесты-сестрицы ты цветок, сынок!
Свет очей наших, свет увидавших, сынок!
Сила-крепость костей поуставших, сынок!
Всем Великим огузам на зависть, сынок!
Наше счастье на старость и радость, сынок!

Так они говорили и, плача, бога благодарили.

Сын Яланчи, Яртачук, как про все это услышал, от страха
перед Бейреком бросился в заросли камышовые, побежал.
Бейрек за ним. Гнал его, гнал, в камыши и загнал.

Бейрек и говорит:

— Эй! Огня принесите!

Огня принесли, камыш подожгли. Сын Яланчи Яртачук
видит, некуда больше деваться, не то сгорит, вышел из за-
рослей, у Бейрека в ногах стал валяться. Трижды покорно
под мечом его прошел. Тут Бейрек вину его и простил.

Казан-бек говорит:

— Иди, а?! Бейрек, иди! Счастья не упusti!

Отвечает Бейрек:

— Пока товарищей не освобожу, крепость не возьму,
счастья себе не найду!

Тут Казан-бек своим огузам говорит:

— Кто любит меня и кто верит в меня, седлайте коня!

Беки Великих огузов коней оседлали, к крепости Байбурд
поскакали.

А гяуры словно их ждали. Беки огузов чистой водой омылись, белым челом к земле приложились. В два поклона намаз совершили, помолились. Мухаммеда прекрасное имя не раз помянули, и началось!

Громче грома барабаны забили, золотые и медные трубы вострубили, страшная сеча затеялась! Поле боя головами усеялось.

Громким позыком зыкнул Казан, Шюкли-Мелика с коня повалил. Черного тагавура зарубил, на землю свалил. Кара-Аслана Кара-Будаг—Мелика поразил. На горах и холмах огуз гяура громил! Семь беков гяуров покорно под их мечами прошли.

Бейрек, Егенек, Казан-бек, Кара-Будаг, Дели Дондар, сын Казан-бека Уруз, эти на крепость походом пошли. Тридцать девять джигитов своих Бейрек увидел, богу спасибо сказал, что их всех живыми-здоровыми и невредимыми застал. Храм гяуров они снесли, на этом месте мечеть возвели. Всех монахов убили. К молитве призвали и во имя аллаха хутбу прочитали.

И тканей цветных парчовых, и полотен кумачовых, и доспехов и панцирей золоченых, и красавиц-девиц, и золота-серебра, и другого добра пятая часть Баяндур-хану пошла.

Сын Бай-Бура бека Бейрек взял дочь Шюкли-Мелика. Вернулся в свой белошатровый, белопалаточный стан. Две свадьбы сыграл.

Некоторым его джигитам девушек дал Казан-хан. Остальным—Баяндур-хан. Да еще семь сестер своих он за семь джигитов своих отдал. В сорока местах брачные шатры свои поднял. Тридцать девять девиц на счастье-удачу из луков стрелы пускали. Тридцать девять джигитов за стрелами уходили, свою удачу искали.

Сорок дней и сорок ночей свадьбы играли. Бейрек и джигиты его все счастья достигли. Всем счастье дали и сами счастливы стали.

И отец наш Коркут приходил, песню радостную заводил, песни пел, сказывал и о том, что случилось с борцами за веру священную, много рассказывал. Пусть эта песнь будет песнь о Бейреке!

Благословлю тебя, хан! Да не рассыпаться в прах твоим неприступным горам! Да не засохнуть тенистым могучим твоим деревьям! Да обретет отец седовласый твой престол и в небесном краю! Да обретет седокудрая мать свое место в раю! Чтобы ты с сыновьями и братьями не разлучался! Чтобы в судный день ты от истины не отрекался! Пусть увидится лик божества, лишь тому, кем аминь говорится! Да святится, да крепится! И во имя светлого имени Мухаммеда каждый твой грех да простится!

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О ПЛЕНЕНИИ СЫНА КАЗАН-БЕКА УРУЗА ПОВЕДАЕТ

Хей, хан мой!

Как однажды, встает Казан-бек, сын Улаша, встает, поднимается. Ширь земная шатрами его уставляется. В тысячи мест шелковые ковры расстилаются. Пестрый навес до небес поднимается. Девяносто туменей¹ молодых огузов на беседу его собирается. Хлебосолье широкое всем, кто пришел, открывается.

Кувшины бездонные, широкогорлые щедро ставятся. В девяти местах в медных котлах мясо варится. Кубки и чаши на ножках золотых в ряд выстраиваются.

Девять дев чернооких, а все девы высокие, стройные, в косы волосы заплетенные, от кистей до ногтей руки хною окрашены, пальцы тонкие изукрашены, шеи длинные, лебединые, девять дев, дочерей иноверцев, золотыми чашами с красным вином беков огузских обносили, поили.

И у каждой из рук сын Улаша, Салур-Казан чашу брал, глоток отпивал. Он громадами-грудами шатры и палатки раздаривал. Вереницами бекам своим он верблюдов раздаривал.

Пред лицом его, опершись на лук, его сын Уруз молодой стоял. А по правую руку Кара-Гюне, его брат сидел. А по левую руку дядька Аруз сидел.

Как направо взглянул Казан, громко-громко захохотал. Как налево взглянул Казан — возликовал. Пред собою прямо взглянул Казан, сына Уруза как увидал, от досады хлопнул ладонь о ладонь, а потом зарыдал.

Не понравилось это его сыну Урузу, он вперед идет, на колени встает. Он отца зовет, говорит. А послушай, хан мой, что говорит:

Слову внимай! В слово вникай, отец мой, Казан! Поглядел ты направо — и громко захохотал. Поглядел ты налево — и сердцем возликовал. Поглядел пред собою — меня увидал — зарыдал. В чем причина, скажи, чтоб я знал, отец! Скажешь — голову в жертву отдам, отец! А не скажешь, тогда...

Вот как встану я с места, да как поднимусь, Чернооких джигитов возьму, снаряжусь, Да к абхамам² кровавым уйду, не вернусь, К золотому кресту прикоснусь, поклонюсь, И к поповской в попоне³ руке приложусь, И на дочке глазастой гяура женюсь, Перед очи твои никогда не явлюсь. В чем причина, что ты зарыдал, мне ответь! Ах, отец, я готов за тебя умереть!

Тут Казан-бек побледнел, сыну в лицо посмотрел, обратился к нему, сказал. А посмотрим, хан мой, что он сказал: Подойти-ка поближе сынок-сосунок! Поглядел я направо и брата Кара-Гюне увидал. Он головы срубал, кровь проливал, свое славное имя в боях добывал.

Поглядел я налево и дядю, Аруза Коджу увидал, Он головы срубал, кровь проливал, свое славное имя в боях добывал.

Посмотрел пред собой и тебя увидал, зарыдал. Сын, шестнадцати лет ты достиг, а мужчиной не стал. День придет, час настанет урочный, я мертвым паду.

И останешься ты несмышленышем мне на беду.

Не натягивал ты никогда тетивы, Не пускал оперенной каленой стрелы, Головыне срубил, крови ты и пролил.

У огузов почтенья ты не заслужил. Минет время, в свой час я умру, все тебя обойдет, мой венец и престол у тебя отберут. Поглядел — свой конец увидал я, сынок, оттого-то, увидев тебя, зарыдал я, сынок.

И отвечал ему тогда Уруз, а посмотрим, хан мой, как отвечал:

— Ах, отец, бек-отец! Вот ты вырос с верблюда, а — глупей верблюжонка иного. Ты огромней холма — а ума в тебе нет и зерна просяного! Сыновья у отцов на учаются доблести на отцовском примере? Иль отцы у сынов научаются в самом-то деле? Хоть когда-нибудь брал ты с собою меня на гяуров граицу? Бил мечом у меня на глазах, научал меня биться? Что я видел, отец, от тебя и чему бы я мог научиться?

Хлопнул ладонь о ладонь Казан-бек, захохотал. И сказал:
— Слышали, беки, как славно Уруз разговаривался, точно меда напился. Вы, беки, ешьте, пейте, гуляйте, пира не нарушайте. А я сына возьму, на охоту пойду. На емь дней припасов беру и ухожу. Те места, где я стрелы метал, сыну я покажу. Те места, где мечом я играл, укажу. Беру сына на гяуров границу, покажу Джизыглар, Аглаган, Кокча-Даг. Может, беки, сынку моему все потом пригодится!

Каурого своего велит подавать да седлать. Триста джигитов в одежде, золотом шитой, драгоценным камнем покрыв, зовет, вместе с собой берет. И сорок джигитов прекрасных, юных и ясноглазых Уруз за собой ведет. Сына Казан берет и с ним на охоту в Черные горы идет. Они зверя гоняют, они птиц выпускают, джейранов, козлов побивают. На зеленом лугу, в прекрасном логу шатры свои ставят. И несколько дней пьют, едят вместе с беками и отдыхают.

А меж тем, из крепости Татиан «башиачиков»,* из крепости Ак-Сака** лазутчик глядит на них. Высмотрел все, побежал, тагавуру их рассказал.

— Эй! Что сидишь, поджидаешь? Иль не знаешь, что сам Казан, алпов глава, пока еще цела твоя голова, и пока твои псы не брехали, и твои коты не орали, вместе с сыном своим допьяна напившись, лежит, крепко спит.

И шестнадцать тысяч гяуров в черных одеждах коней седлают, на Казана в поход выступают.

А те смотрят, видят, в шесть столбов пыль завивается.

Кто говорит:

— Это пыль джейраньего стада.

Кто говорит:

— Это пыль супостата.⁴

А Казан замечает:

— Будь это джейранье стадо, пыль бы в два столба завивалась, а она в шесть столбов завивается. Ясно, понятно, это пыль супостата на нас надвигается.

Пыль рассеялась, улеглась. И открылось — бескрайнее, сколько вмещается в глаз, что-то такое, что солнцем блестело, морем вздымалось и лесом чернело. То в шестнадцать тысяч — стремена веревочные, шапки войлочные, заносчивые без меры, хамской веры, с голосами стервятников — войско гяуров-всадников показалось.

Казан коня каурого подозвал, вмиг его оседлал. Стал Уруз поводья натягивать, стал коня горячить, подъехал к отцу, стал ему говорить:

* «Башиачики» — с непокрытыми головами.

** Ак-Сака — Ахалцых

Выйди, отец, объясни мне,
Что это там надвигается, морем вскипая?
Что это там надвигается, солнцем сияя?
Что надвигается, звездами ярко сверкая?
Словом язык развяжи, хоть словечко скажи, хоть полслова,
Голову я положу за единое слово отцово!

Отвечает ему Казан:

Львенок, сынок мой, послушай, отец отвечает:
Морем вскипая, колонны врагов наступают,
Солнцем сияя — златые их шлемы сияют,
Звездами ярко сверкая — их копыта сверкают.
Полчища злобных гяуров, на нас супостат наступает.

Спрашивает сын:

— А почему мы супостата супостатом называем?

Отвечает Казан:

— Сын, потому мы их так называем, что когда где ни встретим, всегда убиваем, и они, где ни встретят нас, тоже убьют...

Спрашивает Уруз:

— За убийство их беков-джигитов платят кровью за кровь?
За расплатой они не придут?

Отвечает Казан:

— Сын, ты гяуров хоть тыщу убей, ты за кровь не заплатишь им кровью своей. Это — гяуры, это неверные. Но они оказались здесь кстати, да некстати ты, сын мой, ты здесь оказался некстати!

Стал Уруз говорить, а посмотрим, хан мой, что говорить:

Приди, подойди, господин мой, Казан!

Когда поднимался я, с места вставал,

Лихого коня своего сберегал —

Берег ради этого дня. Он настал!

Чтоб без сожаленья на поле сраженья коня загонять,
во имя твое!

Копье боевое свое сберегал,

Берег ради этого дня. Он настал!

Чтоб толстое брюхо, широкие груди копьем щекотать,
во имя твое!

И острый булатный свой меч сберегал,

Берег ради этого дня. Он настал!

Чтоб головы скверных гяуров-неверных мечом отрубать,
во имя твое!

Кольчугу и панцирь свои сберегал,

Берег ради этого дня. Он настал!

Чтоб острый шишак под ударами палиц врага поизмывать,
во имя твое!

И с бармицей шлем золотой сберегал,
Берег ради этого дня. Он настал!
Чтоб острый шишак под ударами палиц врага поизмывать,
во имя твое!

И сорок джигитов своих сберегал,
Берег ради этого дня. Он настал!
Чтоб головы этих гяуров-неверных, рубя, не считать,
во имя твое!

И прозвище «Лев» я свое сберегал,
Берег ради этого дня. Он настал!
Чтоб в страшном сойдене бою рукопашном, врага побеждать,
во имя твое!

Скажи мне, отец, хоть словцо, хоть полслова,
Готов умереть я за слово отцово!

И тут отвечал ему Казан, а посмотрим, хан мой, как отвечал:

Ах, сынок мой,

Слову отца внимай! В слово отца внимай!

У них лучники пустят три стрелы — ни одна из трех не расщеплется.

Палачи у них срубят голову, «ох» не вымолвишь, как отвалится.

Повара у них жарят жарено — человечинкой называется.

Не тебе, сынок, с ними справиться!

Сам, поднявшись с места, я встать хочу,

На коня, на каурого, сам вскочу,

Этот сильный враг — лишь мне по плечу!

Уж я вволю дам погулять мечу,

Уж я грязных гяуров сам проучу!

Ты гляди, как я буду врага рубить,

Вновь и вновь как я буду врага косить,

Вновь и вновь как я буду их с ног валить,

Как мечом буду головы с плеч сносить.

Ты гляди и учись, как врага учить!

В трудный час пригодится урок, может быть.

И тогда сказал Уруз, а посмотрим, что он сказал:

Слышу, слышу, отец, я весь слух и внимание.

Но ведь агнец горы Арафат⁵ — для заклятия!

Но отцу нужен сын как его продолжение.

Сын стоит за отца, он ему в услужение.

За тебя, мой отец, будет жертвой моя голова искупления!

И тут говорил Казан, а посмотрим, хан мой, что говорил:

Ах, ты сын мой, сын!

В гуще битв не побыв, ни одной головы не срубил ты!
Человека пока не убив, еще крови живой не пролил ты!

А ты сорок джигитов, что взял за собой, собери-ка!

И на гору с зелеными склонами, с вершиной крутой свой отряд подними-ка!

Как я буду гяуров рубить, как я буду косить, как мой меч будет головы с плеч им сносить, погляди, научись-ка! Заодно и в засаде пока посиди-ка!

Тут Уруз отцу возражать не решился. Повернулся, назад воротился. На высокую гору, товарищей взявши, поднялся, с высоты ее озирался.

В те времена сыновья отцов почитали, на одно отцовское слово двумя не отвечали. А тех, кто так отвечали, сыновьями уже не считали.

Широкой подмышкой Уруз копье зажал и стоял.

Увидал Казан-бек, что гяуры ряды свои тесно сомкнули, с коня соскочил. Чистой водой омылся, белым челом к земле приложился, в два поклона намаз совершил, помолился. Мухаммеда, чья имя нетленно, в душе помянул. Громким позыком зыкнул, прищпорил коня, конь взвился на дыбы, поскакал. Мечом замаяхал.

Словно гром грозовой, барабаны забили в тот день.

С золотой бахромой трубы громко трубили в тот день.

Кто в сражении — муж, кто — герой, испытали в тот день.

И мечи, ударяясь один о другой, скрежетали в тот день.

Наконечники стрел на лету расплавились в тот день.

И копейщики копьями насмерть бодались в тот день.

Только трус с подлецом, где укрыться, искали в тот день.

И любясь отцом, сын любовью к нему воспылал в этот день.

И вскричал он:

— Эй, сорок товарищей! Ну-ка, сюда! Да будет вам в жертву моя голова! Вы видите, как он, отец мой Казан, им головы с плеч срубает, их кровь проливает. «Юному воину не в честь — всякую всячину есть!» — говорит он. Похоже, гяуров шадит он! Постой! Эй, кто меня любит, джигиты, за мной! Чего вы стоите? Бойтесь отца? Ударим на них, но с другого конца.

Конь вороной закусил удила. Ударил Уруз на гяуров с правого крыла. И справа и слева он бил их, разил, он славу гяуров рассеял, разбил. Посмотришь, как град на тропинку упал. Иль сокол в гусей черных стадо попал. Один край гяуров он смял, разметал. Гяур заметался. Ряд лучников встал. И кто-то из них, кто за битвой следил, лихого коня под Урузом стрелой поразил. Гяуров против Уруза было много больше.

Сорок джигитов Уруза с коней посходили. Ремнями короткими щиты пестрые к рукам прикрутили, мечи обнажили. Долго вокруг Уруза стояли, напор отражали. Где топко — там увязнуть недолго. Густая толпа страшит. Где пеший — там надежды меньше. Слева-справа Уруза враги окружили. На глазах у него его сорок джигитов они перебили, на юношу напали, оглушили его, схватили. Руки белые по локоть ему скрутили, волосной аркан на белую шею его надели. Вниз лицом повернули, потащили, и до тех пор его били, пока белое тело в кровавое месиво не превратили. Стал он горькими слезами обливаться, отца призывать, по ним убиваться. И так вот, по рукам связанного, арканом за шею привязанного, лицом опрокинутым вниз, поскакали домой, понеслись. Так Уруз в плену очутился.

А Казан об этом не знал. Он на другом краю поля бился и уже считал, что верх над врагом одержал. Повернул поводья коня, назад воротился. Пришел, а сына, где он оставил его, не находит.

— Эй, беки! Куда это мог сын мой деваться? — спрашивает. Отвечают беки:

— Не иначе, как у юноши сердце цыплячье! К матери, небось, ушел, убежал.

Рассердился Казан, повернулся, сказал:

— Так, не иначе!.. Бог сына дал, а сын — неудача. Пойду, у матери его возьму, мечом его разрублю, на шесть частей разделю, на шесть дорог его труп раскидаю, чтоб отныне никто поле брани не покидал и в бою товарища не бросал!

Хлестнул каурого своего коня, ускакал. Скоро в стойбище своем оказался, не прошло и дня.

Ханская дочь, госпожа Бурла Высокорослая, о возвращении Казана услышала. Из коней — жеребцов, из верблюдов — самцов, из овец — баранов резать повелевала.

— С первой охоты сына, с первой его добычи пир устрою. Бекков огузов угощу, — сказала.

Видит ханская дочь, что Казан идет, как комочек вся подбирается, живо так поднимается, собольей шубой плечи свои накрывает, Казана встречает. Глаза поднимает, в лицо Казану всматривается, налево-направо оглядывается, глазами поводит, а сыночка Уруза не видит она, не находит. Сердце вспрыгнуло, заколотилось, печень черная вся-то изнылась, очи черные, очи раскосые переполнились кровушкой слезною. И стала Казану она говорить, а послушай, хан мой, что говорить:

Подойди же, салуров бек, салуров краса, подойди же!

Мое счастье и доля, венец в моем доме, поближе!

Отца-государя зять!

Кого так любила мать,

Чуть глаза открыла — приглянувшийся,
Ты всем сердцем мне — полюбившийся!
Ты, джигит мой, Казан долгожданный!
Вместе с сыном поутру вставал, вместе с ним поднимался,
На конях черногривых, игривых вместе с ним красовался.
На крутых на горах, на зеленых холмах ты охотою с ним забавлялся,

За джейранами за быстроногими долго гонялся,
И, добычу свою нагрузив на коня, ты домой возвращался.
Уходили вдвоем, а приходишь один, где ж сыночек мой?
Где сынок мой, в злосчастную ночь мною роженный?
Не видать, не слышать! Ой, гореть, полыхать моей печени,
болью изложенной!

Уж не сам ли со скал, повисших в горах, ты свалил его?
Уж не львам ли в густых камышах ты скормил его?

Иль позволил, чтоб сына гяуры схватили бы?

Его белые руки по локоть связали, скрутили бы?

На веревке его за собой волочили бы?

Чтоб он шел, пересохшие губы кусал, озирался бы?
Чтоб из черных очей он горячей слезой обливался бы?
Чтоб он мать и отца призывая, по ним убивался бы?

И снова она говорила, и так говорила:

Сын мой, сын!

Мой наследник, сын!

Ты вершина гор моих черных — сын!

Свет очей моих помраченных — сын!

Еще ветры не дули, Казан, а уж больно надуло мне уши-то.

Жжет, печет все нутро, а чесночной травы не покушала.

Пухнет тело мое, а я желтой змеей не укушена.

Молоко заиграло в грудях, а ведь грудь моя вся-то иссушена.

Не видать только сына, ох душно мне, тяжело мне, скучно мне!

Говори, где мой сын! Ах, Казан, я жду,

А не скажешь, Казан, я проклятьем тебя как огнем пожгу!

И еще она говорила:

Кто играл, потрясал тростниковым копьем, все пошли и пришли, воротились.

Что же с ним, кто играл-то копьем золотым, ах ты, господи, что ж с ним случилось?

Кто скакал на коне боевом, вороном, все пошли и пришли, воротились,

Что же с ним, кто скакал на своем быстроногом коне, ах ты, господи, что с ним случилось?

И наперсник пришел, и прислужник пришел, все пошли и пришли, воротились,

Что же с ним-то, одним-то сыночком моим, боже праведный, что приключилось?

Говори, где единственный сын! Ах, Казан, я жду,
А не скажешь, Казан, я проклятьем тебя как огнем пожгу!

И еще говорила, и так говорила:

Я иссохшие реки водой ключевою наполнила,

Я дервишам и нищим обеты, давая, исполнила.

Я не только родным, и чужим, и соседям мирволила.

Я жалела обиженных, я никого не бездолила.

Я голодных кормить и нагих одевать — не скупились.

Еле вымолен сын мой у бога, родами едва разрешилась.

Говори, где мой сын? Ах, Казан, весть подай, я жду,

А не скажешь, Казан, я проклятьем тебя, как огнем, пожгу!

И еще она говорила:

Может, с пестрой горы, что напротив лежит,

Сын единственный сброшен, скажи ты мне,

Я киркою их срою!

Может, в быстрой воде, той, что быстро бежит,

Сын любимый утоплен, скажи ты мне,

Я исток перекрою!

Может, рабство ему у гяура грозит,

Сын единственный продан, скажи ты мне?

А не то я пойду государю-отцу поклонюсь,

И войсками его и богатой казной запасусь,

На гяуров неверных сама ополчусь,

Буду биться, покуда с коня не свалюсь,

Ни жива, ни мертва на земле окажусь,

И пока рукавом от крови не утрюсь,

И вестей о сыночке своем не добыюсь,

Я с пути своего не сойду, не вернусь!

И опять она говорила, и так говорила:

Что, Казан?

Или сбросив с ноги башмачки, мне бежать?

В лицо белое острые ногти вонзать?

Щеки, яблочек румянее, мне раздирать?

На чадру свою алую кровь проливать?

И проклятьем беду на орду накликасть?

И стонать, и кричать «Сын мой, сын», причитать?!

Вереницы верблюдов ли мимо пройдут,

Верблюжата за ними, ревя, пробегут.
Потеряла и я верблюжонка — кричать ли?
Табуны ли коней черногривых пройдут,
Жеребята за ними, заржав, пробегут,
Потеряла и я жеребенка — заржать ли?
Белорунные овцы ли мимо пройдут,
И ягнята, заблеяв, вослед пробегут,
Потеряла ягненокка я — блекотать ли?
«Сын, сыночек, сынок!» — причитать ли?

И еще она говорила:
Говорила, пора бы подняться и встать,
Говорила, пора черногривого коня оседлать.
Говорила, вот скоро я к Великим Огузам пойду,
Говорила, вот скоро ясноглазую сыну невесту найду.
Говорила, я белый шатер на земле возведу,
Говорила, что сына в шатер новобрачный введу,
Но желаньям моим ты исполниться не дал, Казан!
Ты мою горемычную голову предал, Казан!
Не видать мне сынка моего, не слышать!
Что ты сделал, Казан, мне ты должен сказать,
А не скажешь, Казан,
Буду век тебя проклинять!

Как услышал Казан, что говорит ему мать его сына, встал, словно ума лишился, стоит. Черная печень его изнылась. Сердце вспрыгнуло, заколотилось. Очи черно-раскосые переполнились кровушкой слезною.

Говорит:

— Славная моя, если б сын пришел, я бы это знал, тебя ли бы я тогда вопрошал? Что тревожиться и заботиться, если знаешь, что сын охотится? Не страшись, не тревожься о нем. На охоте он.

Дай мне сроку семь дней. Где бы ни был он, отыщу! Если он в земле — из-под земли достану, если в небе — с неба спущу. Найду, так найду, а не найду, так придется смириться, что поделаешь, бог дал — бог взял, как говорится. Буду вместе с тобою оплакивать сына.

Ханша говорит:

— Казан, как я узнаю — на охоте сынок мой иль нет? Если ты на усталом коне, при своем притупленном копье за ним отправляешься вслед?

Повернулся Казан и путь, проделанный, им проделал опять.

Ночь настает. Мать, хотя ничего не знает, тайно от всех приказ отдает:

— Девяносто туменей молодых огузов пусть за мною идет!
Пусть беки знают, что сын мой в плену пропадает!

Вот туда она и пришла, где битва была. Видит, ясноглазые товарищи-джигиты сына ее — все перебиты. Его конь лихой лежит, пронзенный стрелой. Среди трупов труп сына искала она — не нашла. Золоченую нагаечку подобрала. И тогда поняла, что сын у гяуров в плену. И заплакала по нему:

О, горы моей черной вершина — сын!
О, реки моей бурной стремнина — сын!
Ты на старости лет у меня один,
И тебя отнимает чужбина — сын!

Так она приговаривала и выла, однако следы гяуров следила.

У гяуров тогда у Дербентских ворот поселение было.

Они юношу в черную епанчу решили нарядить, у ворот на пороге вниз лицом положить, чтоб входящий его пинал и выходящий пинал.

И еще говорили:

— Сын врага нашего заклятого, татарина проклятого, уж коли попался нам в руки, то прежде, чем его убивать, он должен муку принять. И только они на порог поперек его положили, как появляется в клубах пыли Казан. Коня каурого погоняет. На гяуров страх нагоняет. Как увидели гяуры Казана, переполошились, бросились — кто коня седлать, кто меч хватать, кто кольчугу надевать.

Уруз голову приподнял, спрашивает:

— Эй, гяуры, что за беда?

Отвечает гяур:

— Пришел твой отец. Схватим его, наконец!

Стал Уруз их просить:

— Пощадите, гяуры! Избавьте от бед! В единстве божьем сомнений нет!

Гяуры его пощадили, руки ему развязали, глаза открыли. И вышел навстречу отцу его сын и заговорил, а посмотрим, хан мой, как он говорил:

Выйди, выйди, отец мой, родитель мой милый!
Как узнал, что меня они в плен захватили?
За спиной моей белые руки скрутили,
И арканом тугим мою белую шею сдавили?
И джигитов моих чернооких в бою перебили?
Ты еще не пришел, а гяуры уже говорили:
«Мол, Казана с каурым конем его быстро схватите!»
И по локти ему его белые руки скрутите!

Его гордую голову, охнуть не дав, отрубите!
Его алую кровь вы на черную землю пролейте!
Вместе с сыном обоих немедленно убейте!
Погасите очаг его, род истребите под корень и пепел развейте!»

Сговорились они, ах, отец мой, предать тебя смерти!
Ой, боюсь, поскользнется каурый, как станешь его горячить-то,

И во время сражения дашь им себя ты схватить-то,
Свою гордую голову дашь им, не охнув, срубить-то,
Уж как плакать-то мать седокудрая будет по нас с тобой,
горестно выть-то!

Воротись, отец, воротись, родной!
Воротись в свой дом, в свой шатер златой!
Постарела мать, будь надеждой ей!
Утешеньем будь и сестре моей!
Ты сестру мою не заставь рыдать!
И старуху-мать не заставь страдать!
Ведь позор — из-за сына отцу умирать!
Ради бога, отец, не вяжись ты в бой!
Воротись назад, воротись домой!
Если выйдет старая мать встречать,
Если станет тебя обо мне вопрошать,
Ты скажи ей всю правду, зачем скрывать?
Ты скажи, сам я видел, что сын в плену,
Ты скажи, что лежит он в свином хлеву,
И что шерсть епанчи его шейку трет,
Что тяжелая цепь по лодыжкам бьет,
И что связан он по ногам-рукам,
Что надет на шею его аркан.

Ест ячменного хлеба корку да горького лука головку.
Пусть о мне мать моя не печалится,
Один месяц меня дожидается.
Не вернусь через месяц — пусть два дожидается,
Не вернусь через два — пусть три месяца дожидается,
Не вернусь через три — вот тогда пусть печалится,
Не пришел, значит, умер сынок,
Вот тогда жеребца моего на помин заколите,
И невесту от данного слова ее развяжите,
В новобрачный шатер, ожидавший меня, ее ровню введите,
Голубые наряды на черные платья смените,
Люди, люди Великих огузов оплачьте меня, помяните!
Головою своей я готов за твой путь расплатиться,
Умоляю, отец мой! Ты должен домой воротиться!

И еще его сын говорил, поглядим же, хан мой, что говорил:

Будут горы высокие
Живы-здоровы — травую покроются.
Будут реки широкие
Живы-здоровы — водою наполнятся.
Вереницы верблюдов будут живы-здоровы — дадут верблюжонка.

Табуны быстроногих коней будут живы-здоровы — дадут жеребенка.

И отары овец белорунных будут живы-здоровы, то подарят ягненка.

Будут беки-джигиты живы-здоровы — пошлет бог ребенка.
Если будешь ты жив и жива будет мать,
Может бог вам и лучше, чем я, сына дать.
Молоко материнское мне да простится!
Умоляю, отец, не сражаясь, ты должен назад воротиться!

И тут Казан-хан ему отвечал, поглядим же, хан мой, как отвечал:

О, сын мой! Сын!
Ты горы моей черной вершина — сын!
Стана крепкого крепость и сила — сын!
Свет очей моих черных, мой милый сын!
На заре поднимался, вставал для тебя!
И каурого гнал, утомлял для тебя!
Бело платье свое измарал для тебя!
Свою голову я бы отдал за тебя!
Как пропал ты сынок — я измучился весь!
Поднимался мой плач от земли до небес!
Барабаны-то громкие не барабанили,
И в великом диване уж не было больше собрания.
Сыны беков, кто знал тебя — все огорчились,
Сняли белое, в черное все облачились.
Моя дочь, лебедица-девица, уж так огорчилась,
Снявши белое, в черное вся облачилась.
Седовласый отец твой поникнул головушкой,
Седокудрая мать залилась слезной кровушкой.
Не вернется отсюда домой твой отец, не воротится,
А вернется, с него белолицею матушкой спросится.
Станет спрашивать мать—
Что смогу я сказать?
Иль сказать ей, что связан сынок по рукам-ногам?
Иль сказать, что надели на шею ему аркан?
Что гяур, положив сына на порог,
Обтирает грязь об него с сапог?
Что же станет с честью моей, сынок?

Как скажу, что шерсть епанчи тебе шейку трет?
Как скажу, что тяжелая цепь по лодыжкам бьет?
Как скажу, ест ячменного хлеба корку и горького лука
головку?

И еще сказал Казан, так сказал:

Горы черные и высокие
Постареют — травой не покроются, народ не прокормится.
Реки бурные и широкие
Пересохнут — водой не наполнятся.
И верблюды, когда состарятся,
Не дадут они верблюжат.
Воронье кони состарятся,
Не дадут они жребят.
И джигиты, когда состарятся,
Сыновей не родят!
Постарел отец, постарела мать,
Лучше сына, чем ты, бог не сможет дать,
А и даст, все равно ему место твое не занять!
В небесах стану тучей я черной, могучей и громом врага
оглушу!

Стану молнией белой летучей и мигом врага поражу!
Стану ясным огнем и врага, как камыш, подожгу!
Если каждые девять из них посчитаю я за одного,
то не так уж их много!

Будет помнить меня мир небесный,
Будет помнить меня мир земной,
Эта битва за мной!
А подмога мне будет от бога!

С коня каурого соскочил, чистой водой проточной омылся,
белым лбом к земле приложился, в два поклона намаз совершил,
помолился и с мольбою к всевышнему, с плачем, в слезах обра-
тился. Он о землю лицом потерся, на земле распростерся. Му-
хаммеда восславил. Как верблюд, он взревел, словно лев, зары-
чал, громким позыком зыкнул, громко вскричал и один на один
на гяуров помчал.

Он мечом ударял, отступал, наступал, бился, бился на славу,
вот-вот думал, верх он одержит, но не одержал. За один только
час он уже в третий раз на врага наступает. Вдруг, в сраженья
пылу, замечает, чей-то вражеский меч его века глазного каса-
ется, зажурчавшею кровью глаза его заливаются. Он на жест-
кую землю валится.

А теперь поглядим, что может сделать лишь бог один...
Между тем, ханша, госпожа Бурла Высокорослая о сыночке своем с ума сходит, места себе не находит. Сорок стройных дев на коней посадила, вороного жеребца привести велела, сама верхом села, мечом опоясалась и отправилась.

— Не пришел Казан! Не пришел венец моей головы, — так приговаривает, а сама идет по его следам, зорко-зорко кругом поглядывает. Шла, шла и близко к Казану уже подошла. Казан жену свою не узнал. Ей навстречу Казан поскакал. И так сказал:

Ты поводья коня вороного ко мне поверни, джигит,
Ты попристальней только в лицо мне взгляни, джигит.
Вороного коня своего мне отдай, джигит.
С наконечником острым копье мне отдай, джигит,
На плечах голубую броню мне отдай, джигит.
Мне сегодня надежду подай, выручай, джигит.
Я отдам тебе целый край, джигит.

Отвечает госпожа Бурла:

Встал, стоишь, мне «джигит» говоришь, что блекочешь?
Дни былые мои, молодые мои воротить, что ли, хочешь?
Ты ли это, поднявшись, вставший, Казан?
Ты ль, каурого утром седлавший, Казан?
Неприступную гору мою сокрушивший, Казан?
И тенистое крепкое древо мое подрубивший, Казан?
И сына моего, ой, сына одного, погубивший, Казан?
И ножом на лету мне крыла подрезавший, Казан?
Ты, скакавший всю жизнь и с коня не слезавший, Казан.
На ногах не идешь? Видно, в чреслах ослаб.
В стремена не встаешь, знать, в коленях озноб.
Ханшу не узнаешь, видно, вовсе ослеп!
Растерялся, смешался, что с тобою случилось?
Бей мечом, я пришла! Я пришла, Казан!

А тут и огузские богатыри на помощь пришли один за другим, а кто пришел — поглядим.

Вход в ущелье Черное защищавший, колыбель свою кожей быка покрывавший, в гневе камни в прах обращавший, в семь узлов на затылке усы свои завязавший, брат Казана Кара-Гюне прискакал и сказал:

— Бей мечом, брат Казан, я пришел!

А следом за ним, хан мой, кто пришел, поглядим.

Железные Ворота Дербента сокрушавший, одним ударом их взявший, на острие копья в шестьдесят тутамов воина поднимавший, орать его заставлявший, такого богатыря, как

Казан, на состязаниях трижды с коня сбивавший, сын Кыян-Сельджука Дели Дондар прискакал и сказал:

— Бей мечом, брат Казан, я пришел!

А следом за ним, кто пришел, поглядим.

Без позволения Баяндур-хана врагов его одолевавший, шестьдесят тысяч гяуров кровью плевать заставлявший, сын Гефлет-Коджи Шир-Шемсетдин прискакал и сказал:

— Бей мечом, господин мой Казан, я пришел!

А следом за ним, кто пришел, поглядим.

Улетевший, как птица, из Байбурдской темницы, крепости Пара-Сары, кто застал наготове свадебные шатры, Казан-бека опора, почитавший его, как отца, меж Великих огузов завиднее не было молодца, всадник серого жеребца бек Бейрек прискакал и сказал:

— Бей мечом, хан мой Казан, я пришел!

А следом за ним, кто пришел, поглядим.

С осанкой чалого сокола, с отвагой крапчатого орла, с поясом в звонких бляшках, с золотом в ухе серьгой, как чашка, в состязаниях всех сильней, беков Великих огузов валивший с коней, сын Коджа Казылыка, бек Егенек прискакал и сказал:

— Бей мечом, господин мой Казан, я пришел!

А следом за ним, кто пришел, поглядим.

Итак, пришел Дели Дондар, кто двадцать четыре рода милостями обласкал.

А следом за ним глава тысячи племен Дукер прискакал.

А следом за ним глава тысячи племен Бекдузова рода Эмен прискакал.

А следом за ним глава старейшин девяти родов Аруз прискакал.

Всех беков огузских считать — не сосчитать. Все беки Казана пришли, вокруг него столпились. Чистой проточной водой омылись, в два поклона намаз совершили, помолились, Мухаммеду, чье имя прекрасно, хвалу воздали, и немедля коней на гяуров погнали, и мечами они ударяли.

Был тот день днем, когда, кто герой до печени, кто муж настоящий с пеленок, узнали. Только трус и подлец в этот день, где укрыться, искали. Страшная сеча затеялась, поле боя головами усеялось. Слуга бека — без бека, а бек — без слуги оставались. Страшным днем был тот день. Судным днем этот день оказался.

С беками Дальних огузов Дондар — справа нанес удар. С молодцами-джигитами смело — Кара-Будаг ударил слева. Сам Казан ударил в серединку. И сошлись Шюкли-Мелик с тагавуром и Казан в поединке. Страшным криком вскричал

Казан, и криком с коней их свалил. Алой кровью их землю он напоил.

С правого края Дондар с Кара-Тикан-Меликом сходились, на мечах рубились, Дондар его одолел.

С левого края Кара-Будаг с Бугаджук-Меликом сходилась, на копьях бился, пока Кара-Будаг его не пронзил и, не дрогнув, голову ему отрубил.

Госпожа Бурла Высокорослая черный стяг гяуров мечом разрубила, в землю втоптала.

Тагавура схватили, побежали гяуры, и в долах и в логах в пух и прах побивали их, били. Пятнадцать тысяч гяуров, кого убили, кого полонили. Казан перед сыном предстал, руки ему развязал, крепко-крепко они обнимались, наконец, повидались. Триста огузских джигитов были в сражение убиты. Выручил сына своего Казан, назад повернул. Битва священная — благословенна. Бекам огузов большая добыча досталась.

Пришел Казан в Акча-Кала, в Сурмели. Сорок шатров поставить велел. Семь дней, семь ночей пировал, пил и ел. Сорока женатым рабам и сорока рабыням во здравие сына вольную дал. Молодцов-удальцов крепостями и землями наделил, а что армяков и бекеш — их без счету он раздарил.

Отец наш Коркут пришел, песню радостную завел. Это сказание, огузов предание он и спел и сложил, и так говорил:

Где вы, герои, воспетые и победившие?

Где они — «мой весь мир» говорившие?

Смерть забирает, земля сокрывает.

Кому бранный мир остается? Кто знает?

О, мир, где приход и уход в свой черед,

О жизнь, где и жизни конец настает!

Благословлю тебя, хан! Да не рассыпаться в прах твоим неприступным горам! Да не ударит топор по могучим тенистым твоим деревьям! Да не иссохнуть твоим вечно несущим светлые воды ручьям! Да не сломаться тебя возносящим крылам! Да не заставит всевышний тебя поклониться врагам! Да не споткнется чубарый твой конь на скаку! Да не иступится меч твой булатный в бою! Да обретет седокудрая мать твоя место в раю! И не дай тебе боже надежды, дарованной свыше, лишиться!

Наша молитва, из слов из пяти сотворенная, ради прекрасного белого лба твоего да услышится! В единое слово да соединится. Да святится она! Да крепится! И во имя светлого имени Мухаммеда каждый твой грех да простится!

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

О СЫНЕ
ДУХА-КОДЖА,
О ДЕЛН ДОМРУЛЕ
ПОВЕДАЕТ

Хей, хан мой!

А то еще, хан мой, сказывали, будто жил среди огузов некий муж, сын Духа-Коджа, Дели-Домрул, что через реку высохшую — мост выстроил; кто по мосту тому перейдет, с того Дели Домрул тридцать три сребренника берет, а кто посуху или вброд, с того 40 сребренников берет, да еще и прибьет... Почему он так поступал? Да еще прибавлял:

— Если есть, кто меня удалее, если есть, кто меня сильнее выходи со мною биться, — а то, что Домрул силач, а то, что Домрул горд и горяч и настоящий джигит, об этом слава до Рума и Шама¹ летит.

Случилось однажды — у того моста, под откосом, племя одно станом стояло. Подкосила хворь доброго славного джигита. И умер джигит, потому что аллах так велит. Кто рыдал-причитал «сыночек», кто рыдал-причитал «братец». Неутешна была эта горькая скорбь по джигиту.

Откуда ни возмись — Дели Домрул прискакал.

Закричал:

— Это что еще за народ? Почему рыдает-ревет? У моего моста чей это свален скарб? О чем плач и о чем эта ваша скорбь?

Отвечают ему:

— Хан! Умер у нас добрый джигит. По нему скорбим, по нему плач стоит.

А Дели Домрул снова орет:

— Эй вы, а кто убил вашего джигита?

Отвечают:

— О, герой героев, послушай, истинный бог, такова была воля всевышнего и джигита добрую душу взял Азраил алокрылый.

А Дели Домрул:

— Ха! Это что еще за Азраил, о котором кто-то здесь говорил? Это что еще за недобрый муж, грабитель человеческих душ? Боже всемогущий, единый и вездесущий, дай показаться Азраилу перед моим взором! Я покрою его позором, буду биться, рубиться, драться, а только душе доброго джигита ему не достаться, чтобы души добрых джигитов ему неповадно было брать и потом! — так сказав, повернулся Дели Домрул и воротился в свой дом. Не понравилось богу всеправному Домрулово слово.

— Ты погляди-ка, этот безумный глупец, не зная, что я здесь единый отец, орет, и мне благодарности не воздает!

Так пусть наступит божье отмщение, и пусть на пороге, в моем чертоге просит он о прощении. И отдал Азраилу в то же мгновение свое повеление:

— Поди, Азраил, и предстань перед взором безумца того! Накажи лицо его бледной немочью! Накажи его тело недугом черным! Хрипом! Сапом! Удушьем! Отними и принеси мне его душу!

И когда Домрул с сорока джигитами бражничал и пировал, неожиданно Азраил перед взором его предстал. А как он на пир попал, об этом никто не знал. Ни стражник, ни привратник его не видал. А у Домрула слепнут-меркнут глаза зоркие, цепенеют руки цепкие. Белый свет в глазах помутился, черным мраком покрылся. И вскричал Домрул громким голосом, а посмотрим, хан мой, как он кричал.

Вот так:

Чур, старик! Как же ты страшен!

Не заметила тебя стража.

Не увидели тебя даже

Привратники, мои воины-ратники.

Слепнут-меркнут глаза мои зоркие,

Цепенеют мои руки цепкие.

Сердце кровью холодной давится,

Золотая чарка из рук валится,

Рот, как льдом, покрывается,

Кости, как соль, рассыпаются.

Чур, старик с седой бородищей,

С налитыми бычьими глазищами...

Ты ужасен! И должен знать я,

На кого насылать проклятья!

И речью такой Азраила совсем разозлил, и сказал Азраил:
Что, безумный глупец!

Не нравятся налитые бычьи глазищи?

Души многих невест и красавиц с глазами прекрасными
Я забирал!

Ты не знал, что тебе не понравится

Седина моей бородачи?

Души многих белобородых и чернобородых джигитов
Я забирал.

Ну, безумный глупец! А не ты ль похвалялся: если б в
руки ко мне Азраил алоккрылый попался, я бы его убил,
а не ты ли грозился: «вызову... и джигита добрую душу из
рук его вызволю, мне бы только до этого мужа добраться!».
А теперь, о глупец, я пришел, наконец, взять твою душу!
Сам отдашь или будешь со мною драться?

Отвечает Домрул:

— Эй, а не ты ль Азраилом будешь?

— Да, это я, — говорит.

— А не ты ль души добрых джигитов губишь?

— Да, это я, — говорит.

И тогда закричал Домрул:

— Эй, привратники, все ль ворота на запоре? Ну, Азраил,
я хотел с тобой сойтись в широком поле, неужели ж,
для обещанной мести, ты попался мне на счастье в узком
месте? Я грозился и клялся: вызову! Я убью тебя и джигита
доброего душу вызволю!

Обнажил свой карающий меч, руку поднял — рубить и
сечь, размахнулся, что было силы, на Азраила!

Да не тут-то было! Азраил голубем оборотился, шмыг
в оконце — в небо высокое взвился и пропал.

А Домрул, человек-дракон, в ладоши захлопал, как захо-
чет, как заорет:

— Ох, джигиты мои, и нагнал же я страху на Азраила,
испугался он, что я его щелкну, — позабыл, где ворота ши-
рокие и удрал через узкую щелку. Птицей-голубем оборотил-
ся, ускользнул от меня, взвился в небо высокое. Я не я,
если я не забью его соколом! Не оставлю его в покое, —
так сказал, встал, ногой в стремя встал, сокола на руку, —
и в погоню! Одного или двух голубков подбил и назад уж
было поворотил, как вдруг по дороге к дому вырос Азраил
у самых копыт коня. Конь шарахнулся как от огня. Захрипел
и понес. Седока с себя скинул. Голова его бедная гнется,
гнется, клонится, не разогнется. А на белую грудь как птица,
Азраил алоккрылый садится, давит. Душит. Достает Домрулову
душу. Не может Домрул больше терпеть и начал хрипеть.

Говорит:
Пощади! Азраил!
Избавь от бед!
В единстве божьем сомнений нет!
Я такого в тебе не видел,
Что, как тать, можешь душу взять, я не ведал.
Есть у нас в горах неоглядных,
В тех горах, в садах виноградных,
В тех садах зеленые листья,
В листьях — черные гроздья, кисти.
Выжмешь гроздья и кисти выжмешь,
Молодого вина выпьешь.
Вина выпьешь — опьянеешь.
Опьянеешь и осмелеешь.
Опьянел я, и осмелел я.
Что худого сказать посмел я?
Ничего не чаял, не чуял.
Господину не хотел уступать.
Силу сильного пришлось испытать,
Погоди, не бери души моей, Азраил!
Пощади!

Говорит ему Азраил:
— Вот безумный глупец! Ну что ты меня умоляешь?
Только время теряешь! Моли всевышнего бога! А что я могу? Я только мальчик-слуга у божьего у порога, а это не так уж и много!

А Дели-Домрул:

— Так значит только всевышний бог может душу дать и отнять?

— Да, только он может дать и отнять.

И тогда повернулся Домрул к Азраилу:

— Ну что за напасть? Вот проныра! Прочь поди! Я сам всевышнему богу слово хочу сказать!

И сказал Домрул, а посмотрим, хан мой, что он сказал:

Выше высшей высоты!
Никому не ведом ты,
Бог пресветлый, вездесущий!
Сколько глупых проживут,
В небесах тебя проищут,
На земле тебя прождут,
В сердце верующих ты!
Тайн хранитель всемогущий!
Бог, властитель вечно сущий!

Хочешь душу брать, сам забирай!
За душой Азраила не посылай!

Всевышнему пришлось по душе Домрулово слово. Он Азраила кликнул и так воскликнул:

— Быть душе Домрула свободной, если найдет он вместо своей души — душу какую угодно, ибо безумный глупец к богу воззвал, мое единство признал, мне благодарность воздал.

И сказал Азраил:

— Слушай Дели-Домрул, такова всевышнего воля: быть душе Домрула свободной, если найдешь ты вместо своей души душу какую угодно.

А Домрул:

— Где же мне душу найти? Иль к отцу-старiku да старухе-матери пойти, из двоих кто-нибудь отдаст за меня свою душу. Отдадут, забирай, а мою душу оставь!

И поплелся Домрул к отцу, руку отцовскую облобызал и такое слово сказал, а посмотрим, хан мой, что он сказал.

Вот что:

Мой родной и достойный, мой белобородый отец!

Ты не знаешь, какая беда?

Я безбожное слово сказал.

А всеправному богу оно не могло понравиться

И с небес Азраилу велел он на землю отправиться.

Налетел Азраил, на белую грудь насел, стал душить и жать,

Душу сладостную мою он хотел отнять.

У тебя, отец, душу прошу, сможешь ли дать?

Или по сыну Домрулу станешь рыдать-причитать?

Отвечает ему отец:

Сын, сыночек, сынок, кровиночка,

Сын, души моей половиночка!

Сын, рожденный при ликовании,

Девяти верблюдов заклании.

Златоверхого шатра ты столбочек, сынок.

Лебедицы, невесты-сестрицы, цветочек, сынок!

Коль нужны мои горы высокие, склоны зеленые,

Азраилу скажи, пусть берет, на летовки ходить.

Коль нужны ему реки мои ключевые студеные,

Пусть берет, водопоями будут служить.

Коль нужны вереницы верблюдов моих, краснорудых,

Пусть берет их, носить свою кладь.

Коль нужны табуны коней моих быстроногих,

Пусть берет их — седлать.

Коль нужны ему в белых кошарах отары моих белых овец и баранов,

Пусть берет, в свою черную кухню кормиться,
Коль нужны ему серебро-злато и деньги любые,
Пусть берет на расходы себе, я не стану скупиться.
Жизнь сладка, дорога душа, от души я не откажусь,
Так и знай!
Но меня родней, и меня милей тебе твоя мать,
К матери, сын, ступай!

И поплелся Домрул прочь от отца, ни с чем, толку от
него не добился. К матери пошел, ей поклонился:
Мать, ты знаешь, какая беда, сказать?
На меня Азраил алокрылый с небес налетел,
На белую грудь насел, стал душить и жать!
Душу сладостную мою он хотел отнять!
У отца я душу просил, не дал.
У тебя, мать, душу прошу,
Сможешь ли дать?
Или по сыну Домрулу станешь рыдать-причитать?
В белые щеки острые ногти вонзать?
И чернее ворона черного волосы черные рвать?

И сказала ему мать, а посмотрим, хан мой, что сказала она.
Вот что:

Сын, сынок, сыночек, хороший мой!
В тесном чреве девять месяцев ношенный!
На десятый месяц — на свет божий роженный!
В колыбели-постели качавшийся,
Мной взлелеянный, мной пеленавшийся!
Всласть моим молоком белым вспоенный!
Будь ты в крепость белобашенную пойманный,
Иль в руках гяуров грязных пленником,
я б пощаду смогла тебе вымолить!
Златом-серебром выкупив, смогла б тебя выволить.
В страшное место зовешь, сын, не пойду, поскуплюсь.
Жизнь сладка, дорога душа, от души не отступлюсь,
Так и знай!
Вот и мать не могла души своей отдать.

Такое слыша, пришел Азраил взять Домрулову душу.
А Дели Домрул снова орет:

— Пощади, Азраил! Избавь от бед! В единстве божьем
сомнений нет!

Отвечает ему Азраил:

— Как, безумный глупец? Какой же пощады тебе от
меня надо? У отца белобородого был, души не добыл,
у седокудрой матери был, души не добыл. Так кто же тебе
ее даст?

Отвечает Домрул:

— Есть у меня забота, повидаться хочу.

Азраил ему:

— Это что еще за забота, безумный глупец?

Отвечает:

— Есть у меня дочь чужанина, жена моя, законом положенная. От нее у меня есть двое мальчиков. И есть у меня завещание! Хочу передать его. А после того, послушай, вот тебе обещание: ты возьмешь мою душу!

И пошел Домрул, и к жене пришел.

Говорит:

Ты не знаешь, какая беда? Сказать?

Азраил алокрылый с небес налетел.

На белую грудь насел, стал душить и жать!

Душу сладостную мою он хотел отнять.

У отца я просил: дай! — не дал души.

У матери: дай! — не дала души.

Жизнь сладка и душа сладка, — говорит.

И отныне:

В мои горы высокие, на склоны зеленые

Тебе на летовки ходить!

Мои реки ключевые, студёные

Тебе пить!

Златоверхие шатры мои парчовые

Тебе — тень стелить!

Вереницы верблюдов ровные

Тебе — поклажу носить!

Табуны коней моих быстрых и самых лучших

Тебе для выездов пышных!

И отары белых моих баранов тучных —

Да пойдут они тебе в пищу!

Кто приглянется,

Кто полюбится,

За того выходи!

Не оставь детей моих сиротами, выходи!

Тут жена его заговорила, а посмотрим, хан мой, что она говорила:

Ты ли это, царь-джигит, богатырь-джигит?

Лишь глаза раскрыла — приглянувшийся!

Ты, всем сердцем мне полюбившийся!

Ты ли это, мой царь — джигит, богатырь — джигит?

В уста сладкие взасос целовавшийся!

На одной подушке миловавшийся!

Твои горы высокие, склоны зеленые,

А после тебя на что мне они?

Коль пойду, возьму твои пастбища,
Пусть они превратятся в мое кладбище!
Студеной водицы захочу напиться,
Пусть она в кровь мою превратится!
Тратить злато-серебро стану,
Пусть пойдут они мне на саван!
В табунах, на коней быстроногих твоих стану садиться,
Пусть они обратятся в мою гробницу!
Стану после тебя с другим любиться,
Лягу с ним, как с тобой лежали,
Пусть в гадюку он превратится и меня ужалит!
Что в одной душе твоих негодных отца-матери
Могло оказаться?
Что не могли они для тебя от нее отказаться?
Божья сень свидетелем будет!
Божий престол свидетелем будет!
Землю зову — свидетелем будет!
Небо зову — свидетелем будет!
Бог всемогущий свидетелем высшим да будет!
Жертвой за душу твою душа моя грешная будет!

И вот за душой этой женщины Азраил явился.
Человек-дракон от супруги не отступил. И так всевышнему богу взмолился, а посмотрим, хан мой, как он молился.
Вот так:

Выше высшей высоты,
Никому не ведом ты,
Ты пресветлый, вездесущий!
Много глупых проживут,
В небесах тебя проищут
На земле тебя прождут.
В сердце верующих ты.
Бог, властитель вечно сущий!
На великих путях
Буду чертоги ради тебя возводить,
Чтобы голого встретив, ради тебя нарядить.
Чтобы встретив голодного, ради тебя накормить.
Хочешь души брать, забирай двоих!
А не хочешь брать, так оставь нам их,
Боже многомилостивый,
Боже всемогущий!

Тут всеправному богу Домрулово слово совсем по душе пришлось.

И с небес Азраилу его повеление донеслось:
— Души отца и матери Дели-Дорула забрать, а супругам верным я сто сорок лет жизни повелеваю дать!
И тогда Азраил мать и отца Домрула души лишил.
Дели-Домрул с супругой своей год в год все сто сорок лет душа в душу жил.

Пришел отец наш Коркут, песню спел, сказ сказал, слово молвил, так говорил:

— Пусть эта песнь будет песнь о Домруле! После меня дерзновенным певцам ее петь, повторять! Мужам отважным с открытым челом этой песне внимать!

Благословлю тебя, хан! Да не рассыпаться в прах твоим неприступным горам, да не ударит топор по могучим тенистым твоим деревьям, да не засохнуть твоим, вечно несущим светлые воды ручьям, да не заставит всевышний тебя поклониться врагам!

Наша молитва, из слов из пяти сотворенная ради прекрасного белого лба твоего, да услышится! В единое слово да соединится! Да святится она! Да крепится! И во имя светлого имени Мухаммеда каждый твой грех да простится! Хей, хан мой!

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

О СЫНЕ
КАНЛЫ-КОДЖА
О КАН-ТУРАЛЫ
ПОВЕДАЕТ

Хей, хан мой!

Во времена Огузов разумные мужи жили. Жил в те времена и тот, кого Канлы-Коджа называли. Был у него сын, зрелый годами, славный делами, по имени Кан-Туралы.

Канлы-Коджа говорил:

— Други мои, когда отец мой умер, я остался, мне и дом и престол достался. Не сегодня завтра мне умирать, сыну все оставлять. Не худо бы было, пока глаза мои глядят, сын мой, тебя женить.

Сын говорит:

— Отец, если велишь мне жениться, то узнай, какова должна быть по мне девица!

Так Кан-Туралы говорит:

— А такая, отец, чтоб пока я с постели не встал, а она уже встала, чтоб пока я коня вороного еще не седлал, а она уже поскакала, и пока я ногою на землю врага еще не ступал, а она уже там побывала, мне их головы приносила!

Канлы-Коджа говорит:

— Да ты, мой сын, не девицу желаешь, а о каком-то молодце-богатыре мечтаешь, чтоб за спиной его есть и пить, жизнь легко проводить.

Кан-Туралы говорит:

— Да отец мой родной! Я такую хотел бы! Не то ты пойдешь, мне какую-нибудь пигалицу-сестрицу, туркменскую девицу в жены возьмешь, а я соглашусь, с нею сойду, на нее навалюсь, а чрево ее разорвется! Такая девица мне не годится.

Канлы-Коджа говорит:

— Сын, твое дело девицу высматривать, выбирать, мое дело — из добра, из имущества дать.

Так сказавши, мужей поражавший Кан-Туралы с места встал, сорок джигитов с собою взял. Ближних Огузов края обошел, по себе девицу не нашел, повернулся назад, воротился домой.

Отец говорит:

— Сын, выбрал девицу?

Кан-Туралы говорит:

— Чтоб огузскому племени сокрушиться, не нашлось мне у нас подходящей девицы.

Отец говорит:

— Эх, сынок! Кто девицу искать отправляется, не так отправляется.

Кан-Туралы спрашивает:

— А как отправляется?

Старик отвечает:

— Сын мой, вышедши утром — в полдень не возвращаются, вышедши в полдень — в сумерки не возвращаются. Займись-ка ты, сын, скотом и добром, копи, собирай, чтобы полным был дом, а я пойду, сам девицу тебе найду.

С сердцем веселым Канлы-Коджа собрался, встал. Белобородых мудрейших старейшин с собою взял. Земли Ближних огузов обошел, девицы не нашел, в землях Дальних огузов побывал, девицы не отыскал, дальше пошел — в Трапезунд пришел. А между тем у тагавура Трапезунда дочь была — писаная красавица. Из двойного лука стреляла, вправо-влево стрелы метала. Ею пущенная стрела никогда на земле не лежала.

Выкупом за эту девицу шкуры трех зверей тагавур назначил.

— Кто этих трех зверей победит, одолеет, убьет, тот мою дочь в жены возьмет, — так говорил он и клятву давал. Кто не одолеет — тому голову отрубал. Так и было на самом деле, уже тридцать две головы сыновей гяурских беков на зубцах крепостной стены висели.

Те три зверя были: лев — царь зверей, бык черный и верблюд черный, матерый. И каждый из них был чудовище. Тридцать две головы на зубцах крепостных висевшие, а вчера на плечах сидевшие, ни верблюда матерого, ни льва — царя зверей и в глаза не видали, все они от рогов быка черного пали. Канлы-Коджа, как эти головы и этих зверей увидал, духом упал. Вошь, какая на голове была, у ног полегла.

Говорит:

— Пойду, всю правду сыну поведаю. Достанет доблести,

пусть придет, девицу возьмет, а нет — пусть довольствуется той, какую дома найдет!

Конь на скаку споткнется, певец поет, не запнется. Шел-шел Канлы-Коджа, наконец, к огузам пришел. Кан-Туралы об этом известие послали.

— Отец вернулся, — сказали.

С сорока джигитами отца он встречал, руку его целовал, вопрошал:

— Государь мой, отец! Нашел ли девицу по мне, наконец?

Говорит:

— Нашел, сынок! Хватит ли доблести у тебя... — и замолк.

Кан-Туралы спрашивает:

— Злата-серебра хочет она? Или товаров? Мулов ли хочет, верблюдов ли одnogорбых?

Отец его говорит:

— Сын мой, доблесть надобна, доблесть!

Кан-Туралы говорит:

— Хочешь, отец, я коня вороного богатырского, вмиг оседлав, поскачу? Земли кровавых гяуров набегом возьму, потопчу! Головы буду рубить, буду их кровь проливать, кровью заставлю их харкать, рабов и рабынь захвачу! Выказать доблесть готов я и выкажу, лишь захочу!

Канлы-Коджа говорит:

— Эх, сынок дорогой! Говорил я о доблести, да не о той. Три чудовищных зверя ради девицы содержат и стерегут. Кто всех трех победит, одолеет, убьет, — за того ее отдадут. А тому, кто с ними не сладит, голову отрубают и на башне вывешивают, других устрашают.

Кан-Туралы говорит:

— Отец, мне не стоило слушать эти речи твои, а тебе говорить, уж теперь, непременно пойду, раз сказал, так по-моему быть. Чтоб от обиды лицо не горело, чтоб от насмешек башка не болела. Мать-государыня, отец-государь, прощайте! Лихом не поминайте! — говорит.

Канлы-Коджа подумал:

— И зачем я ему сказал? Сам себя наказал! Страшные вещи ему поведаю, может, рассказом его устрошу, может, одумается, может вернется?

И стал Канлы-Коджа говорить, а послушай, хан мой, что говорить:

В том краю, куда, сын мой, ты хочешь пойти —

Непроезжи дороги, извилисты.

Вязнет конный в трясине, ему не пройти —

Непролазны болота, глинисты.

И такие дремучие там леса,
Что и пестрой змее не выползти.

Упираются башнями в небеса

И воротами — в пропасть их крепости.

Может глазить, может лишить ума,

Может жизнь отнять их красавица.

Там, не охнув, вмиг, лишь мигнет она,

Палачом голова отсекается.

На плечах у каждого скачет щит,

Каждый воин, каждый сражается...

В места гиблые хочешь пойти — пропасть, не ходи, вернись!

Ты седого отца, седокудрую мать не заставь рыдать,
откажись!

Разгневался Кан-Туралы, говорит:

Ты о чем, о чем, отец, говоришь? Ты о чем мне толкуешь,
знаешь?

Разве этим джигита ты устрашишь? И джигит ли — кого
напугаешь?

Нагоняешь страху — так это вздор! А пугать джигита уже
позор!

Непроезжие дороги, извилистые

С божьей помощью я пройду пешком.

Непролазны болота глинистые

Застелю кошмой, завалю песком.

Их леса, где змее не выползти,

Я, огниво взяв, все спалю огнем.

Крепость, что в небеса упирается,

Я возьму и разрушу любую,

Отнимавшую души красавицу

В шею белую поцелую.

А тому, у кого на плечах скачет щит,

Кто их воин и кто сражается,

Бог свидетель, голову с плеч срублю я!

А пойду ли я, не пойду ли я,

И приду ли я, не приду ли я,

Или буду разорван клыками льва — царя зверей!

Или буду раздавлен боками верблюда матерого,

Иль повисну пронзенный рогами быка того черного,

И пойду ли я, не пойду ли я,

И приду ли я, не приду ли я,

До свидания, государь-отец, государыня-матушка, счастливо вам оставаться!

Видят отец и мать, что сын своей чести не станет ронять,
и сказали:

— Сын, счастливо отправляйся, жив-здоров возвращайся!

Он руку отца и матери поцеловал. Сорок джигитов с собою взял. Семь дней, семь ночей они шли, к границам гяурской земли подошли. Шатер поставили. Кан-Туралы на быстром коне проезживал, свою палицу в небо подбрасывал, на лету ее ловко подхватывал. И при это приговаривал:

Гей, сорок товарищей! Сорок друзей!
Готов потягаться, но с тем, кто быстрее,
Готов побороться, но с тем, кто сильнее!
И если всевышний мне помощь подаст,
И если удастся убить трех зверей...
И если возьму ту, какую желал,
Ту, в желтом наряде царевну Сельджан,
И в отчий свой дом ворочусь, то тогда,
Да будет вам жертвой моя голова!
Гей, сорок товарищей, сорок друзей,
Но всем сорока быть поддержкой моей!

А покуда они так говорили, хан мой, тагавура уже известили:

— Джигит из огузов, что Кан-Туралы прозывается, идет к твоей дочери свататься.

Гяуры на семь агачей¹ вперед выехали, спрашивают:

— Зачем пожаловал к нам, джигит?

— Торговаты! Ваш товар, наш купец! — говорит.

С почетом его приняли. Белый шатер подняли. Пестрый ковер расстелили. Белого барана зарезали. Накормили. Красным вином семилетним его напоили. А потом к тагавуру его проводили.

Тагавур на престоле своем восседал. Отряд в сто гяуров его окружал. В семь рядов вокруг ристалища люди стояли. Ожидали.

На краю поля боя, на высоком помосте девичья башня стояла. Дочь тагавура с высоты ее зрелища все наблюдала. Девы, что были при ней, были в красном, сама же она желтое платье всегда надевала.

Кан-Туралы появился, тагавуру, в черную шапку одетому, поклонился. Тагавур на приветствие Кан-Туралы с почтеньем ответил. Пестрые ковры расстелили. Гостей усадили.

Тагавур говорит:

— Ты зачем пожаловал к нам, джигит?

Кан-Туралы поднимается, с места встает, тяжело идет, переваливается, лицо белое открывает, руки белые по локоть обнажает и так отвечает:

Твою пеструю гору я пришел покорить.
Твою быструю реку я пришел переплыть.
Я к твоей доброте и твоей широте прибегаю,
И как бог повелел, как пророк нас учил, заклинаю —
Я пришел за себя твою дочь попросить.

Тагавур говорит:

— Этот джигит скор на словах, посмотрим, так ли он скор и в делах?

И приказал:

— Разденьте его догола, оставьте, в чем мать родила!

Раздели его. Кан-Туралы не смутился, обернул свое тело льняным полотном, золотистым и тонким. И в виде таком на ристалище появился.

Нет достоинств, какими бы не был он наделен: и собою хорош, и силен, и умен. Только четыре огузских джигита на лице покрывало носили, как он: один — сам Кан-Туралы, а трое других были — Кара-Чукур, его сын Кырк-Конук и всадник на сером коне, известный всем бек Бейрек.

Кан-Туралы поднял с лица покрывало. А девица из башни смотрела, и как его увидала, гребнем чесанную голову-то и потеряла! Плоть ее запищала, изо рта, как у телки больной, слюна побежала, и девицам, которые были при ней, она так и сказала:

— Боже всевышний, вложи милосердие в сердце отца моего! Пусть он брачный скрепит договор и отдаст меня за этого джигита. Ой, как жаль будет, если такого джигита, как этот, чудовища наши погубят!

В это время быка на железной цепи привели. Бык пригнулся, рогами в кусок мрамора ткнулся и так его истолок, что вышел из мрамора сыр и творог!

Гяуры говорят:

— Ну теперь-то держись, джигит! Теперь и тебя бык с ног собьет и рогами пронзит, растопчет, протащит и в пыль разотрет! Чтоб огузскому племени сокрушиться, если сорок джигитов с беком своим готовы погибнуть из-за девицы!

Слыша это, сорок джигитов заплакали.

Поглядел Кан-Туралы направо — видит сорок джигитов плачут, как дети малые, посмотрел налево — видит то же самое.

Говорит:

— Хей, сорок товарищей! Сорок друзей! Утрите слезу, не плачьте! Принесите комуз мой, меня прославьте!

И тут сорок джигитов Кан-Туралы стали славить, а послушай, хан мой, как славить:

Кан-Туралы, государь мой, султан мой!
Иль никогда, поднявшись, не вставал ты?
Иль богатырских коней не седлал ты?
В пестрых горах никогда не скакал ты?
Иль не охотился? Птиц не пускал ты?
В белых шатрах на подворье отцовском
Служек, доивших коров, не видал ты?
Слова «бычок» никогда не слыхал ты?
Если бычка и быком называют,
Что, он уже не теленок коровий?
Иль раньше смерти джигит умирает?!
В желтом наряде царевна Сельджан из башни глядит.
Тот, на кого поглядит она, в пламени страсти сгорит.
Во имя любви и ради девицы в желтом наряде
У-у! Кан-Туралы, крепись!

Говорит Кан-Туралы:

— Эй, где ваш бык? Выпускайте его на меня!

Цепи с быка сняли, волю быку дали. А тот, как рога свои
выставит вперед, а рога у него — мы таких не видали, как
алмазные копы сверкали. На Кан-Туралы идет.

Кан-Туралы хвалу Мухаммеду, чье имя бессмертно, про-
пел и так быка кулачищем по лбу огрел, что бык на зад
так и осел. Кулаком в бычий лоб упираясь, Кан-Туралы
встал, а потом в середину ристалища быка и погнал.

Долго бились, ни бык, ни Кан-Туралы не уступал. Поне-
многоу бык стал сдавать. Пену из пасти ронять. Кан-Туралы
говорит:

— Этот мир на разумных держался и будет держаться!
Чем стоять перед ним, упираться, не лучше ли мне отско-
чить и с тыла зайти?

Снова он Мухаммеда, чье имя бессмертно, восславил,
отскочил от быка. Бык, опоры лишившись, рогами в землю
ударил. Кан-Туралы за хвост быка ухватил, на руку накру-
тил, трижды поднял, трижды вверх прокрутил, трижды на-
земь с размаху бросил! Кости быку раздробил. Ногой на
него наступил, заколол, вынул нож, кожу принес, бросил к
ногам тагавура и сказал:

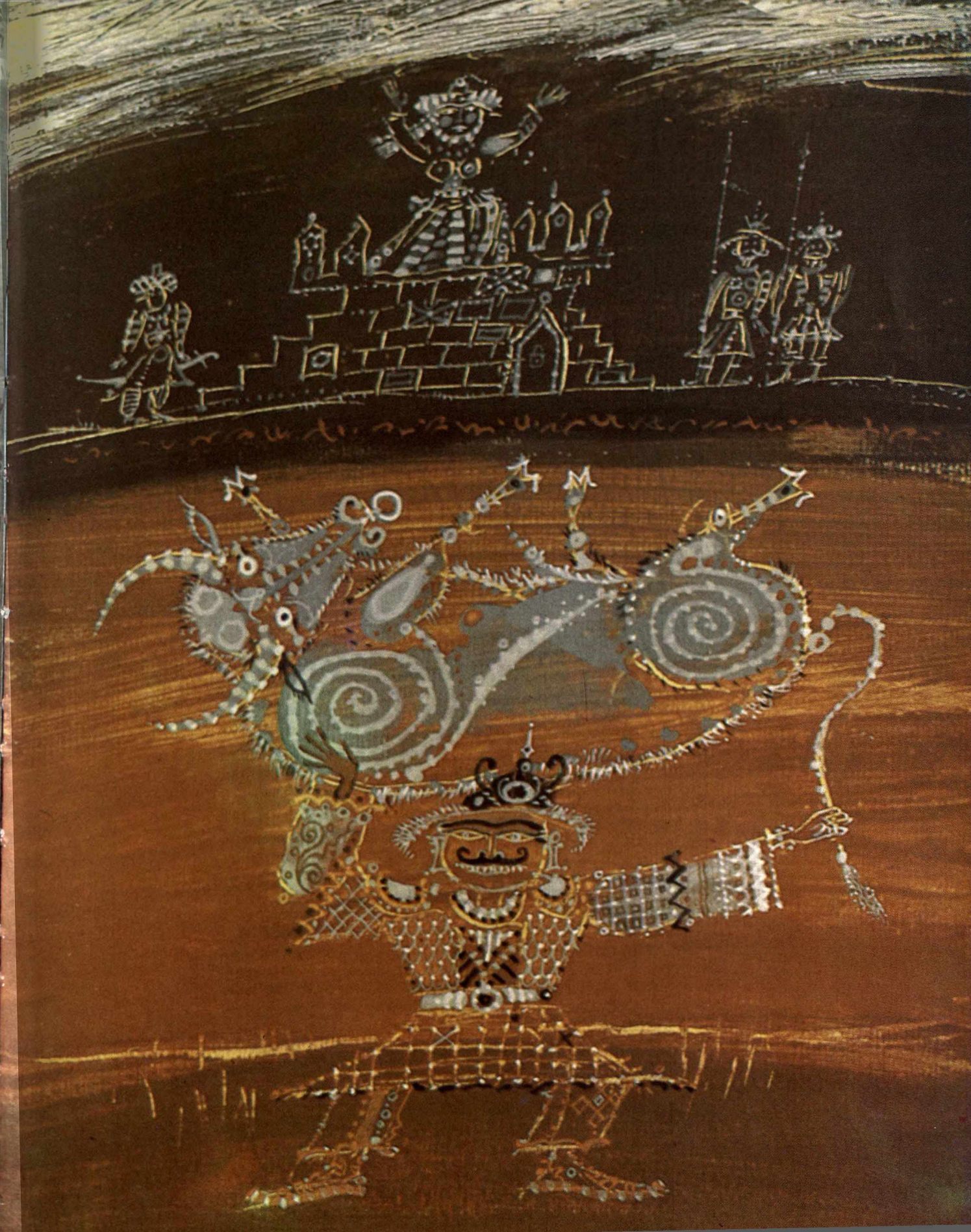
— Завтра утром ты дочь мне свою отдашь!

Тагавур говорит:

— Надо девицу ему отдать, да из города прочь прогнать,
чтобы больше его нам здесь не видеть!

У тагавура племянник был. Так вот, этот племянник ему
так говорил:

— Лев — царь зверей! Пусть покажет, как справится
со львом, а девицу ему отдадим и потом.

Пошли, царя зверей, льва того привели. На ристалище вывели и удалились. Рывкнул лев, и все кони, какие там были, кровью своей помочились. И сказали джигиты:

— Он быка одолел, но как ему льва одолеть?

И заплакали горько джигиты, сердца их смутились. Видит Кан-Туралы, что плачут его джигиты и говорит:

— Эй, не плачьте! Комуз мой принесите! И снова меня прославьте. И если я деву в желтом наряде люблю, ужель перед львом отступлю?

И стали товарищи его славить, а послушай, хан мой, как славить:

Кан-Туралы наш! Султан наш!

В белизне камышей сидящего, желтизной своей шкуры
слепающего,

На жеребчиков нападавшего, жилу главную перегры-
завшего, кровь горячую выпивавшего,

Никакому мечу разящему, хоть булатному, хоть
блестящему,

но ни разу не уступавшего,

От любого лука разящего, хоть из бука из настоящего,
а ни разу не убегавшего,

На любую стрелу летящую, опереньем белым сверкавшую,
и внимания не обращавшего,

Льва могучего, льва — царя зверей — победившему и
поправшему,

Как же дать себя укусить щенку пса, название льва
носящего?

Или видели вы джигита раньше смерти своей умиравшего?

И еще говорили:

В желтом наряде царевна Сельджан из окошка глядит.

А тот, на кого поглядит она, в пламени страсти сгорит.

Во имя любви и ради девицы в желтом наряде,
У-у! Кан-Туралы, крепись!

Кан-Туралы закричал:

— Слушай, гяур! Выпускай льва своего на меня! Не при мне теперь острый булатный мой меч, чтобы чудовище это напополам рассечь! Не на меч, на тебя, всемогущий Аллах, полагаюсь, к твоему милосердию я обращаюсь!

Стали льва спускать, стал он нападать. Кан-Туралы руку по локоть буркой своей обмотал и под лапу подъятую льву подставил. Мухаммеда, чье имя бессмертно, восславил, пригляделся, ударить куда, и ударил, так ударил, что челюсти льву раздробил, а схвативши за гриву, пасть ему разор-

вал, хребет поломал. Поднял вверх, оземь бросил и целой кости не оставил!

Подошел к тагавуру и сказал:

— Завтра в полдень ты дочь мне свою отдашь!

Тагавур говорит:

— Приведите девицу, отдайте! Этот джигит очам моим приглянулся, сердцу моему полюбился. Захочет, пусть останется, не захочет — пусть уйдет, откуда явился.

И снова племянник его говорит:

— Владыка зверей — верблюд. Посмотрим, как он с верблюдом справится, поглядим, а потом и девицу ему отдадим. Или была на то божья милость, или воины-беки за него помолились, но с Кан-Туралы вот что случилось.

Тагавур велел:

— Пасть верблюду в семи местах перевязать.

Но гяуры-завистники не стали приказ его исполнять, пасть верблюду не перевязали, недоуздок не надевали, так без него и спускали.

А Кан-Туралы как метнется стрелой под верблюда, как выскочит стрелой.

Охмелел от борьбы с двумя зверями джигит, ослабел. Уже шесть палачей за спиной его встали, наготове мечи обнаженные грозно держали.

Увидали товарищи Кан-Туралы это все и сказали, а послушай, хан мой, вот что сказали:

С места поднявшийся Кан-Туралы не помедливши встал, Быстрых коней богатырских не помедливши оседлал, И светлооких джигитов с собой не помедливши взял. Пестрые горы, крутые их склоны спеша покорил, Быстротекущие горные реки спеша переплыл.

В земли кровавых гяуров спеша-торопясь приходил.

Быстро разделал быка того черного, в клочья порвал, Льву, царю зверей, быстро хребет поломал.

Что же при виде верблюда матерого медлить ты стал?

Вот перейдет чрез высокие горы молва,

Переплывет чрез широкие реки молва,

Скоро дойдет до Великих Огузов молва,

Будут в молве говорить такие слова:

— Знаете, что приключилось с Кан-Туралы, сыном Канлы-Коджа?

Кан-Туралы-то быка того черного в клочья порвал,

Льву — царю зверей разъяренному Кан-Туралы-то хребет
поломал.

А почему-то при виде верблюда матерого медлить он
стал?

Старые, малые-все это будут твердить.
Будут великие, будут ничтожные, все говорить.
Все старики и старухи злословить начнут и хулить.
Рухнет отец твой седой, пораженный молвой,
Мать зарыдает седая, залется кровавой слезой.
Если не встанешь, мой хан, иль отступишь назад —
Шесть палачей за спиной наготове стоят.
Даже не охнув, снесут тебе голову с плеч.
Может быть, хан мой захочет и снизу наверх поглядит?
Как же не выпустить сокола, видя, что лебедь летит?
В желтом наряде царевна Сельджан тебе знак подает,
или ты не видал?
Все говорят, что матерый верблюд тебя носом убьет,
или ты не слышал?
В желтом наряде царевна Сельджан из башни глядит.
Тот, на кого поглядит она, в пламени страсти сгорит.
Во имя любви и ради девицы в желтом наряде,
У-у! Кан-Туралы крепишь!

Слыша это, Кан-Туралы мигом вскочил и так говорил:
— Эй! Если в нос верблюду вцепиться, скажут вцепился
по слову девицы. Быстро молва разлетится, до Огузов до-
дет, мол, верблюда когда одолел он, то это девицыно дело.
Эй! На комузе играйте, меня прославляйте! Чтобы я, кто на
создателя полагался, верблюда какого-то испугался! Не от-
ступлю, с божьей помощью голову ему отрублю!
Джигиты, Кан-Туралы прославляя, так говорили, а по-
слушай, хан мой, как говорили:

На вершинах скал высоких ты, свое гнездовье вьющий,
Ты, парящий в поднебесье рядом с богом всемогущим,
Пущенным из катапульты тяжким камнем упадаешь,
И воды не замутивши, утку с озера хватаешь.
Ты о каменные скалы свою жертву разбиваешь.
Из гнезда, проголодавшись, на охоту вылетаешь,
Ты, орел, ты, величавый, птицами повелеваешь,
И своим крылом широким ты полнеба закрываешь.
Гордый, чалый, ты полмира озираешь зорким оком,
Задевать себя крылами ты позволишь ли сорокам?
Если ты джигит, зачем же умираешь раньше срока?

И еще говорят:
В желтом наряде царевна Сельджан из башни глядит.
Тот, на кого поглядит она, в пламени страсти сгорит.
Во имя любви и ради девицы в желтом наряде,
У-у! Кан-Туралы, крепишь!

Кан-Туралы Мухаммеда, чье имя бессмертно, восславил
и так по ногам верблюда своими ногами ударил, что верблюд
взревел, ударил еще разок, верблюд повалился с ног.
Верблюда свалил, на него наступил, в двух местах горло
ему перерезал и кровь пустил. Вырезал из спины его два
ремня, к тагавуру подошел, швырнул ремни и говорит:

— Может, сгодятся твоим лучникам на ремни к колчанам
или всадникам на ремни к стременам?

Тагавур говорит:

— Ей-богу! Этот джигит мне приглянулся и полюбился.
Раскинули сорок шатров. Расстелили сорок ковров. Зла-
топестрый шатер возвели. Девицу Кан-Туралы привели.
В шатер обонх ввели. Пришел певец, сел, сладострастную
песню запел. Огузский жених вскочил, свадебный шатер ра-
зорил, меч булатный свой обнажил, землю мечом рассек и
такое слово изрек:

— Да буду, как эта земля, я сам рассечен! Да буду, как
эта земля, я в прах обращен! Да поразит меня собственный
меч! Да пронзит меня собственная стрела! Да не родится
сын у меня! А родится — да не доживет он до десятого дня,
если я, не увидев лица матери и отца, войду в этот шатер! —
так он сказал.

Стал с места сниматься, шатер разбирать. Кони, верблю-
ды режут, а стало смеркаться, стал в путь собираться.
Откочевал. Семь дней, семь ночей шел, до границы огузов
дошел. Стал на привал. И так он сказал:

Гей, сорок товарищей, сорок друзей!

Клянусь удалой головою своей,

Всевышний услышал и мне пособил,

Я тех трех зверей, трех чудовищ убил.

И взял я девицу, какую желал,

Взял в желтом наряде царевну Сельджан.

Ступайте, подайте отцу эту весть,

Чтоб встретил меня, оказал сыну честь.

Кан-Туралы посмотрел, видит: место, где он стал на
привал, просто рай. Гуси-лебеди, журавли, турачи, куро-
патки так и взлетают. С родниковой водой, ледяной-ледяной, ру-
чейки протекают. Тут и рощи растут, и луга тут цветут, и в
цветении благоухают.

И царевне Сельджан приглянулось это местечко, пона-
вилось. Они спешились, попили, поели и беседой веселой по-
забавились.

В те времена, когда огузы жилали, джигиты беды не
знали, а если беда приходила, то это от сна все было.
Как кто заснет, так беда и придет. Сон одолел Кан-Туралы.
Вот и уснул Кан-Туралы. А пока он спит, девица и говорит:

— Влюбленных в меня так много! Им набег устроить недолго. Как бы джигита моего не схватили, как бы милого моего не убили! Да меня, невесту его белолицую, отцу-матери назад не воротили!

И, взявши коня Кан-Туралы, она коня оседлала, и, взявши доспехи Кан-Туралы, их на себя надевала. Взяв копьё его, снаряжалась, на высокую гору она поднималась. С высоты горы озиравлась.

А тем временем, хан мой, тагавур каяться стал:

— Я за трех, за зверей им убитых, дочь единственную отдал! А он взял и ушел, и пропал, — так он сказал.

Пошел, шестьсот гяуров в синей броне, в черной сутане отобрал, вдогонку послал. День и ночь они шли, наконец, дошли. А девица на страже, она тут как тут. Смотрит, видит, подходят уже и вот-вот нападут. Ждать не стала, коня повернув, к Кан-Туралы поскакала и сказала ему, а посмотрим, хан мой, что сказала:

Ой, беспечен не будь, поднимись, герой!
Свои черно-раскосые очи скорей раскрой!
Пока белые руки твои за спиной не скрутили,
Пока белым лицом вниз на землю тебя не свалили,
Пока голову гордую, охнуть не дав, не срубили,
Пока на землю черную алую кровь не пролили.
Уже близко враг! Рядом вражья рать!
Поднимись, проснись! Как ты можешь спать?
Не трясло, а землетрясение.
Корни целы, а запустение,
То не оползень с гор спускается,
Строем враг на тебя направляется.
Здесь не дом родной, вот нашел, где спать!
Не твоя постель, чтобы лечь — лежать!
Что с тобой, проснись! Иль начать кричать?

Кан-Туралы очнулся, а очнувшись, встрепенулся, живо поднялся и ей отозвался:

— Что ты сказала, красавица?

А она говорит:

— Джигит! Враг недалеко. Напасть грозит. Мое дело тебя добудиться, а твое дело в сражении биться, доблесть свою показать, славы добиться!

Кан-Туралы глаза приоткрыл, поднял ресницы, видит невеста его на коне, и конь и сама в броне, с копьём в руке, не царевна, а царь-девица! Землю поцеловал и сказал:

— Всем по вере, всем по мере! То, о чем я просил, сбылось! То, о чем я молил, удалось! — так сказал и,

чистой водой совершив омовение, в два поклона, челом приложившись к земле, совершил богослужение. Сел на коня. Мухаммеда, чье имя бессмертно, восславил — и на гяуров в черных сутанах коня направил. Навстречу им поскакал.

Царь-девица Сельджан коня своего разгорячила, мимо Кан-Туралы чуть было не проскочила. Кан-Туралы кричит:

— Что это значит?! Куда красавица скачет?

А она отвечает:

— Бек-джигит! Голову не потерять — и шапку не замарать? Этих гяуров — тьма. Будем биться, сражаться. Кому умирать — тому умирать, кому в живых оставаться — тому в шатер возвращаться.

Тут Сельджан пустила коня и стала с врагом сражаться. Кто бежал, того она не настигала, кто пощады просил, щадила. Войско рассеялось, она и решила, что враг разбит, и назад повернула. Вернулась к шатру, глядит, Кан-Туралы нет. Стоит, его поджидает, с лезвия меча кровь оттирает.

А в это время отец и мать Кан-Туралы появились. Смотрят и видят, скажите на милость, стоит царь-девица, с лезвия меча кровь оттирает. А Кан-Туралы нигде не видать. И стали спрашивать, а посмотрим, хан мой, как они спрашивали:

Ты ли, бой-девица, ты ли, царь-девица,
На заре вставала, весь день воевала!
Уж не ты ли сына схватила-то?
Ему голову, не охнув, срубила-то?
Уж не ты ль нас без сына оставила?
«Мать-отец» причитать заставила?
Ты пришла, а вот сына нигде не видать.
Можешь слово — полслова или знак нам подать.
Где наш сын? Не молчи, говори!
Горемычные головы наши ты в жертву прими!

Девица поняла, что это ее свекровь и свекор. Плечью знак подала.

— Ступайте в шатер, — указала. — Там, где пыль клубится, где ворон кружится, там его будем искать! — сказала.

Коня прищипорила, поскакала. На высокое место она поднималась, с высоты кругом озиравлась. Видит, над ущельем одним пыль клубится, то оседет, то разлетится...

Прискакала туда, видит, конь под Кан-Туралы стрелой сражен, сам Кан-Туралы в глазное веко ранен. Лицо его кровью заливается, а он и не утирается. Не может остановиться, с гяурами продолжает биться. И сколько он ни сра-

жается, гяуров не убавляется. Он их и бьет, и ломит, а от себя никак не отгонит.

И как это Сельджан увидала, кровь ее огнем запылала. Словно сокол на стаю гусей, налетела, истребив их с конца одного, на другой полетела.

Видит Кан-Туралы, что за странное дело? Перед ним рать гяурова поредела. Кто-то гонит их прочь, и они отступают... А кто гонит, не видит. А что это Сельджан, и не думает, и не знает. Рассердился и стал говорить, а посмотрим, хан мой, как говорить:

Эй, поднявшись, встающий, джигит, дело знающий,

Кто таков, джигит?

Скакуна быстрого быстро седлающий,

Кто таков, джигит?

Эй, не охая, головы вражь срубающий!

Что в чужую битву вторгаешься?

Уходи, джигит!

Почему со мной не считаешься,

Погоди, джигит!

Ведь врага уступать — считается —

И позор и стыд!

Иль взлететь мне соколом-птицею?

Иль за горло твое схватиться мне?

Иль схватить мне тебя за бороду?

Иль, не охнув, срубить тебе голову?

Приторочить ее к седлышку?

Иль пролить твою алую кровушку?

Эй, чей пробил час, пробил смертный час!

Говори сейчас иль уйди сейчас!

Тут царевна Сельджан отвечала, а послушай, хан мой, как отвечала:

Эй! Джигит! Богатырь-джигит мой!

Вереницы верблюдов рудых

Верблюжонка разве кидают?

В табунах коней черногривых

Жеребеночка разве лягают?

А в отарах белых баранов

Ягненочка разве бодают?

Среди витязей и джигитов

Кто красавиц своих убивает?

Эй, джигит, богатырь-джигит мой,

Поделись со мной этой битвой.

Я с конца одного, ты с другого...
После битвы встретимся снова.

Понял Кан-Туралы, что одолевает и гонит врага царевна Сельджан, поскакал на гяуров, свой меч обнажа, ударил с другого конца, машет мечом, головы так и разит... Враг побежал, враг был разбит.

Тут Сельджан взяла Кан-Туралы, на круп своего коня посадила, с поля боя его вынесла. И пока они с поля боя скакали, неслись, Кан-Туралы пришла в голову мысль, а какая мысль, смотри, хан мой, дивись:

Вот, поднявшись, Сельджан, как встанешь ты,
Черногривого коня оседлаешь ты,
У шатров белых отчих окажешься...
Где огузские девы собираются,
Каждый в рассказах состязается,
Там ты встанешь, Сельджан, похвалишься,
Мол, слабинка с Кан-Туралы была,
Мол, на круп коня взяв меня, спасла.
Не мила ты мне! Не люблю тебя!
Я убью тебя!

Поняла Сельджан, догадалась, что с ее Кан-Туралы стало, и заговорила она, а послушай, хан мой, что она говорила:

Бек-джигит!
Похвальба — только мужу да льву подстать.
Похвалиться бабе — на себя клеветать.
Похваляясь, бабе мужем не стать!
Я под пестрым с тобой одеялом еще не свивалась.
И сладки ль в поцелуе уста твои, не познавалась,
И под алым покровом с тобой до утра не шепталась.
Быстро ты полюбил! Быстро ты разлюбил.
Сын гяура, гяур, отвечай!
Видит бог, как тебе верна я!
Не губи меня, не терзай!

А Кан-Туралы продолжает твердить:

— Нет, непременно мне надо тебя убить!

Девушка рассердилась, кричит:

— Ах негодный, сын негодяя! Чем я ниже стараюсь схватиться, тем он выше схватить стремится. Слушай же, негодяй, меч иль стрела, выбирай. Чего не решим препираться, решим состязаясь.

Коня пришпорила, осердясь, на высокий холм поднялась. Тут она девяносто стрел из колчана доставала, по земле рассыпала. С двух стрел наконечники снимала, одну припрятала, другую взяла. С наконечником железным стрелу она выпустить не захотела. И говорит:

— Пускай стрелу свою! Жду, джигит!

А Кан-Туралы говорит:

— Право девы — быть первой. Выстрели ты сначала.

И девушка с первой стрелы в Кан-Туралы попала. Вошь, какая на голове водилась, у ног его очутилась. Он подошел, стал с царевной Сельджан обниматься, стали мириться они, объясняться. И говорил Кан-Туралы, а посмотрим, хан мой, что говорил:

В платье из солнца, красавица, ты одеваешься.
Ходишь, плывешь, а ногами земли не касаешься.
Тесно в устах твоих двойне орешка миндального.
Щеки горят ярче яблока в осень румяного.
Капелькой крови так белые снега румянятся.
Косы вокруг щиколоток трижды кольцом обвиваются.
Черные брови как будто писцами очерчены.
Львица! Царица! Судя, не суди опрометчиво!
Никогда б тебя я не смог убить,
Лучше быть самому убитому.
Не хотел убить, не хотел губить,
Видит бог, я тебя испытывал.

И тут Сельджан-хатун ему отвечала, а послушай, хан мой, как отвечала:

Это я, поднявшись, встававшая,
Богатырских коней седлавшая,
Шатер белый отца оставлявшая,
По горам и долам скакавшая,
Дичь гонявшая, птиц стрелявшая,
И всегда в свою цель попадавшая,
Я убить тебя никак не могла!
Наконечник железный сама сняла.
А стрелю без наконечника
Видит бог, я тебя испытывала.

Тут они друг на друга кидались и, сойдясь, друг за друга хватались, обнимались они, целовались, они снюхивались² и ласкались. И сладки ли уста, познавались.

На коней светло-серых садились. К отцу-беку вдвоем воротились. Как увидел сына отец, бога возблагодарил, наконец.

Вместе с невесткой и сыном возвратился Канлы-Коджа в землю огузов. На прекрасном зеленом лугу шатры поднимали. Из верблюдов — самцов, из коней — жеребцов, из овец — баранов резать повелевали. Свадьбу справляли. Великих Огузов на пир приглашали.

Поднял свой золотой балдахин Кан-Туралы, в свадебный шатер вошел и достиг он желанной цели. Все исполнилось, как хотели.

Отец наш Коркут пришел, песнь радостную завел. Песню спел, слово молвил, сказ сказал, складно сложил, и о том, что пришлось испытать, славным воинам так говорил:

Где теперь вы, герои, прославленные и победившие?

Где они — «мой весь мир» говорившие?

Смерть забирает, земля сокрывает.

Кому бранный мир остается? Кто знает?

О мир, где приход и уход в свой черед!

О жизнь, где и жизни конец настает!

Чтоб и в смертный свой час ты от истинной веры не мог отступить! Чтоб всевышний не дал в трудный час никакому врагу поклониться! Пусть молитва, из слов из пяти сотворенная, будет услышана и да крепится! Пусть увидится лик божества тому, кем «аминь» говорится! И во имя нетленного имени Мухаммеда каждый твой грех да простится!

Хей, хан мой!

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

О СЫНЕ
КАЗЫЛЫК-КОДЖА
О ЕРЕНЕКЕ
ПОВЕДАЕТ

Хей, хан мой!

Сын Кам-Гана, хан Баяндур с места вставал. Черную землю шатрами высокими уставлял. Пестрый навес до небес поднимал. В тысяче мест шелковые ковры расстилал. Ближних огузов и Дальних огузов на пир, на беседу собирал.

Те времена не эти, жил человек на свете по имени Казылык-Коджа. Везирем Баяндур-хана был. Вместе с ним ел и пил. Крепкого вина напился, на крепкие колена поднялся, набег совершить напросился. Баяндур-хан милостив был, разрешил:

— Куда хочешь ступай! — сказал.

Казылык-Коджа был человек, и дела видавший, и в делах побывавший. Старых, бывалых бойцов набрал, доспехи, оружие собрал, кое-как снаряжился, в путь-дорогу пустился. Шли они, шли, горы-долы, холмы и леса прошли и однажды к крепости Дизмурд подошли, что на берегу Черного моря стояла. Станом стали как ни в чем не бывало.

А был в той крепости тагавур, что сыном Аршуна, тагавуром Диреком прозывался. И такой он был богатырь, что в рост, что в ширь, а ростом он был в шестьдесят аршин. Потрясал он палицей в шестьдесят пудов. Лук его натянуть — согнать шестьдесят потов.

Казылык-Коджа, не теряя времени, как подошел, начал сражение. И тут тагавур выходит из крепостных ворот, на поле боя идет, поединщика зовет.

Увидев его, Казылык-Коджа с места сорвался, на своем вороном скакуне, как ветер помчался, смолой к нему прилип, меч свой булатный занес, но и легкой раны гяуру не нанес.

Очередь гяура настала. Поднял он палицу свою шестидесятипудовую, обрушил Казылык-Коджа на голову. Тут ему белый свет с овчинку показался. Лживый мир, что просторным казался — тесен и мал оказался. Из рта и из носа его алая кровь побежала, дудкой звонкою кровь зажурчала. Казылык-Коджа схватили и в крепости той заточили.

Видя это, джигиты его испугались, кто куда разбежались. Просидел Казылык-Коджа в этой крепости ровно шестнадцать лет. Ждал спасения, а его все нет. Некто, по имени Эмен эту крепость брать приходил. Шесть раз ее приступом брал, а твердыни этой не взял.

А тем временем, хан мой, когда Казылык-Коджа в заточение попал, исполнился его сыну год. И достиг он пятнадцатилетия. Добрым джигитом стал, что отец его умер считал. А о том, что отец в заточении, был особый указ-запрещение. И все об этом молчали, от сына правду скрывали. Его сына Егенеком звали.

Вот однажды с утра-спозаранку вышла у Егенека с Будагом, сыном Кара-Гюне, ссора и перебранка. Задирались они, задирались. Разобрала их обоих злость. Тут у Будага с языка и сорвалось.

Говорит:

— Отболтал или еще поболтаешь? Ничего болтовней не докажешь! Докажи, что герой в сражении. Уж шестнадцать лет твой отец в заточении. Пойди, выручи лучше отца, герой!

Как услышал это Егек, в жилах кровь его так и вскипела, печень черная заболела.

Живо встал, пред очами Баяндур-хана предстал. До земли поклонился. Говорит:

На ранней заре, от дорог в стороне шатры беловерхие ставишь ты!

И вышивкой гладкой шатры и палатки атласный покров укрываешь ты!

Полями, степями коней табунами с рассвета до ночи гоняешь ты!

Глашатаев громких и зорких дозорных, проворных гонцов рассылаешь ты!

Обильным богатством так щедро, как маслом, иссохшую длань умащаешь ты!

Оплот и защита огузским джигитам, надеждой сирот согреваешь ты!

Столп Туркестана!

Выкормыш птицы Тулу-Орлицы!

Лев Амитский!

Тигр Карачугский!
Великий и славный хан!
Помощь подай!
Войско мне дай!
Прошу, повели!
Туда, где отец мой сидит в заточении, на крепость пошли!

Баяндур-хан повелевает:

— Двадцати четырем бекам с оружием явиться!

И пусть Железные Ворота Дербента охраняющий, на конце копья воина поднимающий, орать его заставляющий, в поле битвы, кто таков, врага не вопрошающий, сыном Кыян-Сельджука, Дели Дондаром себя называющий — первым с тобой пойдет!

А следом за ним — реку Айгыр-Гезлю на коне своем переплывавший, пятьдесят семь монастырей взявший, поле боя не покидавший, не отступавший, сын Ейлик-Коджа, Дулек-Эврен — пусть с тобой пойдет!

А следом за ним — из башни двойной вниз скользящий, при этом выпускать стрелу успевавший, сын Ягрынчи, Илалмыш пусть с тобой пойдет!

А следом за ним — воин блестящий, если врага только в три раза больше, в битву вступающий, от обиды кровавые слезы ронявший, сын Тогсуна, Рустам — пусть с тобой пойдет!

А следом за ним — из пасти дракона людей вынимающий, пощады не знающий, Дели Эврен — пусть с тобою пойдет!

А следом за ним — всех победивший, из конца в конец мир исходивший, Соган-Сары — пусть с тобой пойдет!

Всех беков огузов перечислять — конца не видать!

Двадцать четыре знаменитейших бека Баяндур-хан под знамя собрал и Егенеку в товарищи дал.

Беки вооружились, снарядились, в путь-дорогу пустились.

И снится той самой ночью Егенеку сон. И рассказал свой сон товарищам он. А послушай, хан мой, что рассказал.

Говорит:

— Вы послушайте меня, мои товарищи! Я такого сна не видал еще! Как склонилась во сне голова моя и как очи сном затуманились, так увидел я, словно этот мир. Вижу воинов на ристалищах, светло-серых коней погоняющих и броней и лицом блистающих. Взял я воинов в сопровождение. Принял старца Коркута благословение. Перевалил я горы высокие и пришел я к лежавшему предо мной морю Черному. Сделал лодку себе из дерева, из рубахи своей парус сделал я.

Переплыл я море, лежавшее предо мной. Там, на склоне горы, вижу: воин стоит изваянием, он стоит, с головы до пят — весь исходит ясным сиянием. Тут не мешкаю я, не теряюсь, за копьё тростниковое свое хватаюсь, к тому воину направляюсь. Поразить копьём собираюсь, сам стою и все не решаюсь, а гляжу на него краем глаза. И тут узнаю его сразу. Это ж дядюшка мой, Эмен. Это он и был. Подхожу к нему. Отдаю поклон. Кто ты? Из каких огузов? — спрашиваю, — а он... Поднимает веки, в лицо мне глядит:

— Сынок, Егенок, куда держишь путь? — говорит.

А я отвечаю:

— На крепость Дизмурд иду. Там мой отец в плену!

И стал мой дядя тут говорить, а послушай, хан мой, что говорить:

Семь скакунов меня уносили так, что ветер догнать не мог.

Семь джигитов за мной трусили, каждый был семихолм-ский волк.

Семерым было не по силам натянуть тетиву на лук.

Золотая стрела носила семицветный из перьев пук.

Вихрь поднялся и хлынул ливень, все разверзлось — и хлябь, и твердь!

И семь раз я ходил на крепость и не мог ее одолеть.

Если даже я отступился, ах, Егенок, отступись, сынок!

А Егенок, будто бы во сне, отвечает дяде:

Поднимался ты, собирался в бой,

А каких джигитов ты взял с собой? —

Чужаков, в боях непроверенных,

Взял за пять за монет серебряных,

Оттого-то и крепость эту не взял.

Так сказал Егенок, и еще сказал:

Если мясо и не испорчено, есть кусочками — хорошо!

Если жажда, то из источника пить глоточками — хорошо!

Если власть, то когда упрочена, если прочная — хорошо!

Не забывшее знанье прежнее разумение — хорошо!

Если мужество, то в сражении до забвения — хорошо!

Рассказал этот сон свой Егенок товарищам.

А тем временем дядя его Эмен недалеко был. К ним он присоединился. Вместе в путь пустился. Шли они, шли и наконец, до крепости Дизмурд дошли. Остановились, под крепостью расположились.

Чуть только гяуры их увидели, тагавуру Диреку, сыну Аршуна тотчас весть передали. И как только этот проклятый

тагавур про то услышал, ни минуты не подождал, вышел из крепостных ворот, напротив встает, поединщика биться зовет.

Сын Кыян-Сельджука, Дели Дондар вызвался идти. Зажал под мышкой свое в шестьдесят тутамов копьё, хотел гяура сразить, а не сразил. Гяур-тагавур удар отразил, копьё перехватил, вырвал его из рук и вдруг такой удар своей палицей в шестьдесят пудов Дондару нанес, что тот еле ноги унес. И мир, что просторным казался, тесным ему показался. Повернул коня Дели Дондар, назад усакал.

Мужей поражавший, ни перед кем не отступавший, Дулек-Эврэн палицей-шестопером махая, коня погоняя, ударил палицей сверху вниз — только держись! А врагу — хоть бы что! Удар отражает, палицу из рук вырывает, и той же палицей своей так ударяет, что и Дулека назад возвращает.

Хан мой! Двадцать четыре знаменитейших бека тагавур в бою победил.

И тогда сын Казылык-Коджа Егенок, еще не джигит, джигитенок, еще не муж, но уже не ребенок, положась на творца, стал хвалу воздавать божеству, совершенству, которому нет и не будет конца. Бога он восхвалял, а послушай, хан мой, как восхвалял:

О, превысивший все высоты,

Никому не узнать, каков ты!

О, всевышний Бог!

Ты от матери не родился,

От отца ты не появился,

Пропитания не добывал ты,

И последним не помыкал ты.

О Аллах, ты един и славен,

О Аллах, ты сам себе равен!¹

На Адама венец возлагал ты,

Сатану прокляв, низвергал ты,

И Адама за грех единый

Из чертогов своих изгнал ты!

Нимврод,² в небо стрелу пускавший,

Мнивший бога убить, не знавший,

Это рыбу с брюхом зиявшим

Под стрелу его подставлял ты!

Нету власти твоей предела,

В соразмерности — нет размера,

Существо — бесплотно, без тела,

Попиравших тебя, попираешь ты, вседержитель Бог!

Прогневивших тебя, сокрушаешь ты, сокрушитель Бог!

Кто сражен тобой, не поднимется, вездесущий Бог!

Вознесенный тобой — возвысится, всемогущий Бог!
И единство твое, о Боже, проповедуя, верю, славлю,
Вся надежда моя — на Бога!
На гяуров в черной одежде я, коня пришпорив, направляю,
Ты — успех мой в делах и подмога!

Так сказал и помчался он ветра быстрее летучего, прилепился к врагу крепче клейкой смолы или клея липучего и ударил мечом по плечу он гяура могучего. И броню, и кольчугу, и одежду его разрубил, на шесть пальцев свой меч в его тело с размаху вонзил. Зажурчала, запела его черная кровь, проливаясь потоком, от подмышек до ягодиц и от ягодиц до башмаков весь от крови промок он. Голове его черной, так низко склоненной, уже не подняться и не распрямиться. И пришлось ему в крепость бежать, назад воротиться.

Поскакал за ним следом Егенек. И, когда тот входил в крепостные ворота, настиг и ударом меча, Егенек бил сплеча, ему голову разом отсек. Голова отвалилась, словно шар, по земле покатилась.

Тут Егенек коня осадил и назад к своему войску поворотил.

Тут гяуры недолго судили-рядили, чтобы не было хуже, тотчас Казылык-Коджа освободили. А как Казылык-Коджа на волю выходил, все он спрашивал:

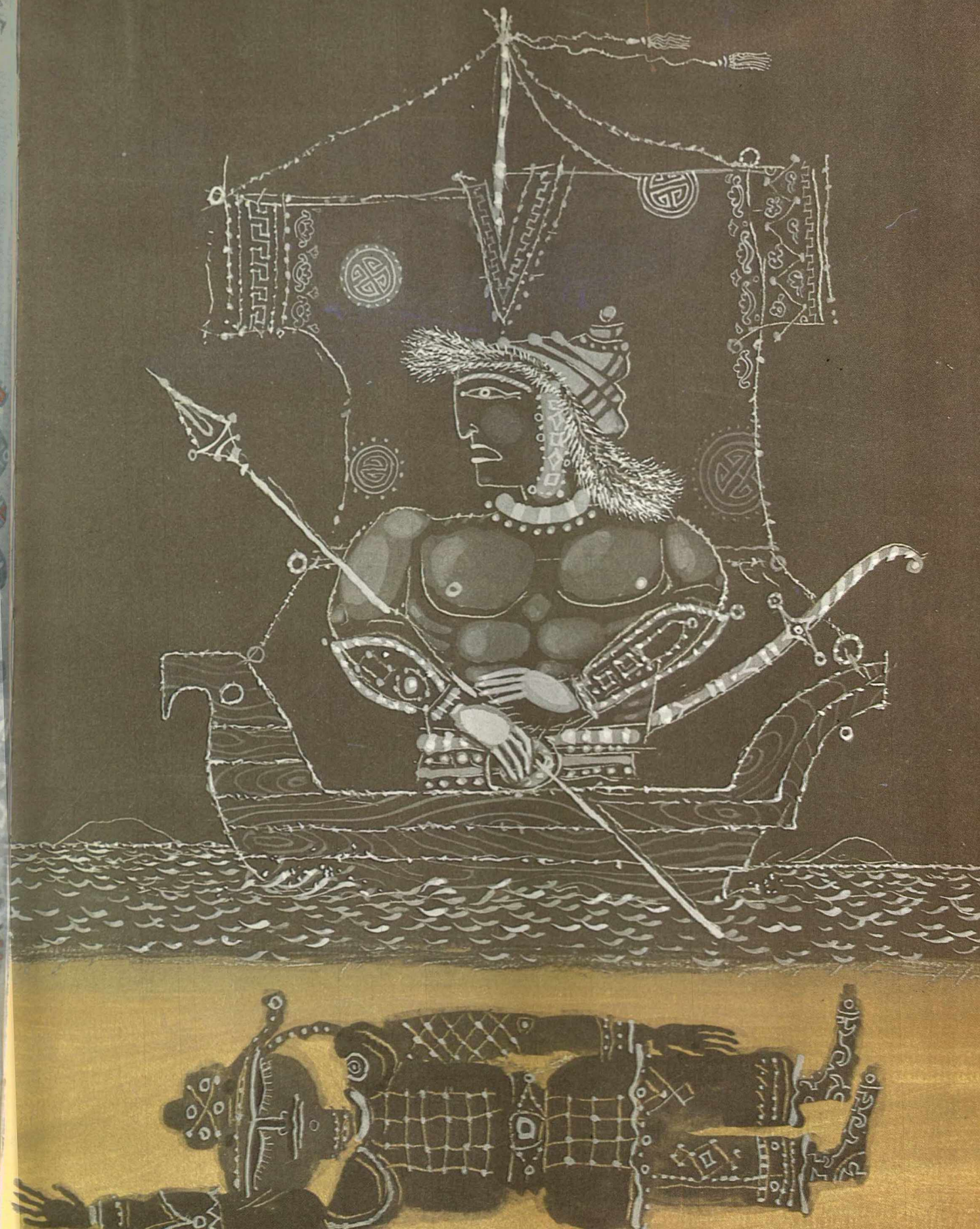
— Беки, скажите, кто гяура убил?

Так он спрашивал и говорил, а послушай-ка, хан мой, как говорил:

В вереницах моих верблюдица, уходил я, была брюхатая.
Кто ж родился — самец иль самочка, я могу ль узнать?
А в кошаре моей овца была, уходил я, была брюхатая.
Кто ж родился — баран иль ярочка, я могу ль узнать?
Светлоокая жена-красавица, уходил я, была брюхатая.
Кто ж родился — мальчик иль девочка, я могу ль узнать?
Эй, джигиты, беки, приятели, ради бога, ради создателя,
Кто ж родился-то, могу ль узнать?!

И тут ему Егенек отвечал, а послушай, хан мой, как отвечал:

В вереницах твоих верблюдица, уходил ты, была брюхатая,
У нее родился верблюд — самец!
Что в кошаре черной овца была, уходил ты, была брюхатая,
У нее родился баран — боец!
Светлоокая жена-красавица, уходил ты, была брюхатая,
У нее родился сын-молодец!

Так Егенок с отцом повстречались, и другие беки с ним потом увидались. А потом, не моргнувши глазом, навалились на крепость все разом, все разграбили, ничего не оставили.

Как сходились сын и отец, друг за друга хватались, щекой о щеку терлись они, снюхивались и обнимались. Две тоски воедино слясь, изливали. Словно волки в безлунную ночь, завывали. Благодарность творцу воздавали.

Где разрушили в крепости храм, там мечеть они возводили. И молитвой священной великого бога почтили.

Из покровов парчовых, из полотен кумачовых, из доспехов и панцирей золоченых, из красавиц-девиц, из золота-серебра, из другого добра — пятая часть Баяндур-хану пошла. Остальное — бойцам, воителям славным раздали, не поскупились. Повернули поводья, домой воротились.

Пришел отец наш Коркут, песню спел, сказ сказал, слово молвил, складно сложил. И послушай-ка, хан мой, что он говорил:

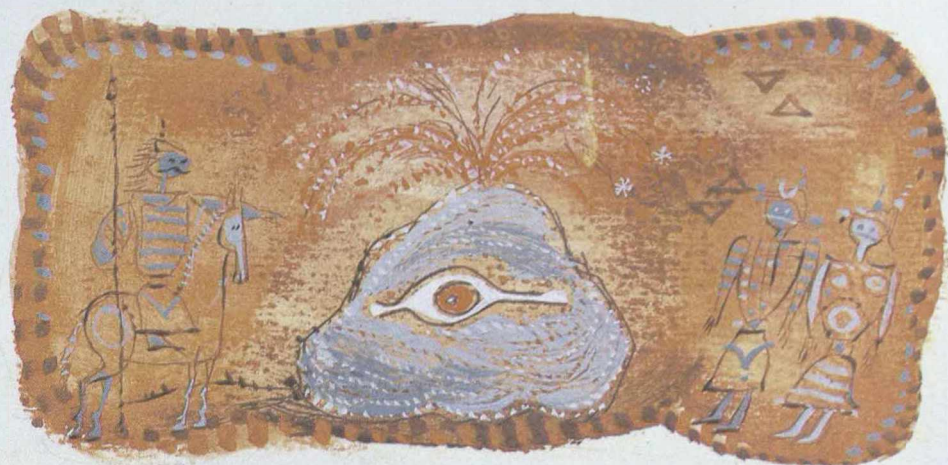
— Пусть эта песнь будет песнь о Егенеке! После меня дерзновенным певцам ее петь, повторять! Мужам отважным с открытым челом этой песне внимать.

Благословлю тебя, хан! Да не рассыпаться в прах твоим неприступным горам! Да не ударит топор по тенистым, могучим твоим деревьям! Да обретет белобородый отец твой престол и в небесном краю! Да обретет седокудрая мать твоя место в раю! Да не заставит всевышний тебя в смертный час поклониться злодею-врагу! Наша молитва, из слов из пяти сотворенная, ради прекрасного белого лба твоего да услышится! В единое слово да соединится! И во имя светлого имени Мухаммеда каждый твой грех да простится!

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

О ТОМ, КАК
БАСАТ УБЫЛ
ТЕМЯ ГЛАЗА,
ПОВЕДАЕТ

Хей, хан мой!

Как-то однажды огузы на месте сидели, а на них враги налетели. В ночь всю орду подняли, откочевали. А когда, всполошившись, бежали, оброну сына Коджа Аруза и потеряли. Лев его подобрал, выкормил, воспитал.

Время миновало, огузы назад воротились, на прежнем месте расположились.

Приходит с вестью табунщик Огуз-хана. Говорит:

— Хан мой! Выходит какой-то зверь из камышей, убивает коней. По повадке лев, по походке — человек. Ходит на двух, переваливается, а на коней кидается, какого коня убьет — кровь из него сосет.

Говорит Аруз:

— Хан мой! Наверное, это мой сынок, которого мы, когда, всполошившись, бежали, оброну и потеряли.

Беки коней оседлали, к логову льва поскакали. Льва подняли, мальчика поймали. Взял Аруз мальчика с собой, привез его домой.

Устроили праздник веселый, попили, поели вволю. Но как мальчика к дому ни приучали, он убегал, уходил и в логове львином и жил, и спал. Снова за ним пошли, назад привели. Отец наш Коркут пришел, речь такую завел:

— Сын мой! Ты человек, кто человеком родится, тому не пристало со зверем водиться! Лучше доброго коня оседлай, с добрыми джигитами в походы ходи, набег свершай. Кыян-Сельджуком зовется твой старший брат, будь же имя твое — Басат! Я тебе имя даю среди нас, долгую жизнь пусть аллах тебе даст!

Как-то огузы на летние пастбища откочевали. А был у Аруза пастух Конур Коджа Сары Чобан — так его звали.

Никто из огузов на кочевьях его не опережал.

А был там источник под названием Длинный Родник. У того родника волшебницы-пери водились. Вдруг овцы заблеяли, всполошились. Рассердился пастух на барана-вожака, пошел вперед. Смотрит, у родника волшебницы-пери крыльями переплелись, лететь собрались. Пастух епанчу свою сбросил, на них набросил, одну из пери поймал и так ее возжелал, что тут же ее и похитил. Начали овцы метаться. Пришлось пастуху подняться, к овцам своим бежать, в отару их собирать.

Дева-пери крылышками забила, заговорила:

— Слушай, пастух! Ровно через годок приди и возьми у меня свой залог. И помни, что на огузов ты страшные беды навлек!

Испугался пастух, оробел, но от страсти к волшебнице-пери даже с лица пожелтел.

Снова времечко миновало, снова время кочевий настало. Снова пастух у родника оказался, снова овечий гурт всполошился и заматался. Снова пастух вперед заходит и что же находит?

Лежит-шевелится кучица, и блеском блестит и пучится.

Прилетела волшебница-пери и говорит:

— Вот, пастух! Получай свой залог. Но на огузов ты страшные беды навлек.

Увидел пастух эту кучу, насторожился, назад воротился. Принес прашу свою. Вложил в прашу камень, да как по куче ударил! Он кучу бьет, а куча растет. Чем больше бьет, тем больше растет. Испугался пастух, бросил кучу, оставил. И побежал за своим стадом.

Между тем, в это время Баяндур-хан с беками погулять выезжали. Подъезжают они к роднику, видят, что-то диковинное лежит на земле. Ни головы, ни ног не видать. Где зад, где перед, не распознать. Кругом встали, что перед ними такое, гадали. Спешился один джигит, пнул эту кучу ногой, потом спешился другой и тоже ударил ногой. А странная кучица, чем больше ее бьют, тем больше растет и пучится. Аруз тоже с коня сошел, к куче подошел, ногой ее пнул, шпорой проткнул. Лопнула куча и вышел изнутри этой кучи мальчик с человеческим телом могучим и единственным глазом в темени.

Подобрал Аруз этого мальчика, в полу завернул. Говорит:

— Хан мой! Отдай его мне! Воспитаю его вместе с Басатом. Будет он ему братом!

— Будь по-твоему! — ответил ему Баяндур-хан.

Взял Аруз Темяглаза с собой, привез домой.

Велел кормилицу привести. Кормилица пришла, грудь Темяглазу дала. Вложила в рот Темяглазу сосок, он грудь потянул разок, все молоко из нее высосал, потянул в ладонь — всю

кровь из нее высосал, потянул в третий раз — душу вытянул. Сколько кормилиц ни приводили, все им загублены были.

Видят, грудным молоком его не вскормить, решили простым молоком поить. И так бывало, что целого котла молока ему на день не хватало.

Вскормили, взрастили. Стал Темяглаз ходить и гулять. С другими мальчишками стал играть, у кого нос, у кого ухо стал отгрызать. Тут уж вся орда возмутилась, на него ополчилась. С плачем, с жалобами к Арузу пришли, обратились.

Аруз Темяглаза и высек, и выругал, и побил, запрет наложил. Да этим его не уgomонил. Наконец, так от Темяглаза стало невмочь, что Аруз из дома прогнал его прочь.

Мать Темяглаза, волшебница-пери, к сыну тогда прилетела, на палец ему заговоренный перстень надела:

— Сын! Пусть стрела тебя не берет, пусть меч тебя не сечет! — сказала она и пропала.

Так Темяглаз от огузов ушел. Пошел, высокую гору себе нашел, стал на горе той жить-поживать, добрым путникам путь заступать, грабить и убивать. Душегубом великим, великим разбойником стал. Сколько раз на него людей насылали. Стрелы метали — стрела не берет, мечом ударяли — меч не сечет. Ни копье, ни нож — ничем его не возьмешь. Ни пастуха, ни подпaska не пропускал — всех пожирал. Такая напасть — стал и огузов своих пожирать.

Собрались огузы, пошли на него. Увидел их Темяглаз — расвиrepел. Вырвал дерево из земли, в них запустил — пятьдесят-шестьдесят человек убил. Самому Казану, воинству огузов главе, нанес он такой удар, что мир просторный тесен Казану стал. Брат Казана Кара-Гюне в бою с Темяглазом оказался не на коне. Сын Дузана Алп-Рустам в сражении пал, мучеником стал. Такой богатырь, как сын Ушуна-Коджи в бою с Темяглазом погиб. От рук Темяглаза два брата родные с душой своей чистой расстались. Погиб и Мамак в железной броне и иные... Эмен из рода Бекдуз пред ним оказался бесильным.

Даже Аруз-Коджа харкал кровью, а тоже ведь был богатырь, а у сына Аруза Кыяна-Сельджука разорвался желчный пузырь.

Так огузы Темяглаза не одолели, не взяли, заметались по полю сражения, побежали. Темяглаз встал у них на пути — и ни проехать, ни пройти.

Словом, семь раз подряд прорывались огузы, но так они и не прорвались. И семь раз заступал им пути Темяглаз, и они возвращались. Уж не знали, что делать, огузы, совсем растерялись. Пошли, отца нашего Коркута позвали, совет с ним держали. И так решили, сказали:

— Чем брань — лучше дань!

Отца Коркута к Темяглазу послали. Он пошел, поздоровался с ним, говорит:

— Сын мой! Сынок, Темяглаз! От тебя все огузы устали. Вот меня к тебе и послали. К праху ног твоих припасть попросили и, чем брань, лучше дань — говорили.

Темяглаз говорит:

— Выдавайте мне в день шестьдесят человек на съедение.

Отец Коркут отвечает:

— Так ты весь род людской истребишь под корень! А тебя мы иначе прокормим. В день по два человека и по пятьсот баранов дадим.

Слыша эти слова Темяглаз отвечает:

— Хорошо! Будь по-твоему. Но как победитель, желаю еще двух человек получить, чтобы было кому мне пищу варить и меня кормить.

Вернулся отец Коркут к огузам, говорит:

— Юнлу-Коджа и Япагулу-Коджа Темяглазу надо отдать, пищу ему готовить, а еще по два человека и по пятьсот баранов в день ему будете отсылать.

Делать нечего, они согласились. Четырех сыновей имевший одного отдал — трое остались. Трех сыновей имевший одного отдал — двое осталось. Двух сыновей имевший одного отдал — один остался.

Был человек по имени Капак-Кан, имел он двух сыновей. Одного отдал, один сын остался. Очередь обернулась, время сына отдать настало. Мать его закричала, заплакала, зарыдала.

А между тем, сын Аруза Басат, что в походах-набегах был, в это время вернулся. Старуха и думает:

— Воротился ныне Басат из набега. Пойду-ка к нему, может даст мне из пленников одного человека, а выпрошу, вот сыночка-то своего и выручу.

И когда сидел Басат под своим золотым балдахином, видит, идет старуха, достойно идет, как мужчина. В шатер вошла, к Басату подошла, приветствие произнесла, заплакала, заговорила:

О герой, чья стрела и в горсти не вмещается!

У кого крепкий лук, как у тура рог изгибается!

Ты, чье имя средь Дальних и Ближних огузов да славится!

Сын Аруза, Басат! О мой хан, помоги от напасти избавиться!

Спрашивает Басат:

— О чем просишь?

Отвечает старуха:

— В лживом мире один человек появился — чудовище. Не дает он народу огузов подняться на летние пастбища! А рубившим мечами булатными он упасть волоску со своей головы ведь не дал еще! Не поранили даже его тростниковые копьё метавшие. И не сделали дела и стрелы в него выпускавшие! Главе воинства — Казан-хану он нанес удар. Брат Кара-Гюне обессиленный от него упал. Твой седой отец, твой отец Аруз харкать кровью стал. А твой брат и друг, твой Кыян-Сельджук страшной смертью пал. Желчный лопнул вдруг у него пузырь, пропал богатырь. Он сгонял семь раз нас, огузов, с мест. Стали дань платить — дань, так дань, пусть ест. По пятьсот баранов съедает в день, да еще съедает в день двух людей. Да еще двух слуг ему дали мы — Юнлу-Коджа и Япагулу-Коджа. Четырех сынов, кто имел у нас, одного отдал. И кто трех имел — одного отдал. И кто двух имел, одного отдал. Отдала и я одного из двух — и остался сын у меня один. Подошел черед и его отдать! Ведь хотят, мой хан, и его отнять! Помоги, Басат! Тебя просит мать.

Тут наполнились черные очи Басата слезами. И сказал он, печальась о брате, а послушаем, хан мой, что сказал он:

Ты обочь дорог становил шатры,
Лиходей стал их сокрушителем, брат!
Ты гонял в степи табуны коней,
Лиходей стал их угонителем, брат!
Ты водил вереницы верблюдов рудых,
Лиходей стал их уведителем, брат!
Белорунных баранов имел стада,
Лиходей стал их истребителем, брат!
Ты, гордясь, невесту в свой дом привел,
Лиходей стал твоим разлучителем, брат!
Ты, заставивший криком кричать, мой брат,
Поседевшего отца-батюшку,
Ты, заставивший горько страдать, мой брат,
Белолицую нашу матушку!
Ты горы моей черной вершина, брат!
Ты реки моей быстрой стремнина, брат!
Стана крепкого крепость и сила, брат!
Свет очей моих черных, любимый брат!

Ах, зачем нас с тобой разлучили! Ах, убили брата, убили! — так он кричал и горько-горько плакал, рыдал.

Однако той женщине одного пленника дал.

— Ступай! Сына своего выручай! — сказал.

Женщина пленника взяла, вместо сына его отдала. Доброй вестницей о возвращении Басата к Арузу пришла. Аруз обра-

довался и с великими беками огузов навстречу сыну отправился. Басат руку отца поцеловал. И уж и плакал и тот и другой, и стонал. К шатру матери пошли сначала, где мать их встречала, мать сыночка своего обнимала.

Басат руку матери поцеловал. Обнимал ее, громко стонал. Беки огузов вместе собрались, пить и есть принялись.

Говорит Басат:

— Что, если я ради брата любимого, с Темяглазом померяюсь силою, что вы, беки, на это скажете? Разрешите ли? Просьбу мою уважите?

И тут Казан-бек стал говорить, а посмотрим, хан мой, что говорить:

Черным драконом стал Темяглаз,
Я в полях пустых окружил его, но не взял, Басат!
Тигром злобным стал Темяглаз,
Я в горах крутых окружил его, но не взял, Басат!
Львом непокорным стал Темяглаз,
В камышах густых окружил его, но не взял, Басат!
Будь ты герой, будь хоть какой!
В силе тебе не тягаться со мной!
Пока Казан-ханом не стал Басат!
Отца-старика не заставь рыдать!
Старую мать не заставь страдать!

Басат твердит:

— Все равно пойду!

Казан говорит:

— Ну, как знаешь!

Отец Басата говорит, заплакав:

— Сделай милость, сын, не ходи! Сын, эту затею оставь!

Мой очаг без хозяина не оставь!

Басат отвечает:

— Нет, дорогой мой отец, отец мой почтенный! Пойду непременно!

И слушаться их не стал, охапку стрел оперенных взял, за пояс заткнул, мечом опоясался, лук через плечо перекинул, полы подобрал, руку отца-матери поцеловал, прощаться стал:

— Счастливо оставаться! — сказал.

И пришел он к скале огромной, скале называемой Бойней, где жил Темяглаз. Видит, солнцу подставив спину, спит Темяглаз сном невинным. Вынул из-за пояса одну стрелу, лук натянул, в грудь Темяглазу стрелу метнул. А стрела в него не вонзилась, отскочила, ударившись, и расщепилась. Он еще одну стрелу вынимает и в щепки ее разбивает.

Темяглаз старикам своим замечает:

— Здешние мухи нас донимают!

И еще стрелу выпускает Басат. Ото всех его стрел только щепки летят. Одна щепочка перед Темяглазом упала. На глаза ему попала. Подскочил Темяглаз, глядит, увидел Басата, хлопнул в ладоши, громко захохотал, старикам своим говорит:

— Опять от огузов посланье. Жертвенный баран идет на закланье!

Басата настиг, поймал, за шею его к себе привязал, в логово свое приволок, засунул в голенище одного из сапог, а сам говорит старикам:

— Эй, старики! Этого ягненка ко второму завтраку изжарьте и мне подайте! Я его в полдень сожру, а пока засну! — сказал, зевнул и снова уснул.

Был у Басата кинжал, он голенище кинжалом разрезал, выбрался наружу, сказал:

— Эй, старики, не молчите! В чем его смерть, говорите!

Они отвечают:

— Не знаем! Но, кроме глаза, нет места на нем из живого мяса.

Басат подошел к голове Темяглаза, веко ему приподнял, посмотрел, увидел — что нет на нем, кроме глаза, места из живого мяса.

Говорит:

— Эй, старики, вертел возьмите и на огне раскалите!

Взяли они вертел, в огонь положили, докрасна раскалили. Басат этот вертел взял, к Мухаммеду, чье имя прекрасно, воззвал и с такою силой вертел в глаз Темяглазу вонзил, что Темяглаза глаза лишил. И так Темяглаз заорал, завопил, что горы вокруг сотряслись и посыпались камни вниз.

Басат отскочил — и в двери, скрылся среди баранов в пещере. Темяглаз догадался, что Басат в пещере остался. Вход в пещеру собой заслонил. Расставил ноги, одной ногой с одной стороны, другой ногой с другой стороны встал на пороге и так говорил:

— А ну-ка, бараны с козлом впереди! По одному выходи-проходи!

Баранов он по одному из пещеры выпроваживал, проходили бараны и каждого он при выходе ощупывал и по головке поглаживал. И так приговаривал:

— Проходи, ягненок, проходи, баран! Проходи богатство, проходи талан!

Один баран с места поднялся, рванул, да ноги протянул. Басат его повалил, забил, шкуру содрал, но хвост и голову от шкуры не отделил, сам в эту шкуру влез, на себя надел, меж ног Темяглаза пройти захотел.

А Темяглаз догадался, что Басат под шкурой скрывался.
Говорит:

— Слушай, баран! Богатство мое и талан! В чем моя смерть, ты откуда узнал? Вот как ударю о стену тебя, если правды не скажешь! Жирком курдюка своего стены пещеры смажешь!

Сунулся Басат бараньей головой в руку Темяглазу. Тот за бараньи рога взялся, дерг на себя — и только со шкурой в руках и остался. А Басат между ног Темяглаза тем временем и проскочил. Темяглаз от досады и шкуру порвал и рога раскрошил.

А потом говорит:

— Эй, неужели ты жив остался?

Отвечай Басат:

— С божьей помощью спасся!

Темяглаз говорит:

— Ну тогда, паренек, забирай себе мой перстенок! С пальца его не снимай! И знай — что не будет тебе вреда от меча и стрелы никогда!

Басат взял перстень, на палец надел.

Спрашивает Темяглаз:

— Ну что, паренек, надел перстенок?

Басат отвечает:

— Надел!

И тут Темяглаз как на него налетел, кинжалом своим замахал, резать воздух вокруг себя стал.

А Басат отскочил, увернулся. Видит он, перстенок с его пальца опять к Темяглазу вернулся. Спрашивает Темяглаз:

— Неужели ты жив остался?

Отвечает Басат:

— С божьей помощью спасся!

Говорит Темяглаз:

— Парень, купол там видишь?

Отвечает Басат:

— Ну, вижу!

Темяглаз говорит:

— Там казна моя, пойдя, подойди поближе! Чтоб казну старикам не украсть, наложи на нее печать!

Басат под купол вошел, золотую казну нашел. Накопил Темяглаз горы добра, горы золота-серебра. Загляделся Басат на золото и потерял голову. А Темяглаз не зевал, у входа медленно встал. Спрашивает:

— Ты под купол вошел?

Отвечает Басат:

— Вошел.

Говорит Темяглаз:

— Хорошо! А теперь держись, паренек! Так ударю, что вместе с куполом сотру тебя в порошок!

И тут пришли на язык Басату сами собой такие слова:

— Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед пророк его!

И раскололся тот купол на семь частей! И открылось под куполом семь выходов, семь дверей. Через один из них он и выбрался. Темяглаз сунул руку под купол и так по нему двинул, что купол вверх дном опрокинулся. Спрашивает Темяглаз:

— Неужели ты жив остался?

Отвечает Басат:

— С божьей помощью спасся!

Темяглаз говорит:

— Смерти нет на тебя! Видел ли ты пещеру?

Отвечает Басат:

— Видел.

Темяглаз говорит:

— Там есть два меча. Один в ножнах, другой без ножен. Без ножен меч — должен голову мне отсечь. Пойди, этот меч принеси, голову мою с плеч снеси!

Пошел Басат, в пещеру вошел. Два меча нашел. Видит, меч без ножен висит-качается, опускается-поднимается. Говорит Басат:

— Этот меч, не подумав, нельзя хватать! В чем тут тайна, надо сначала узнать.

Достает он свой собственный меч и того меча им касается, и тотчас его меч на куски разлетается.

Пошел, дерево приволок, опять к мечу прикасается. И тотчас это дерево на куски разлетается!

Тут он лук свой в руки берет. Стрелу оперенную достает. Метит стрелою в цепь, на которой висел тот меч. В цель попадает, меч с цепи слетает и в землю вонзается.

Понял Басат, усмехается, вложив в ножны свой меч, за рукоятку меча хватается. Меч тот берет, к Темяглазу идет.

Говорит:

— Эй, Темяглаз, как поживаешь?

Темяглаз отвечает:

— Неужели ты жив остался?!

Говорит Басат:

— С божьей помощью спасся!

Темяглаз говорит:

— Смерти нет на тебя! — и громко кричать начинает. И, крича, приговаривает, а послушай, хан мой, как приговаривает:

Ох ты, глаз ты мой, глаз, мой единственный глаз!

И с одним я огузов губил много раз!

Ты лишил меня светлого глаза, джигит!
Пусть за это всевышний души тебя светлой лишит!
Что за муку терплю! Я терплю боль такую,
Никакому джигиту не дай бог — такую!

И опять Темяглаз говорит:

Где родился, живешь, где смыкаешь усталые вежды?
На кого, заблудившись в ночи, уповаешь в надежде?
Кто твой хан, поднимающий крепкое знамя?
Кто в день битвы ведет за собой тебя в пекло и пламя?
Как зовут седовласого в мире отца? Храбрый именем отчим гордится!

Мужу имя от мужа скрывать — как позором покрыться!
Как зовут тебя? Как твое имя, скажи мне!

И отвечал Басат Темяглазу, а посмотрим, хан мой, как отвечал:

Своей родиной «Солнце Полудня»² считаю.
Заблудившись в ночи, на аллаха всегда уповаю.
Поднимающий крепкое знамя, зовется мой хан Баяндуром.
А того, кто в день битвы идет впереди, называют Казаном Салуром.

Спросишь имя отца — в Крепком Древе³ оно коренится.
Имя матери спросишь — отвечу — Царица Зверей она — Львица.

А меня самого так зовут, как называли когда-то,
Называюсь я сыном Аруза — Басатом!

Говорит Темяглаз:

— Так мы братья с тобой, не губи меня!

А Басат отвечает:

— Слушай меня, негодный!

Слез седого отца ты причиною был,

Старой матери горе и боль причинил,

Ты же брата Кыяна-Сельджука убил!

Белолицу невестушку ты овдовил,

Светлооких их детушек осиротил,

Так тебе ли спущу?

И пока об тебя свой булат не сломя,

Твою гадкую голову⁴ с плеч не срублю,

Твою алую на землю кровь не пролью,

Кровью кровь брата милого не искуплю,

Говорил, что не грех договор с ним порушить, порвать,

Говорил, надо всех, вновь рожденных, и тех убивать!
Говорил, хоть разок человечинки досыта надо пожрать,
А не то соберутся огузские беки, походом придут, говорил,
Убегу, а они меня в Бойне-скале и запрут, говорил,
Подведут стенобиты тяжелые, с камнем и тут, говорил,
Мне на голову свалится камень, убьют, говорил!
Ты лишил меня светлого глаза, джигит!
Пусть за это всевышний души тебя светлой лишит!
И еще Темяглаз сказывал и так рассказывал:

Многих старцев седых я слезу проливать заставлял,
И проклятья седых, зная, беду на тебя навлекли, о мой глаз!
Многих женщин седых я слезу проливать заставлял,
Слезы горькие их, зная, беду навлекли на тебя, о мой глаз!
Многих с темным пушком на губе я джигитиков юных сож-

рал,
Молодечество их, зная, беду навлекло на тебя, о мой глаз!
Многих с белыми ручками в хне я девчоночек нежных сож-

рал,
Но девичество их, зная, беду на тебя навлекло, о мой глаз!
Что за муку терплю! Я терплю боль такую,
Никакому джигиту не дай бог — такую!
Ах, мой глаз, ты мой глаз! Мой единственный глаз!

В гневе Басат вскричал, мешкать не стал. Как верблюда,
Темяглаза на колени повалил и мечом ему голову отрубил. Два
отверстия продолбил, голову на тетиву насадил, волоком пота-

щил. У выхода из пещеры встал.
Юнлу-Коджа и Япагулу-Коджа к огузам вестниками доб-

рыми послал.
Серых, белых коней оседлали, поскакали. Великих огузов
о том известили. До Старого Аруза, у которого рот с конскую
пасть, до него первого эта весть донеслась. Не сходя с коня-то,
как не обрадовать отца Басата:

— С тебя подарок! Твой сын Темяглазу башку отрубил!
Беки Огузов Великих все собрались. К Бойне-скале на конях
понесли. Голову Темяглаза в орду доставили.

Пришел отец наш Коркут, песней героя прославил, о воинах,
павших за веру, о битвах их говорил. Басата благословил:

— Встретишь высокие горы, все их вершины возьмешь!
Встретишь широкие реки — всюду переплывешь! За брата ты
отомстил, кровью кровью его искупил! От великой напасти огу-
зов избавил и этим себя самого прославил! И да узрит великий
аллах праведника в делах! Смерти тебе не страшиться, от
истины не отступить! И, во имя Мухаммеда священное, каж-
дый твой грех да простится! Хей, хан мой!

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

О СЫНЕ
ВЕЧНАЯ ЭМЧЕНЕ
ПОВЕДАЕТ

Хей, хан мой!

Сын Кам-Гана, хан Баяндур, поднимался с места, вставал. Черную землю шатрами высокими уставлял. Пестрый навес до небес поднимал. Шелковые ковры в тысяче мест расстилал. Ближних огузов и Дальних огузов к себе собирал.

Дань девяти туменей из Грузии в это время пришла. Один конь, один меч, одна палица — вот и вся дань, какая была. Крепко Баяндур-хан был сердит.

Приходит отец наш Коркут. Играет веселое и говорит:

— Хан мой! Что так сердит?

А он отвечает:

— Как тут сердитым не быть! Всякий год они злато-серебро присылали, мы его бекам своим раздавали, все довольны бывали, добром меня поминали. А теперь кому мне все это отдать, чтоб добром меня стал поминать?

Говорит отец Коркут:

— Эти три вещи одному джигиту надо отдать, чтобы было кому для народа огузов на границе в дозоре стоять.

Спрашивает Баяндур-хан:

— Кому же отдать?

И влево и вправо поглядывал хан, никто на это согласие не дал. Был один джигит по имени Бегиль. Хан свой взгляд на нем остановил и спросил:

— Ты что скажешь?

Бегиль согласие дал, встал, землю поцеловал.

Меч, освященный отцом Коркутом, к поясу привязал, палицу на руку одел, лук через локоть продел, богатырского коня взнуздal, оседлал, близких-родню отобрал, шатер разобрал, от огузов откочевал. На Барду, на Гянджу путь держал, там

становье разбил, там стал жить-поживать. Занял ведущий в девять туменей Грузии перевал, там караул справлял, в дозоре стоял.

И как приходил гяур-чужак — его голову огузам в дар отсылал. Раз в году на Великом диване у Баяндур-хана бывал. Вот и опять Баяндур-хан гонца шлет, немедля велит прийти.

Вот Бегиль и пришел, подношенья достал, руку Баяндур-хану поцеловал.

И хан Бегилья привечает, щедро его угощает и добрым конем и кафтаном с шитьем, и богатой деньгой одаряет. Целых три дня угощает.

— Беки! — он говорит. — А еще три дня добычей охотничьей я Бегилья попотчую!

Вот охота готовится. Как стали на охоту снаряжаться: кто своим конем, кто своим мечом, кто меткой стрельбой из лука стал выхваляться.

А Салур Казан ни конем, ни копьём выхваляться не стал. Только доблесть беков своих прославлял.

Там, где триста шестьдесят шесть алпов выйдут поохотиться и за вспугнутым джейраном взапуски погонятся, там Бегиль и без стрелы луком лишь обходится. Только лук из колчана тихо вынимает, на джейрана или лань этот лук кидает, и тугою тетивой, взяв в капкан, сжимает. Если пойманный джейран тощий — отпускает, только ухо ему шляком¹ продырявит, и при этом говорит: «Пусть охотники тебя, изловив, узнают!» Если дичь жирна, тогда — тут же прирезает.

Если бекам с дыркой в ухе джейран попадался, то Бегилью он же и отсылался, Бегилем меченый назывался.

Спрашивает Казан-бек:

— Это доблесть коня или воина?

— Воина, хан мой! — ему отвечают.

— Нет, конь не постарается, воин не прославится! — Казан-бек возражает.

Эти слова обидно Бегилья задел. Вот Бегиль и сказал:

— При всех меня оплевал, с грязью смешал!

Обиды терпеть не стал, дары Баяндур-хана все разбросал, покинул Великий диван, коня оседлал, светлооких джигитов своих забрал и назад домой поскакал.

Встречают его сыновья-детишки, он их не приласкал. Белолицей жене своей слова доброго не сказал.

И сказала тогда его жена, а посмотрим, хан мой, что сказала она.

Говорит:

Бек-джигит! Господин золотого престола!

Ты, как глянула, приглянувшийся,

Ты, всем сердцем мне полюбившийся!

Как легко ты, с места поднявшись, встал,

Светлооких джигитов, собравшись, взял,

Скалы острые Аладаг-горы за ночь перевалил.
 Реку быструю да струистую за ночь ты переплыл.
 Ты в диван к ясноликому Баяндур-хану ходил.
 Вместе с беками ел, вместе с беками пил.
 Или свой со своим говорит, галдит?
 А в чужом пиру голова болит?
 Ни добра коня под тобою нет,
 Ни золотого шлема, ни шубы нет?
 Ясноглазых деточек не приласкал,
 Белолицей жене и словца не сказал.
 Что с тобой?

И отвечал Бегиль, а посмотрим, хан мой, как отвечал:

Живо с места поднялся я, живо встал!
 Ветроногих коней своих вмиг оседлал!
 Скалы острые Аладаг-горы за ночь перевалил,
 Реку быструю да струистую за ночь я переплыл,
 Я в диван к ясноликому Баяндур-хану ходил.
 Вижу, свой со своим лишь хорош сейчас!
 Вижу, хан свой взор отвратил от нас!
 Мы снимаемся с места! Народ скликай!
 Рядом Грузия, девяти туменей край,
 От огузов я отложился, знай!

Жена говорит ему:

— Ах джигит мой, бек-джигит! Падишах — тень аллаха.
 На падишаха восстать — в делах удачи не знать. Если в чистом сердце смутно, темно, то развеет тоску вино. С тех пор, как ушел ты, хан мой, давно уж на Аладаг горе, напротив лежащей, охоты не было настоящей. Сходи на охоту, хан мой, сердце свое успокой!

Видит Бегиль, что жена и дело говорит, и наперед глядит. Велит коня богатырского подавать, седлать и на охоту выезжать.

Вот он гуляет, зверя гоняет, и вдруг перед ним раненый джейран пробегает. Бегиль на него коня напускает, сзади самца настигает, лук с тетивой на шею ему набрасывает. Тут джейран от горькой досады взвизывает и с высокой скалы вниз бросается. А Бегиль узду-то не удержал, так и полетел, и упал. Правым бедром о скалу ударился и ногу сломал. Было встал, да не устоял. Заплакал горько, сказал:

— Вот беда-то — ни взрослого сына нет, ни старшего брата!

И, вытащив стрелу из-за пояса, стрелою до крупа коня дотянулся, за шлею ухватился, под кафтаном ногу туго-натуго обмотал, и, собравшись со всеми силами, кое-как на коня взобрался. Его тюбан размотался, вокруг шеи болтался. Один, без охотников, он остался. И так до орды своей добрался.

Сынок его, Эмрен-бахадур², вышел отца встречать. Видит, в чалме размотавшейся, вокруг шеи болтавшей, с лицом побледневшим, едет его отец.

И стал сын о товарищах его спрашивать, а посмотрим, хан мой, как спрашивать:

Ты ли с места вставал, поднимался?

Огневого коня, боевого коня ты седлал, снаряжался?

На охоту к подножью горы Аладаг не один отправлялся.

На гяуров ли в черных одеждах в горах ты нарвался?

Иль джигиты твои перебиты в бою, ты один жив остался?

Ты скажи-расскажи хоть словечко одно, хоть полслова!

А я жизнь положу за единое слово отцово!

И тут сыну Бегиль говорил, а что говорил, поглядим:

Ах, сынок! Сынок!

Это я, я вставал, поднимался!

На охоту к подножью горы Аладаг не один отправлялся!

На гяуров в одеждах их черных я не нарывался!

И джигиты мои не убиты в бою, не один я остался!

Они живы-здоровы, джигиты мои, сам я с ними расстался.

Не надо, сынок, беспокоиться! Уж три дня, как мне нездоровится. Ах, сынок! Ты с коня меня сними, на мою постель отнеси.

Хоть и львенок, а тоже лев! Он отца своего с коня снимает, поддерживает, ведет, на постель относит, кладет, армяком его укрывает и дверь притворяет.

А там и джигиты Бегилья видят, охота не ладится, у всякого дом, всяк домой возвращается.

Уж пять дней, как Бегиль на сборища не являлся. О том, что ногу сломал — никому не сказал. Как-то ночью на постели лежал, и от боли мучительной вздох испустив, застонал.

Спрашивает жена:

— Бек-джигит мой! Перед полчищами врагов ты не отступал, стрелы пестрые в тело вонзались, ты спины не сгибал, не стонал. Разве муж от жены, на груди его спящей, должен тайны скрывать? Отчего ты стонешь? Можешь ты мне сказать?

Отвечает Бегиль:

— Милая, я же с коня упал, ногу сломал!

Жена руками вплеснула, служанке шепнула. Служанка выходила, с привратником говорила. Так что скоро, что из-за тридцати двух зубов вышло, всей орде уж известно было.

— А Бегиль-то? С коня упал, ногу сломал! — всякий болтал.

А меж тем лазутчик гяуров не спал, не дремал. Как услышал про это, тагавуру весть передал.

Тагавур говорит:

— Эй, поднимайтесь! С места вставайте! Подите, Бегилья

лежащим на ложе схватите, белые руки по локоть ему скрутите, его голову, охнуть не дав, отрубите! Алой кровью его землю черную вы напоите! Весь его род истребите! Дочь-невесту его полоните!

Однако и у Бегилья среди врагов свой лазутчик был. Вот он-то Бегилья и известил:

— Вооружай народ — враг набегом идет!

Бегиль поднял глаза и сказал:

— Небо — высоко, не влезть, а земля — твердь.

Он привлек к себе сына, стал ему говорить, а посмотрим, хан мой, что говорить:

Ах ты сын, мой сын!

Свет очей моих помраченных, сын!

Стана крепкого крепость и сила, сын!

Ты смотри, смотри, что случилось!

Что на голову мне свалилось!

Как поднявшись, сыночек, я живо встал,

Жеребца, чтоб он шею себе сломал, оседлал.

Я и зверя гонял, я и птиц пускал,

Запнулся, споткнулся мой конь, я упал,

И правую ногу сломал.

На мою горемычную голову, что же еще приключилось?

Как чрез высокие горы молва перешла,

Как через реки широкие переплыла,

Как до ворот до железных Дербента дошла,

Шюкли-Мелик, мерина сивого всадник, пронюхал, узнал!

То-то сегодня в горах опустился туман!

Надо Бегилья лежащим на ложе схватить! — говорит.

Белые руки по локоть Бегилью скрутить! — говорит.

Надо орду его всю истребить! — говорит.

Дочь-невесту его белолицую взять, полонить!

Вот что, сынок! Поднимайся, вставай поскорей!

Да оседлай быстроногих своих черногривых коней.

Гору скалистую, гору Аладаг перевали,

Смело в диван ясноликого Баяндур-хана явись,

Словом приветным приветствуй его, поклонись!

Руку Казану, над беками беку, целуй!

Плохо отцу моему седовласому, — так и скажи.

Пусть непременно, всенепременно, Казан на подмогу придет!

А не придет, — ты скажи, — разорят все владенья, весь край!

Дочь-лебедицу, невесту-девицу мою, полонят, передай!

И тут сын сказывал отцу, а посмотрим, хан мой, что сказывал:

Что говоришь ты, отец мой, ты сам понимаешь?

Ах, до печенок меня достаешь, донимаешь!

Слушай, отец мой, я, с места поднявшись, еще не вставал.

На черногривых конях богатырских еще не скакал.

Гору скалистую, гору Аладаг я не перевалию,

Знай, что в диван ясноликого Баяндур-хана я не пойду.
Кто мне Казан? Чтобы руку ему целовать?!
Лучше ты дай мне коня своего огневого, Багряного дай!
Чтоб во имя твое до кровавого пота загнать!
Дай мне железный чекмарь и кольчугу железную дай,
Чтоб во имя твое много новых кольчуг отковать!
Лучше ты дай мне булатный свой меч, меч разящий мне дай,
Чтоб во имя твое вражь головы смаху срубить!
Дай мне копье свое, дай тростниковое, острое дай,
Чтоб во имя твое вражьи воинам груди пронзять!
Дай мне колчан со стрелой, оперенною белым пером,
Чтоб во имя твое двух мужей на одну нанизать!
Дай мне и триста джигитов своих, мне в товарищи дай,
Чтоб во имя пророка Мухаммеда и веры святой
И во имя твое побеждать!

Бегиль говорит:

— Умереть мне за речи твои, сынок! Может быть, ты о прошлом моем мне поможешь забыть! Эй, доспехи мои принесите! Пусть их сын надевает! Жеребца моего приведите, пусть его сын оседлает! И пока еще не всполошился народ, пусть на битву идет, выступает!

Сына его в доспехи облачили, снарядили. Он пришел, с отцом-матерью повиделся, руку поцеловал, взял с собой триста храбрых джигитов и на поле сраженья помчался.

А Багряный, когда чуял поблизости запах врага, бил копытом о землю и пыль до небес поднимал, и на дыбы вставал.

Гяуры говорят:

— Это Бегиль конь! Надо бежать!

Тагавур говорит:

— Эй, в оба смотрите! Если это Бегиль, я раньше вас убегу, только он ли, скажите?

Соглядатай высмотрел, видит, верно — Бегиль конь, да не Бегиль на нем. Видит юнца не больше птенца. Тут он убегает и обо всем тагавура извещает.

Говорит:

— И конь Бегиль, и доспехи его и шелом! Но все не на Бегиле, а неизвестно на ком!

Тагавур говорит:

— Сто человек отберите, трам-тарарам поднимите! Юношу напугайте. У него как у птахи сердчишко — убежит с поля боя мальчишка!

Сто гяуров отобрали и на юношу послали. И говорили тут мальчику гяуры, а посмотрим, что говорили:

Парень, парень, паренек!³

Кто ты — видно по лицу,

Негодяич по отцу!

Под тобою лихой конек — да зато худой седок!

Коротышечке с вершок — меч огромный короток!
Тростниковое копье — древко сломано твое!
В девяносто стрел колчан — стрелы реденько торчат!
А вокруг стоят дружки — позабыв одеть портки!
Глазки, мрачные и так, покрывает черный мрак!
Крепко царь, Шюкли сердит, за тобой давно следит!
Говорит — мальчишку этого схватить!
Руки белые веревками скрутить!
Чтобы охнуть не успел, башку срубить!
Землю кровушкой твоею напоить!
Не заставь белобородого отца — коль есть — стенать,
Не заставь седую мать — коль есть — рыдать!
Одному джигиту всех не победить,
И одной былинке поля не покрыть!
Эй, негодный, от негодного рожденный, пробил час!
Прочь отсюда! Убирайся с наших глаз!
И говорил тут юноша, а что говорил, погляdim:
Не брешь впустую, пес-гяур, чего орешь?
Чем тебе мой конь Багряный нехорош?
На дыбы, тебя завидя, он встает!
И звенит моя кольчуга, рвется с плеч!
Так и просится из ножен острый меч!
И копье мое не нравится? Ну что ж!
Грудь насквозь пронзив, до неба достает!
Стонут жилы тетивы, стрелу зовут,
И подкладку сагадака* стрелы рвут!
Мужу мужа устрашать — позор какой!
Выходи, давай, поборемся с тобой!
Говорит гяур:

— Этот огуз бесстыдный, словно туркмен безумный, ты только посмотри на него! А?

Тагавур говорит:

— Пойдите, спросите, кем он Бегилью приходится?

И подошел гяур, и стал юноше говорить, а посмотрим, как стал говорить:

Боевого коня, огневого коня под тобою — мы знаем,

Конь Бегиль, но где же Бегиль?

Меч будатный, разящий в руке твоей — знаем,

Меч Бегиль, но где же Бегиль?

И доспехи железные, что на плечах твоих — знаем,

Все Бегиль, но где же Бегиль?

Если б здесь был Бегиль, мы бы так не стояли,

Мы б до ночи мечами своими стучали,

Луков крепких своих тетиву натягали,

Белоперые стрелы метали.

Кем Бегилью приходишься ты, если ты не Бегиль?

* Сагадак — фугляр для стрел

И говорит тут сын Бегиля, а что говорит, поглядим:

— Эй, гяур! Или ты меня не узнал? Бек над беками Баяндурхана непогрешимого, Салур Казан прискакал. Брат Казанхана неустрашимого, Кара-Гюне прискакал. Дулек Эрен, отступить не умеющий, сын, Дозана, Рустам. И еще бек Бейрек, на сером жеребце своем скачущий, в доме Бегиля вместе с другими беками пил, пировал. К нам от тебя лазутчик вчера приходил. Предупредил. Сам Бегиль на коня своего, на Багряного, меня посадил. Черным булатным мечом своим сил мне придал. И тростниковым копьем меня благословлял. Триста джигитов он мне в товарищи дал. Я сын Бегиля, гяур, неужель не узнал? Выходи на бой, будем биться с тобой!

Тагавур гяуров говорит:

— Берегись, негодный, от негодного рожденный! Я на тебя иду!

Палицу-шестопер он в руку взял и на юношу поскакал. Юноша встретил удар его палицы страшной — щитом. Тут сверху вниз и ударил гяур по юноше тем шестопером, щит его расколол, шлем поизмял, веко ему ободрал. Но юношу не одолел.

Палицами бились. Булатными мечами рубились. То уклоняясь то упираясь, мечи их скрещивались и разлетались. Кряжи мечей расщепились, лезвия — затупились! Не одолели друг друга они на мечах, но и не отступились.

Стали на тростниковых копьях биться. Как быки на ристалище, стали друг друга бодать, грудь друг друга колоть, остриями пронзать. Пока древки у копий не стали ломаться и наконечники копий не стали спадать. Но ни тот, ни другой не мог верх одержать.

Стали конями сшибаться — из седел друг друга выбивать. Тут гяур оказался сильнее — а Эмрен стал силы терять.

И тогда, обратившись к всевышнему, юный воин стал к богу взывать, а посмотрим, как стал он взывать:

О превысивший все высоты!
О всевышний бог!
Никому не узнать, каков ты!
Вездесущий бог!
На Адама венец возлагал ты,
Сатану, прокляв, низвергал ты,
И Адама за грех первородный
Из чертогов рая изгнал ты!
Ты позволил схватить Авраама,
Завернуть его в шкуры дал,
Твоей волей он брошен в пламя,
Ты ж огонь в цветник обращал!⁴
Полагаюсь во всем на бога!
Боже! Как мне нужна подмога!

Спрашивает гяур: \

— Скажи, юноша, если в беде находишься, богу своему молишься? У тебя один аллах — бог, а у меня идолов — семьдесят два капища!

Отвечает Эмрен:

— О богохульник! Ты своим идолам поклоняешься, а я единому, из небытия мира созидающему поклоняюсь и на него полагаюсь!

И услышал это всевышний на небесах и повелел Гавриилу:

— О Гавриил! Сделай, как я велю! Я рабу моему силу сорока мужей даю!

И поднял гяура Эмрен и бросил его оземь. Тут из носа гяура алая кровь побежала, словно звонкая дудочка заиграла. Бросился соколом на гяура Эмрен, за горло его схватил.

И тут гяур говорит:

— Пощади, джигит! Что говорят, когда веру твою принимают?

Я твою веру принял!

Палец поднял, великое имя назвал, мусульманином стал. Остальные гяуры про это узнали, с поля боя бежали.

Тут джигиты племя гяурово все истребили, их красавиц-девиц полонили.

Юноша к отцу вестника послал.

— В битве я верх одержал!

Белобородый отец его вышел, встречал. Крепко за шею сына своего обнимал. Вместе с ним домой воротился. Тут он сыну летовку в горах своих черных, напротив лежащих, отдал, из коней богатырских своих табун ему целый отдал, из овец, на прокорм, отару бесчисленную дал.

Непогрешимому Баяндур-хану пятую часть всей добычи послал. Потом сына взял, пришел с ним в Баяндур-хана великий диван, руку ему целовал.

Государь ему место почетное по правую руку сына Казана, Уруза, сам указал. В шубы, крытые шелком, халаты, расшитые золотом, его одевал.

И отец наш Коркут приходил, песню радостную заводил. Это сказанье, огузов преданье, он сказал и сложил. Пусть эта песнь будет песнь о сыне Бегиля Эмрене, так он сказал.

И о том, что случилось с борцами за веру священную, нам рассказал.

Благословлю тебя, хан! Да не рассыпаться в прах твоим неприступным горам! Да не ударит топор по цветущим твоим деревьям! Упаси тебя боже надежды, дарованной богом, лишиться! И во имя светлого имени Мухаммеда, каждый твой грех да простится!

Хей, хан мой!

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

О СЫНЕ
УШУН — КОДЖА
О СЕКРЕКЕ
ПОВЕДАЕТ

Во времена огузов жил человек, Ушун-Коджа его прозывали. Имел он в жизни своей двоих сыновей. Старший сын имя Экрек носил. Добрый был богатырь, джигит удалой он был. В диван Баяндур-хана, когда хотел, приходил. В диван бека беков Казана входил свободно, когда угодно. Ни входа, ни выхода — не признавал. Беков теснил, на них наступал и перед Казаном садился. На других и внимания не обращал.

Вот, однажды, когда он опять, наступая на беков, пришел и на место уселся, был джигит среди огузов по имени Терс-Узамыш, — он на него рассердился и взъелся. Говорит ему:

— Слушай! Сын Ушун-Коджа, беки, сидящие здесь, чтоб ты знал, каждый место свое, где сидит, или мечом или милостями добывал. Ну, а ты чем свое место заслужил? Или голову чью срубил? Иль кровь чью пролил? Иль голодных кормил? Иль нагих одевал?

Отвечает Экрек:

— Эй, Терс-Узамыш, что за новость? Разве кровь проливать, головы срубать — это доблесть?

А тот говорит:

— Да уж точно, что доблесть!

Слово Терс-Узамыша задело Экрека, задело за совесть. Он встает. Просит Казан-бека войско дать для набега.

Тот войско дает, собирает, велит выступать им в поход. Вот собрались вокруг Экрека джигиты с копьями числом до трехсот.

Пять дней в доме питейном они пили и ели. А потом в поход — на живший от Ширегёвез до Гекча Дениза¹ народ. Победили, большая добыча там им досталась, крепость Алинджа по дороге попалась, к ней подкрались.

Кара-тагавур устроил там засеку-пушу. Нагнал туда и гусей, и тетерок, крыльями машущих, и джейранов, и зайцев — по полю скачущих — для огузских джигитов западню устроил.

Сын Ушуна на засеку эту по дороге-то и нарвался. Ворота загона они свалили, джейранов, гусей, тетерок перебили. Ели себе и пили, седла с коней снимали, доспехи с себя поскидали.

А тем временем за ними лазутчик тагавура следил. Как увидел все это, пошел и ему доложил:

— Слышь! Явились огузские всадники. Поломали ворота в засеке. Седла с коней снимали, доспехи с себя поскидали. Что сидеть и ждать? Надо их брать!

Шестьсот гяуров в черных одеждах на них отправились. Легко со всеми расправились. Джигитов всех перебили, Экрека схватили, в крепость Алинджа заточили.

Полетела весть через горы высокие, полетела весть через реки широкие и дошла эта весть до народа Великих огузов. В высоком шатре Ушун-Коджа поднялся великий плач. Его дочь-девица, невеста-лебедица платье белое снимала, черное надевала.

— Сын мой, сын! — Ушун-Коджа закричал, вместе с ним седокудная мать его заплакала, запричитала.

Будет кость — будет и плоть. Кто живет, тот и растет. Так вот, хан мой, и младший сын Ушун-Коджа Секрек рос-подрастал, славным, храбрым, удалым джигитом стал.

Однажды, наткнулся он на огузов сборище. Он к ним и пристал. Ели они, пили, пировали, пьяными стали. И Секрек опьянел, и сходить туда, куда ходят пешком, захотел. Смотрит — какой-то сирота с мальчиком дерется.

— Эй, что вы делаете! — Секрек завопил. И одному оплеуху, и другому влепил.

Горька ягодка старой туты, горьки упреки дитя-сироты. Один из них говорит:

— Или мало в сиротстве нам достается? Он еще и дерется! Ишь, какой храбрый, сирот обижать, а если храбрый — иди своего брата из плена в крепости выручать!

Спрашивает Секрек:

— Скажите, а как моего брата зовут?

Они говорят:

— Экрек.

И сказал тут Секрек:

— Быть отныне Секреку достойным Экрека! Что ж я о брате не знаю? Жив ли, здоров ли он, не вопрошаю? Нет мне жизни теперь без брата! Не вернусь к огузам без брата! Свет очей моих черных — брат, — так он сказал, заплакал и вернулся назад. В сборище возвратился, с беками распростился.

— Счастливо оставаться! — сказал, коня своего оседлал,
в дом отца своего поскакал. Вот он с коня спускается, к ма-
тери своей обращается.

И говорил тут Секрек, а послушай, хан мой, как говорил:

Вот я, матушка, с места вставал, поднимался.
На коне черногривом игривом скакал, красовался.
На пеструю гору, что напротив лежит, поднимался.
Встретив сборище наших Великих огузов, присоединялся.
С ними ел я и пил, с ними вместе сидел, прохлаждался.
Среди пира на чубаром коне всадник тут прискакал — объяв-
лялся,

Много лет уж прошло, говорит, как в плену у врагов оказался
Это я, что Экреком у вас прозывался.

Бог помог, ему путь указал,

Он из плена бежал, домой воротился.

Весь народ стар и млад повалил, чтобы встретить джигита
приветом.

Не пойти ли и мне? Что ты, матушка, скажешь на это?

И отвечала ему мать, а посмотрим, хан мой, как отвечала:

Умереть мне сынок за уста, что открыл!

Умереть мне за речи, что ты говорил!

Неужели высокая наша гора

Обвалившаяся, поднялась, наконец?

Неужели широкая наша река

Обмельчавшая вся, разлилась, наконец?

Неужели могучего дерева ветвь,

Пересохшая вся, зацвела, наконец?

И зеленой листвою занялась, наконец?

Коль идешь за народом огузов вослед,

То не мешкай, сынок, а ступай, наконец!

Как подъедешь к джигиту тому, то коня своего придержи.

Сам на землю сойди, подойди, стремя всадника на чубаром
по придержи,

Ему руку подай и приветное слово скажи.

Поцелуй его руку и крепко его обними.

Ты вершина горы моей — брат мой, скажи!

Что ж ты медлишь, стоишь-то, сынок? Поспеш!

И сказал матери сын, а что сказал, поглядим:

Словом во рту подавись, да отсохни язык твой и отвались!

Говоришь о брате родном,

А я и не знал о нем!

Нет мне жизни теперь без брата среди огузов!

К ним без брата не ворочусь я.

И не будь право матери правом бога,
Я бы не мешкал долго,
Сразу выхватил бы свой меч,
Тебе, охнуть не дав, снес бы гордую голову с плеч!
Твою алую кровь на землю пролил,
Уж тебя бы, злодейку, я проучил!

Тут отец его говорит:

— Лживая весть, сын мой! А тот, сбежавший из плена, не брат твой родной. Брат твой совсем другой! Он не таков, чтоб бежать. Отца седовласого не заставь рыдать, мать седокуру не заставь страдать!

И тут им сын сказывал:

Если триста шестьдесят шесть алпов² выйдут поохотиться,
И за раненым джейраном с гиканьем погонятся,
Тех, кто с братьями — видать — скачут стремя к стремени!
Кто без брата — можно дать кулаком по темени!
На четыре стороны смотрит — озирается,
Да из ясных глаз слезой жгучей обливается.
До свидания с сыном ясноглазым снова!
Оставьте, мать с отцом живы и здоровы!

Говорят отец-мать:

— Ложная весть, не ходи, сынок!

Отвечает сын:

— Вы с пути меня не сбивайте! И пока я до крепости той не дойду, жив ли, нет ли мой брат не узнаю, если мертв он, пока за его кровь не отмщу, так и знайте, что к народу огузов я не ворочусь! В чем и клянусь!

Отец-мать зарыдали, к Казан-беку человека послали.

— Брат за брата идет отомстить. Что посоветуешь, как нам быть?

Казан говорит:

— Спутайте ноги ему живыми путами.

У Секрека невеста была. Быстро его окрутили, поженили. Из коней — жеребцов, из верблюдов — самцов, из овец — баранов забили. В брачный шатер ввели. Юноша с девушкой вместе на одну подушку легли.

Тут жених свой меч обнажил, меж собой и невестой его положил. Девушка говорит.

— Ой, джигит, свой меч убери! Мне отдайся, желанный! И отдамся тебе я, бери. Обними меня, обними!

Отвечает жених:

— Прочь, негодного дочь! Да изрубит меня мой меч! Да пронзит меня собственная стрела, да не родится сын у меня, а если родится, да не дожить ему до десяти лет! Пока я старшего брата не увижу, жив ли, нет ли он, не узнаю и если умер он, не отомщу, я себя до тебя не допущу!

Живо поднялся, мигом собрался. Из табуна коня боевого пригнал, и взнуздal его, и оседлал. На себя он кольчугу свою натянул, наколенники, наручи пристегнул и сказал:

Жди меня, дева, год дожидайся,
Не вернусь через год — два годка дожидайся,
Не вернусь через два — года три дожидайся,
Не вернусь через три, знай, что умер, не жди!
Жеребца моего на помин заколи.
Кто приглянется,
Кто полюбится, за того выходи.

И отвечала ему дева, а посмотрим, хан мой, как отвечала:
Ах, джигит! Буду год тебя ждать-поджидать.
Не придешь через год — буду два года ждать.
Не придешь через два — буду три года ждать.
Не придешь через три — буду годы считать,
И покуда на свете живу, буду ждать!
На развилке шести дорог я шатер свой поставлю.
И у всех о тебе, кто приходит, уходит, расспрашивать стану.
Приносящему добрую весть — дам коня и кафтаны и платья,
Приносящий недобрую весть — головой мне за это заплатит.
И самцу-комару сесть не дам на себя!
Ах, джигит, мне отдайся!
Мне отдайся, возьми меня, а уж потом отправляйся!

Отвечает жених:

— Прочь, негодного дочь! Я не чем-нибудь, головою брата родного поклялся! И от клятвы своей отступаться ли мне? И когда это я отступался!

Говорит ему дева:

— Пусть лучше зовут невесту неудачницей, несчастливцей, чем бессрамницей и бесстыдницей. Пойду, свекру и свекрови скажу.

И сказывала она, говорила:

А ты, свекор мой, мне как есть теперь — лучше батюшки!
Ты свекровь моя, мне как есть теперь — лучше матушки!
В вереницах верблюдов всполошился ваш, он вот-вот уйдет!

Заступает погонщик пути ему, да назад его не вернет!
В табунах жеребец всполошился ваш, он вот-вот уйдет!
Заступает табунщик пути ему, да назад его не вернет!
И в отарах баран всполошился ваш, он вот-вот уйдет!
Заступает пастух все пути ему, да назад его не вернет!
Мстит за брата сын ясноглазый ваш, он вот-вот уйдет!
А невестушка белолицая все назад его не вернет!
И да будет вам это известно!

Мать-отец заахали, с мест своих повскакивали.

— Не ходи, сынок! — уговаривали.

Видят, другого выхода нет.

— Не могу я к крепости той не пойти, не могу я брата старшего не спасти, — один они слышат ответ.

Тут мать-отец и сказали:

— Ступай, сынок! Исполни свой долг. Да будет удачным твой путь! Возвращайся жив и здоров, если суждено тебе вернуться когда-нибудь!

Сын руку отца-матери поцеловал. На вороного коня вскочил. И не разбирая ночи и дня, погнал своего коня. Три дня и три ночи он шел, край ДЕРЕ-ШАМА³ прошел, к засеке той пошел, где брата его поймали.

Видит, табунщики гяуровы лошадей пасут-стерегут. Меч обнажил, шестерых из них уложил.

В бубен ударил, лошадей всполошил, взял их и в засеке той поместил. Черными очами джигита дня и ночи не разбиравшего, три дня и три ночи без отдыха скакавшего, сон овладел, он поводья коня своего к запястью привязал, лег и заснул.

Между тем у гяуров был лазутчик. Тот пришел, говорит тагавуру:

— Пришел от огузов джигит удалой, табунщиков перебил, лошадей всполошил, увел и в засеке поместил.

Тагавур приказывает:

— Шестьдесят вооруженных человек отобрать! Пойти, джигита этого взять, сюда привести!

И вот шестьдесят вооруженных человек отобрали, послали. Нежданно-негаданно шестьдесят гяуров в латах идут на джигита. Доспех узнается по звонкой ковке, мясо — в готовке, а джигит — по тому, на каком жеребце сидит. Хан мой, конское ухо чутко! Конь его повод и потяни, да хозяина и разбуди! Видит

наш джигит — идет на него отряд, и немалый! Живо вскочил, Мухаммеда, чье имя прекрасно, славой почтил, на коня вскочил, ударил по гяуrom в черных одеждах мечом, победу он одержал, в крепость их обратно прогнал!

Снова сон его одолевает, снова ложится и засыпает, снова к запястью уздечку привязывает.

Гяуры, кто уцелел, бежали, к тагавуру пришли, перед ним предстали, все ему рассказали. Тагавур как давай кричать, как начал в лицо им плевать:

— Тыфу на вас! Шестьдесят человек не могли мальчику поймать!

В этот раз сто гяуров пойдут на него.

Жеребец и на этот раз его разбудил. Видит, гяуры, сомкнув ряды, напрямик на него идут. Что поделаешь тут?! Юноша встал, коня оседлал, Мухаммеду, чье имя прекрасно, хвалу воздал, ударил мечом по гяурам, снова верх одержал, в крепость в тычки их прогнал. Коня повернул вспять, вернулся в то же место опять.

Снова сон его одолевает, снова ложится и засыпает. На этот раз руку в петлю уздечки лишь продевает. Так на этот раз конь с запястья легко сорвался, куда-то умчался. А гяуры снова пришли к тагавуру. Тагавур орет:

— На этот раз — вас триста пойдет!

А гяуры ему говорят:

— Не пойдем! Он нас всех переубьет, под корень нас всех истребит!

— Так что теперь будем делать? Вот что, пойдите, из темницы джигита того освободите, сюда приведите! Задницу, что лягается, протыкает тот, кто бодается. Коня ему, доспехи ему!

Те пошли, говорят Экреку:

— Джигит! Тагавур к тебе благоволит! Какой-то безумец джигит у прохожих-перехожих, у пастухов и подпасков, у встречных-поперечных хлеб отнимает. Тагавур наш повелевает — пойдй, этого безумца схвати и убей! Если убьешь, отпустим, так иди же скорей!

Вот Экрека из темницы выпускают. Волосы, бороду ему карнают. Дают ему меч и коня дают, и в спутники триста гяуров дают. На нашего юношу ведут. Триста гяуров поодаль встают. Спрашивает Экрек:

— Ну, где этот ваш удалой джигит?

Они его издали показывают. Экрек говорит:

— Ну что ж, пойдем, схватим его, возьмем!

Гяуры отвечают:

— Тагавур тебе приказал, ты иди!
Экрек говорит:
— Да ведь он спит беспробудным сном, давайте пойдем!
Гяуры в ответ:
— Какое там спит! Исподтишка глядит. Вот как вскочит он, да как разъярится, степь просторная тесной покажется!
Экрек говорит:
— Ну, тогда я один схожу, ноги-руки ему свяжу, а потом и вы придете, когда скажу.

Птицей на коня он взлетел, гяуров ряды оставляет, коня погоняет, к джигиту тому направляется. Потихоньку с коня слезает, поводья за иву цепляет. Смотрит, видит — на четырнадцатидневную луну похожий, такой молодой и пригожий, прекрасный, ясноглазый лежит джигит, крупными каплями пота, словно жемчугом скатым покрыт, и до того сладко спит, что не слышно, как дышит, а того, кто пришел, кто ушел, и не слышит. Он его обошел, в изголовье зашел, видит у того за спиной комуз. Он комуз достал, в руки взял. И запел, заиграл, а послушаем, хан мой, что он пел и играл:

Эй, джигит, не сидящий на месте, покоя не знающий,
Черногривых игривых коней, оседлав, погоняющий,
Только за ночь одну гору Аладаг покоряющий,
Рассекая волну, реку быструю переплывающий,
На чужбину попавшему можно ль полеживать-спать?
Или хочешь, как я, по рукам белым связанный
Во свином во хлеву на вонючем навозе лежать?
Заставляя рыдать и седого отца своего и свою седокудную мать.

Можно ль спать в этот час неурочный, джигит?

Приоткрой свои ясные очи, джигит!

Подними свою голову, юный герой!

Овладел крепкий сон богоданной душой.

О, не дай же врасплох тебя сонным застать!

Свои белые руки не дай же по локоть связать!

И седого отца своего и свою постаревшую мать

Не заставь по себе причитать, и рыдать, и страдать!

Кто б ты ни был, джигит, из Великих огузов джигит!

Встань создателя ради, покуда не поздно, джигит!

С четырех ты сторон окружен войском грозным, джигит!

Так и знай!

Тут наш юноша очнулся, живо вскочил, встrepенулcя. Сгоряча схватился было за рукоять меча, хотел ударить плеча. Глядит, а у того в руках комуз, и говорит:

— Вот что, гяур, только из почтения к комузу отца нашего Коркута я тебя не сразил! Не будь у тебя комуза, клянусь головою своего старшего брата, я бы тебя на куски изрубил!
Вырвал из рук у него комуз и сказывал, а посмотрим, хан мой, как сказывал:

Поднимался на ранней заре, ради брата вставал,
И буланных коней ради брата я ржать заставлял.
Есть ли в крепости пленник у вас? Ты скажи, чтоб я знал!
Я бы голову отдал, гяур, если б ты мне сказал!

Тут старший брат Экрек стал ему говорить, а посмотрим, хан мой, как говорить:

Умереть мне теперь за уста, что открыл ты, мой брат!
Умереть мне за речи, что ты говорил, о мой брат!
Где встаешь, где живешь, где смыкаешь усталые вежды?
На кого, заблудившись в ночи, уповаешь в надежде?
Кто твой хан, поднимающий крепкое знамя?
Кто в день битвы ведет тебя в пекло и пламя?
Кто отец твой, джигит? Говори мне открыто.
Мужу имя от мужа скрывать и позорно и стыдно!
О джигит, как зовут тебя? Имя джигита?!

И еще он говорил:

Ты не страж ли моих верениц, не погонщик ли?

Ты не страж ли коней, кобылиц, не табунщик ли?

Ты не страж ли баранов, овец, не пастушек ли?

Не прислужник ли мой, наконец, не наперсник ли мой в молодечестве?

Не оставленный ли в колыбели мой брат во младенчестве?

Кто ты мне, джигит, ты скажи, джигит, ты скажи мне?

Головою своей горемычною я пожертвую ныне!

И тут Секрек старшему брату сказывал, а посмотрим, хан мой, что сказывал:

Заблудившись в ночи, на аллаха мое упованье.

Поднимающий крепкое знамя, зовется мой хан Баяндуром.

А того, кто в день битвы идет впереди, называют Казаном Салуром.

Спросишь имя отца, прозывается он Ушун-Коджа.

Спросишь, как мое имя, отвечу Секрек.

Был и брат у меня, его звали Экрек.

И еще он сказывал, говорил:

Да, я страж верениц, я погонщик твой,
Страж коней, кобылиц, я табунщик твой,
Я оставленный в колыбели младший братец твой!

Старший брат Экрек стал говорить, а послушай, хан мой,
как говорить:

Умереть за уста, что ты, брат, открыл!

Умереть за слова, что ты, брат, говорил!

Как успел ты джигитом-героем стать?

Ты ль пришел на чужбину брата искать?

Тут два брата и поднялись, крепко друг с другом они обнялись. Наконец, повидались. А еще они расцеловались. Экрек младшего брата в шею поцеловал, Секрек у старшего брата руку облобызал.

А гяуры вдали стояли, глядели на них, рассуждали:

— Должно быть, борются! Погрядим — его или наша возьмет?

А потом спохватился, когда догадались, что они друг с другом-то обнимались. А потом видят, как они вместе коней богатырских своих оседлали, на гяуров черных одеждах коней погнались.

Тут братья мечи в ход пускают, гяуров одолевают, всех побивают, в крепость загоняют. А потом они назад возвращаются, в ту самую засеку снова врываются. В бубен громкий заколотили, лошадей напугали, всполошили, лошадей выводили, табун перед собой погнались. Так и угнали.

Край Дерешама прошли, три ночи, три дня они шли, к границам огузов, наконец, подошли.

Тут Секрек с тем, что он брата от кровавых гяуров избавил, вестника к отцу своему отправил. И велел сказать:

— Пусть выходит отец встречать!

К Ушун-Коджа прискакали. Сказали:

— С тебя подарок! Радуйся! Оба сына твои живы-здоровы вернулись.

Старик услышал, то-то возликовал. Барабаны гулкие забили. Золотые и медные трубы затрубили. В тот же день шатры кругом запестрили. Из коней — жеребцов, из верблюдов — самцов, из овец — баранов забить повелели.

Старый бек пошел сыновей встречать, стал с коня сходить, с сыновьями видаться, обнимать.

— Здоровы ли, невредимы ли, сыны? — стал вопрошать.

И вернулись они под золотой навес. Много было выпито,

съедено здесь. Старшему брату невесту лучше и краше нашли. Стали два брата друг другу на свадьбах дружками. В брачные шатры заторопились. Все желания исполнились их, они счастьем своим насладились.

Отец наш Коркут пришел, песнь спел, сказ сложил, так говорил:

— Долго ли, нет ли, жизнь продолжается, в конце ли, в начале все смертью кончается! И в смертный свой час нам от истинной веры да не отступить! И во имя нетленного, светлого имени Мухаммеда, каждый наш грех да простится! Да увидится лик божества тем, кем «аминь» говорится!

Хей, хан мой!

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

О КАЗАН-ХАНА
ПЛЕНЕННИ
И О СЫНОМ ЕГО
УЧУЗОМ СПАСЕННИ
ПОВЕДАЕТ

Было, хан мой!

Тагавур Трапезунда послал, над беками беку, хану Казану сокола. Однажды ночью, когда Казан пировал, он так своему сокольничему сказал:

— Завтра утром, пораньше вставши, возьмем сокола, поедем охотиться, никому не сказавши.

Жеребцов оседлали, на охоту поскакали. Видят: лебединая стая садится. Казан выпустил сокола, а сокол скрылся, назад не воротился. Высоко сокол летает, стали следить, где он сядет. А сокол полетел и на крепости Туманын и сел. Сильно Казан огорчился, за соколом вслед пустился, горы-доли прошел, в землю гяуров пришел. А в пути черными его очами сон овладел, он спать захотел.

Беки говорят:

— Хан мой, вернемся домой!

Казан говорит:

— Еще немного вперед пройдем.

И вот смотрит, видит, какая-то крепость стоит, и он говорит:

— Беки! Сон меня одолевает. Буду спать!

И сразил Казана сон. Сон, говорят, смерти младший брат. Прежде-то беки огузов по семи дней без просыпу спали, оттого малой смертью сон называли.

Между тем тагавур крепости Туманын на охоту выехал. Пришел его лазутчик и говорит:

— Всадников отряд появился у нас, среди них один бек крепко спит, развальясь. Тагавур послал людей:

— Кто такие, узнайте! — говорит.

Посланные узнали, что они из огузского воинства. Вернулись, тагавуру об этом сказали. Тотчас войско свое тагавур

выстроил и на них выступил. Смотрят беки Казана, видят, войско идет, говорят:

— Чем, Казан-хана оставивши, убежать и, домой вернувшись, ни чести, ни славы не знать, лучше нам всем здесь убитыми пасть.

С гяурами они сходились, с ними сразились. За Казана двадцать пять беков мучениками пали. Набросились гяуры на Казана, набежали, сонного схватили, руки-ноги путами крепко скрутили, на арбу взвалили, крепким арканом к арбе привязали, сами в арбу впряглись и назад подались.

А в пути Казан от скрипа арбы проснулся, а, проснувшись, как со сна потянулся, так путы на ногах и руках разорвал, поднялся, сел, хлопнул в ладоши и захохотал. Спрашивают гяуры:

— Чему смеешься?

Казан говорит:

— А я скрип арбы — за скрип своей колыбели принял, а вас — за мамок-нянек, старушек-толстушек принял.

Так Казана весь путь и тащили. Привезли в крепость Туманын и в глубокий колодец спустили. Жерло колодца жерновом звалили, через дыру в жернове Казана поили, кормили.

Однажды говорит жена тагавура:

— Что за Казан такой, надо пойти и мне поглядеть, что за муж, от которого столько приняли смерть?!

Пошла эта женщина, тюремщика позвала, велела темницу открыть, стала громко звать, вопрошать, говорить:

— Эй, Казан-бек, как поживаешь? Лучше жизнь твоя под землей иль на земле, как считаешь? Что ты ешь теперь, что ты пьешь теперь и на чем теперь едешь верхом?

Отвечает Казан:

— Ем я то, что на тризнах покойникам вы оставляете, а я у них отнимаю, на покойниках ваших, кто из них попроворнее, езжу верхом, погоняю, а ленивых веду в поводу, — говорит.

Жена тагавура говорит:

— Во имя веры твоей, бек Казан, на моей умершей семилетней дочери, сделай милость, не ездь верхом!

Казан говорит:

— Меж покойников нету ее проворней! Я всегда на ней езжу!

Женщина говорит:

— Вай! Горе какое! Ни живым на земле от тебя нет покоя, ни покойникам под землею!

Пришла, говорит тагавуру:

— Сделай милость! Выпусти ты татарина этого из колодца, он и там не уймется. Сломат он доченьке нашей родной поясницу. Он под землей на дочку верхом садится. И других покой-

ников в покое не оставляет, еду, что покойникам мы оставляем, он отбирает, съедает. Ни живые из нас, ни покойники наши покоя от него не узнают! Во имя веры твоей выпусти ты его из колодца, да поскорей!

Тагавур беков своих созвал и сказал:

— Пойдите, Казана из колодца поднимите. Скажите, пусть он славит нас! Пусть он клятву даст, что от огузов он отрекается и на землю нашу врагом не явится.

Они пошли, Казана из колодца подняли, привели, говорят:

— Клянись, что от огузов своих отрекаешься! Клянись, что на землю нашу больше врагом не явишься! А еще прославь нас, воспой, станешь нас хвалить, а огузов хулить — тогда отпустим, иди домой, — говорят.

Отвечает Казан:

— Ей-ей, клянусь, если путь увижу прямой, вовек не пойду я дорогой кривой!

Говорят гяуры:

— Воистину честную клятву дал Казан-хан! А теперь Казан-хан, спой, прославь нас, воспой.

Казан говорит:

— Я, на земле голой сидя, человека не прославляю. Приведите кого-нибудь, я его оседлаю. Пойдите-пойдите, приведите его, приведите. Я прославлю вас, если хотите!

Они пошли, гяура одного привели. И, как велел Казан, седло и узду принесли. На спину гяура он седло взвалил, узду в рот гяуру вложил, потянул за узду, на спину ему вскочил, оседлал гяура верхом, ударил пятками о гяуровы пятки, сломал ему хребет и лопатки, рванул за узду — рот разорвал, убив гяура, на земле распластал, как на войлоке сел и сказал:

— Слушайте, гяуры! Комуз мой принесите, прославлю вас, если хотите.

Пошли, комуз принесли. Казан в руки комуз свой взял, запел, заиграл, послушаем, хан мой, что он сказал:

В десять тысяч войско встретив, детская игра, считал.*
В двадцать тысяч войско встретив, и смущаться бы не стал.
В тридцать тысяч войско встретив, как траву косить ходил.
В сорок тысяч войско встретив, зорким оком поводил.
В пять десятков тысяч войску — пятерни не подавал.
В шесть десятков тысяч войско — их честить не начинал.
В семь десятков тысяч войско — все годил еще, держался!¹
В восемьдесят тысяч войско — в ужасе не содрогался.
В девяносто тысяч войско — латы я не надевал.

* В тексте — тысяча-тысяча.

Во сто тысяч войско встретив, в рост вставал, не отступал.
Всех лицом к лицу встречая, я выхватывал свой меч,
И во имя Мухаммеда принимался бить и сечь,
Вражьи головы, слетая, как шары катились с плеч!
И тогда «я — муж!» не хвастал, «я — герой!» не повторял,
И того, кто выхвалялся, никогда не одобрял.
Если я тебе попался, что ж, гяур, убить сумею,
Так, чтоб дважды не касался шеи меч твой, крепче бей!
Нет щита на меч поганый! Можешь резать, убивать!
Роду своему, народу я не стану изменять!

И еще Казан рассказывал, говорил:

Если скатывался камень, с гор высоких падал камень, падал,
с грохотом катясь,

Камню падать не дававшим, на плечах его державшим,
назывался я, Казан!

Если вспучивало землю и она ключом кипела, лопаюсь и
пузырюсь,

Земле лопнуть не дававшим, твердь пятою уминавшим,
назывался я, Казан!

Если смуты затевали грубияны и смутьяны, затевали и
не раз,

Смуты плетью побивавшим, бунт кнутами усмиравшим,
назывался я, Казан!

И пастух с дороги сбился...

А когда туман сгустился,

Где-то воин заблудился,

И не видел сам два дня

Ухо своего коня,

Заблудившихся спасавшим, всем дорогу указавшим,
оказался я, Казан!

А с драконом семиглавым, как сражался я, Казан?

От ужасного виденья левый глаз мой слезы лил.

«Глаз негодный, глаз трусливый» — так я глазу говорил. —

«И чего ты испугался? Всего-навсего — змея!»

Или я, Казан, не я?

И тогда «я — муж!» не хвастал, «я — герой!» не повторял,

И того, кто похвалялся, никогда не одобрял.

Если я тебе попался, что ж, гяур, убить сумею,

Так, чтоб дважды не касался шеи меч твой, крепче бей!

Нет щита на меч поганый! Можешь смело убивать.

Роду своему, народу я не стану изменять.

И пока живут огузы, не тебя мне прославлять!

И еще он рассказывал, говорил:

В отдаленной долине низкой, омываемой морем Индийским*,

* В оригинале — Омманское море

В недоступных местах расселился, прилепился город гяур-
ский.

Влево-вправо мечутся, плещут и везде пловцы рассылаются.

На дне моря чего-то ищут, в глубину ловцы опускаются.

Под водой они раскрывают рты, «я — есмь бог!» кричат,
перекликаются,

Там неправду чтут, девы-жены — лгут, пишешь белое,
черным читают.

Сунджудана беки — на плуте плут, в золотые бабки играют.

Наш Огуз шесть раз приходил их взять, да не мог, не взял,

А с шестью людьми я пришел, Казан,

И за срок в шесть дней я их крепость взял.

Там, где храм стоял, там мечеть стоит.

Там, где поп кадил, муэдзин кричит.

Подо мной их девы вились вьюном.

Кто их беком был, стал моим рабом.

И тогда «я муж!» не хвастал, «я герой!» не повторял,

И того, кто похвалялся, никогда не одобрял.

Раз уж я тебе попался, что ж, гяур, скорей убей,

Так, чтоб дважды не касался шеи меч твой!

Ну же, бей!

Нет щита на меч поганый, можешь смело убивать,

Роду своему, народу я не стану изменять.

И снова он рассказывал, говорил:

Тот, кому теперь нет места,

Твой отец, гяур, узнал?

Дочь твоя или невеста

Та, кого я силой взял.

Так в Акча-Калу, в Сюрмелю скакуна я понукал,

Что верхом в страну Каруна скоро-скоро доскакал.

Ак-Хисарскую твердыню я разрушил, сокрушил.

Бело серебро давали, говорил: деньга, пустяк!

Красно золото давали, говорил: гроши, медяк!

Дочерьми соблазняли, светлооки, хороши.

Только я не соблазнился, я не продал им души.

Там, где храм стоял когда-то, там мечеть стоит сейчас.

Много серебра и злата я награбил в этот раз.

И тогда — «я — муж!» — не хвастал, «я — герой!» — не
повторял,

И того, кто похвалялся, никогда не одобрял.

Раз уж я тебе попался, что ж, гяур, скорей убей,

Нет щита на меч поганый, можешь смело убивать.

Роду своему, народу я не стану изменять.

И потом он еще рассказывал, говорил:

С тигром, живущим на белых холмах — одного я корня
и рода.

Чтобы джейранам у вас не дремалось.

С львом, что в белых живет камышах — одного я корня
и рода,

Чтобы коням вашим не стоялось.

С волком, воющим на луну — одного я корня и рода,
Чтобы стадам вашим не лежалось.

С кречетом белым, что в небе кружит — одного я корня
и рода,

Чтобы гусям вашим не леталось.

Знайте, есть сын у меня — Уруз,

Знайте, есть брат у меня — Кара-Гюне, из Великих Огузов
рода.

Чтоб из племени вашего ни одного
Новорожденного не осталось!

Если я тебе попался, что ж, гяур, убить сумею,

Нет счита на меч поганый — не убьешь, я сам убью!

Роду своему, народу никогда не изменю!

И еще он сказывал, говорил:

Эй ты, чья речь, как лай собачий злобный,

Эй ты, чья пища — труп свиньи зловонной,

Ты, чья постель — с соломою мешок,

Ты, чья подушка — кирпича кусок,

И деревяшка струганая — бог! —

Как смеешь мне, гяур, условие ставить?

Огузы есть, и не тебя мне славить.

Убьешь, убей сейчас! Не мучай, говорю!

А не убьешь, как бог пошлет мне случай, я сам тебя убью!

Гяуры говорят:

— Он не стал нас славить, надо его убить.

Беки гяуров собрались, пришли, снова стали судить да
рядить, как им быть:

— У него есть сын. У него есть брат. Нельзя его убивать.

Решили.

Отвели Казана в свиной хлев. Заперли в темницу.

Конь на скаку споткнется, а певец поет не запнется. Никто
и не знал, жив ли, умер ли Казан?

Между тем, хан мой, сын Казана, что был юнцом, вырос,
стал джигитом, стал молодцом.

Однажды, сев на коня, он в диван на совет прискакал, и
там некий муж ему и сказал:

— Разве ты не сын Казан-хана? — говорит.

Рассердился Уруз, говорит:

— Скажи, сын негодного, тогда сам, разве отец мой не
Баяндур-хан?

— Отвечает:

— Нет, он отец твой по матери, а тебе дедом приходится.

Уруз:

— Скажи, жив ли отец мой или нет? А если жив, где нахо-
дится?

А тот говорит:

— Жив. В плену он, в крепости Туманын сидит.

Слыша эти слова, юноша огорчился и прослезился. Повернул
коня, назад воротился, к матери пришел, к матери обратился:
и матери так говорил, а послушай, хан мой, как говорил:

Слушай, мать, я сыном Баяндур-хана считался,

А сыном Казан-хана оказался!

Слушай, дочь негодяя,

Почему я об этом не знаю?

Не будь право матери правом бога,

Я бы не мешкал долго,

Выхватил бы миглом булатный свой меч,

Ты и ахнуть бы не успела, как слетела б твоя голова рас-
прекрасная с плеч.

Алую кровь твою наземь бы пролил.

Его мать, горько заплакавши, так отвечала:

— Сын мой, жив твой отец, от тебя я это скрывала. Но как
быть? Я боялась тебе говорить, боялась, войной на гяуров пой-
дешь, отца не спасешь и сам пропадешь. Потому я и не говорила,
жалко терять тебя было, — так сказала и еще продолжала:

— Пошли человека к дяде, брату отца, посмотрим, что он
скажет.

Послал он к дяде человека, позвал. Тот пришел. Уруз ему
и сказал:

— Я в крепость иду, из плена отца выручать.

Они сидели, рядили, как поступить решили. Беков всех
известили:

— Уруз отца выручать собирается, пусть каждый воору-
жается.

Сказали. Войско набрали, пришли.

Сложил шатры свой храбрый Уруз, навьючил на мулов,
верблюдов оружия тяжкий груз. Кара-Гюне встал войска во
главе, в трубы трубят, поднимаются, в путь отправляются.

И вот на пути им гяурский храм повстречался, Айя-Софией²
он назывался. Монахами охранялся. Храм неприступный, мощ-
ный, как крепость. Они спешили, в одежды купцов переодо-
лись. Как торговцы мулов, верблюдов караванов они повели,
к крепости подошли.

Гяуры видят, что пришедшие на купцов не похожи. Убежали, в крепость вошли, ворота закрыли, на башню поднялись и спросили:

— Кто такие?

Они говорят:

— Мы торговые люди.

Гяуры:

— Лжете, — закричали. И камнями их забросали.

Уруз спешил, говорит:

— Эй! Вы, из золотых кубков отца моего вино пившие! Вы, меня как отца моего возлюбившие! С коней сходите, пойдите, ударьте разом палицами по этим воротам.

Шестнадцать джигитов, гаркнув, с коней соскочили. Щитами себя прикрыли, палицы на плечи взвалили, к воротам подошли, разом ударили палицами и мигом ворота разбили, вошли в крепость, гяуров всех перебили, какие там были, да так, что они о беде своей никого не известили. Добро их растащили. Назад воротились, станом стали, расположились.

Между тем там был один пастух, он увидел, что крепость Айя-София взята, убежал, принес тагавуру весть, рассказал все, как есть. Тагавур закричал:

— Что ж вы сиднем сидите! На нас враг пришел, доставайте оружие, готовьтесь к защите!

Тагавур беков своих собрал:

— Как нам их одолеть? — спрашивает.

Отвечают беки:

— Чтобы их одолеть, надо Казана освободить, против них выставить.

Это решение разумным признали. Пошли, Казан-хана освободили, к Тагавуру привели. Тагавур говорит:

— Бек Казан! На нас враг напал. Если ты нас от этого врага избавишь, свободу получишь, — говорит. — Мы и дань согласны платить, а ты клятву дай, что врагом на землю нашу не явишься.

Казан говорит:

— Ей-ей, клянусь! Если путь увижу прямой, вовек не пойду я дорогой кривой.

— Казан честно поклялся! — сказали гяуры, обрадовались.

Тагавур войско собрал, на поле битвы поскакал. Поставил шатер. Вокруг шатра дозор. Войско гяуров собралось вокруг Казана. Принесли Казану латы, дали ему меч, копье, палицу и другие воинские доспехи. Одели.

Тут отряд за отрядом огузы прискакали. В барабаны гулкие забили, в тамбурины звонкие застучали. Видит Казан, впереди войска в железной броне скачет бек на светло-сером коне, с белым знаменем. Ставит свой боевой шатер, разворачивает

отряд и встает в свой ряд. Вслед за ним Кара-Гюне развернул отряд и встал в свой ряд.

Тотчас Казан коня на поле боя погнал, громким позыком поединщика вызывал. Всадник на сером коне бек Бейрек вышел на поле боя.

И тут Казан говорил, а послушай, хан мой, что говорил:

Эй, кто с места встает, поднимается,
Кто таков, джигит?
В латы крепкие, броню облачается,
Кто таков, джигит?
Как зовут тебя, мне скажи, джигит?

Тут Бейрек так говорил:
Иль не знаешь меня, гяур вопрошающий?
Я, как птица, из темницы Байбурт улетающий,
Я невесту свою у чужих женихов отбивающий,
Сыном Байбура-хана Бамси Бейреком себя называющий!
Выходи на бой! И кто бился с тобой, ты узнаешь еще.

Тут Казан еще говорил, так его спрашивал:

— А скажи, джигит, чей отряд впереди всего войска стоит?
Чей шатер впереди белеет? Чей джигит перед войском в железной броне, с белым знаменем, на светло-сером коне гарцует? Какого он роду-племени? Ты скажи-ка мне! Ради жизни своей, не откажи мне!

Бейрек говорит:

— Слушай, гяур! Какого ему быть роду-племени? Нашего бека Казана сын.

Казан про себя сказал:

— Слава Аллаху, мой мальчик вырос, хоть был юнцом. Стал мужем великим, стал храбрецом.

А Бейрек говорит:

— Нечего, гяур, о том да о сем болтать!

И стал на Казана коня своего гнать. Палицу-шестопер поднимать, чтобы Казана ею достать. А Казан, не давая себя узнать, руку в запястье перехватил из рук его палицу вырвал, да по затылку Бейрека двинул.

Бейрек на шею коня склонился, за шею коня руками схватился, назад повернул, вспять обратился.

Казан говорит:

— Иди, Бейрек, бека своего позови, пусть он придет.

Видя такое, сын Эйлик-Коджи старший, ни перед кем назад не отступавший, Дулек-Эврэн вышел на поле боя.

И тут Казан говорил и так говорил:

Эй, джигит, на рассвете глаза открывающий!

Кто таков, джигит?
Скакуна богатырского быстро седлающий!
Кто таков, джигит?
Мужу имя свое от мужа скрывать
И позор, и стыд.
Как зовут тебя, как твое имя, джигит?

Дулек-Эврэн говорит:

Что, гяур, вопрошаешь?
Или меня не знаешь?
Я тот, кто помедлить позором считал,
Кто родину покидал,
Кто ключами пятидесяти крепостей обладал,
Кто назад еще не отступал.

Сын Эйлик-Коджи, кого называют Дулек-Эврэн.

Он взял в руки копьё, погнал коня, хотел Казана копьём пронзить, не пронзил, промахнулся. А Казан коня хлестнул, выбил копьё из рук Дулека, об голову его копьё изломал, разлетелось копьё в щепё. Говорит Казан:

— Эй, сын недостойного, пойдё, скажи своему беку, пусть он придёт!

И вернулся Дулек-Эврэн назад.

Снова Казан поединщика вызывает. Видя такое, сын Дозана, Алп-Рустам коня погнал, вышел на поле боя.

И снова Казан заговорил и так говорил:

Эй, кто с места встав, поднимается,
Кто таков, джигит?
На гнедом, на коне красуется,
Кто таков, джигит?
Как зовут тебя, как твое имя, джигит?

Алп-Рустам говорит:

— Я не раз в походы ходивший, я двух своих братьев-младенцев убивший, я никем не прощенный и себя не простивший, сын Дузана, тот, кого Алп-Рустам называют.

И он коня на Казана погнал, хотел его взять, одолеть, но не взял.

Казан и ему свой удар нанес. Говорит:

— Слушай, негодный, иди и скажи своему беку, чтоб пришёл.

Рустам тоже поле боя покинул. Снова стал поединщика звать Казан.

Поводья коня Уруза его дядя Кара-Гюне держал, да не удержал. Уруз поводья вырвал, меч свой вынул, погнал коня на отца и, не видя его лица, на всем скаку ударил мечом по плечу

Латы Казану пробил, в глубину на четыре пальца плечо раз-
рубил. Алая кровь зажурчала, за пазуху побежала.

Уруз, проскакав, вновь обратил коня, чтобы еще раз ударить.
Тут Казан стал сына звать, призывать, а посмотрим, хан мой,
как призывать:

О вершина гор моих черных — сын!
Свет очей моих помраченных — сын!
Лев-Уруз, сын Уруз, богатырь Уруз!
Не губи ты отца-старика, Уруз!

Сжалось сердце Уруза от нежности и от жалости. Очи чер-
но-раскосые кровавой слезой заливаются. Он с коня слезает,
руку отца лобызает. Уже беки огузов к Казану с сыном скачут,
спешат, встали крегом, стоят. С коней слезают, руку Казану
и они лобызают. И снова, поднявшись в седло, коней на гяуров
погнали. Мечами по ним ударяли. Ни в горах, ни в долах гяу-
рам пощады они не давали. Крепость взяли, храм разрушили
и там же мечеть основали.

Так Уруз из кровавых гяуровых рук отца вырвал, от плена
избавил. И к становьям Дальних огузов коней своих войско
направил. Белолицей же матушке вестников добрых отправил.
Лебедицы, невесты-девицы выходили, Казана встречали, руку
его целовали, к ногам его припадали, а потом луг прекрасный
шатрами они уставляли. И семь дней, семь ночей ели-пили они,
пировали.

Пришел отец наш Коркут, на комузе своем заиграл. И о том,
что случилось, что случилось с воителями, сказал:

Где вы, герои, прославленные и победившие?

Где они — «мой весь мир!» говорившие?

Смерть забирает, земля сокрывает.

Кому бранный мир остается? Кто знает?

О мир, где приход и уход в свой черед!

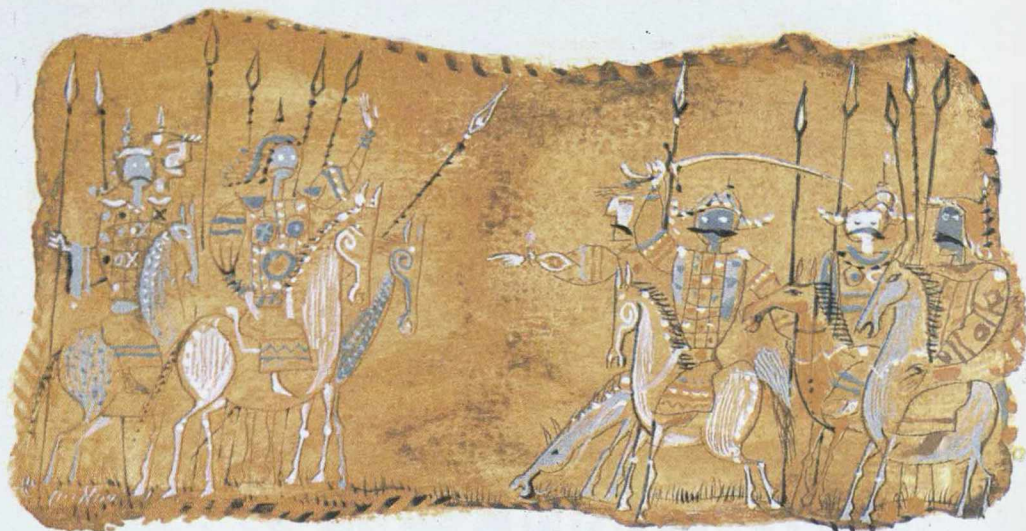
О жизнь, где и жизни конец настает!

Чтоб и в смертный свой час ты от истинной веры не мог от-
ступиться! Чтоб всевышний хранил тебя от искушенья врагу
поклониться! Пусть молитва из слов из пяти сотворенная, бу-
дет услышана, и да крепится! Пусть увидится лик божества
тому, кем аминь говорится! И, во имя Мухаммеда, каждый
твой грех да простится!

Хей, хан мой!

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

ОБ ОТЛОЖЕННЫХ
ДАЛЬНИХ ОРУЗОВ
ОТ БЛИЖНИХ ОРУЗОВ
И УБИЕННЫХ БЕШРЕКА
ПОВЕДАЕТ

Как собирались два рода-племени, племя Трех Стрел, племя Сломанных Стрел, отдавал Казан свой дом на раздел его, на разграбление! Вот опять Казан на раздел свой дом, как всегда, отдал. Только Дальний Огуз при том не был. Все разграбил Ближний Огуз, все взял, а другим поживиться не дал.

Перед тем как дом на раздел отдать, брал Казан жену свою за руку, уходил с ней в степь из становья вон... А потом уже грабили его дом.

Беки Дальних огузов Аруз, Эмен и другие беки про это услышали.

И сказали так:

— Ты гляди! Гляди! Это как же так? Мы всегда на раздел ходили. Почему же теперь нас не позвал Казан? Почему нас теперь обделили?

Беки Дальних огузов озлились, и впредь не ходить сговорились. Потому и не приходили. Тем вражду свою проявили. Был человек при Казане, Кылбаш его звали. Говорит Казан:

— А скажи, Кылбаш, беки Дальних огузов с дядькой моим приходили всегда, почему теперь не явились?

Отвечает Кылбаш:

— Почему не явились, иль не знаешь сам? Дома твоего был раздел, а Дальних огузов не было там. Вся причина, что там их тогда не было.

Спрашивает Казан:

— Уж не распря ль они замышляют?

Отвечает Кылбаш:

— Прикажи, мой хан, я пойду к ним сам, нам друзья они или нам враги — разужаю.

Говорит Казан:

— Тебе лучше знать, как поступать! А хочешь — ступай, разузнай!

Взял Кылбаш с собой немного людей, сели они на коней. К дядьке Казана Арузу пришли.

Поставил Аруз балдахин золотой. Сидел, окруженный друзьями, родней.

Тут Кылбаш к нему и явился. Приветствовал, поклонился. Его пригласили. Указали место. Усадили.

Говорит Кылбаш:

— У Казана беда! Просит дядьку Аруза на помощь прийти, как всегда. И сказал Казан, чтобы я передал — «Ой, беда на мою горемычную голову с неба свалилась! Набежали набегом враги, войско грозное против меня ополчилось! Вереницы верблюдов рудых моих громко режут! Табуны скакунов моих быстрых всполошились и ржут! Мою дочь-лебедицу, невесту-девицу в полон ведут! Пусть придет мой дядька Аруз и беду от меня отведет!»

Отвечает Аруз:

— Эй, Кылбаш! А когда собирались два рода, два племени, род Трех Стрел и род Сломанных Стрел, и Казан отдавал им свой дом на раздел-разграбление, в чем же мы провинились, что при этом разделе лишь мы не случились? Пусть отныне всегда у Казана беда приключается! Пусть Аруз, его дядька по матери, лихом ему поминается! Не поможем ему, если он нами пренебрегает! Мы Казану враги, передай, пусть он знает!

И сказал тут Кылбаш, а послушай-ка, хан мой, что он сказал:

Эй, негодный!

Как поднявшись вставал Казан-хан всегда, так вставал и сегодня.

Как всегда, на горах и шатер и палатки его поднимались, Как всегда, на беседу к нему триста шестьдесят шесть его воинов храбрых собирались.

Меж едой и питьем о тебе они лишь вспоминали.

Знай, на нас никакие враги нынче не нападали.

Я пришел испытать тебя, друг ли ты, враг ли ты?

А теперь, что ты враг, я доподлинно знаю.

Встал, сказал:

— Будь здоров!

Да и был таков!

Так Аруз помрачнел, как еще не бывало. К бекам Дальних огузов людей разослал он. Пусть придет Алп-Рустам и Эмен пусть придет, кто ж не прийти посмеет? И Дулек-Эврэн пусть придет, кто в бою отступать не умеет, и иные пусть придут, и все беки огузов придут остальные!

Беки огузов пришли к нему, собрались. По велению Аруза на равнине шатры разноцветные запестрели и вмиг поднялись. Из коней — жеребцов, из верблюдов — самцов, из овец — баранов резать повелевает. Пир затевает.

Беков Дальних огузов почтил, напоил, накормил. А потом говорит:

— А не знаете, беки, почему я вас нынче созвал?

Отвечают:

— Не знаем!

Говорит Аруз:

— Казан к нам Кылбаша подослал. «Ой, беда на мою горемычную голову с неба свалилась», — сказал. «Войско грозное против меня ополчилось» — сказал. «Набежали набегом враги! Помоги! Пусть мой дядька Аруз мне на помощь придет, как всегда! У Казана — беда» — сказал. А я говорю Кылбашу: — Прежде, когда Казан отдавал свой дом на разграбление, не гнушался он Дальних огузов племенем. Беки наши всегда там бывали, Казану честь воздавали.

Спрашивает Эмен:

— Ну и что ты ему ответил?

Отвечает Аруз:

— А так и сказал — негодяй! Мы — Казану враги, так ему и передай!

Эмен говорит:

— Славно сказано!

Аруз спрашивает:

— А вы, беки, что скажете?

Отвечают беки:

— А что нам сказать? Коли стал ты Казану врагом, то и нам с ним в друзьях не бывать!

Аруз достает Писание. Беки руки свои на Писание возлагают, быть Казану врагом клятвенно обещают.

— Мы друзья твоим друзьям, мы враги твоим врагам! — так они все сказали.

Аруз халатами беков всех одарил, вернулся и снова заговорил:

— Беки! Теперь я хочу сказать о Бейреке! У него жена из нашего племени. Он нам зять. Но Казана доверенный человек. Надо его позвать, заманить, разузнать. Помири-ка с Казаном нас, сказать. Хорошо, коли он за нас, а не за нас — так я его за бороду ухвачу, а вы предайте его мечу! Бейрека, если он против, надо убрать. Он — помеха. Если он с нами — тогда в нашем деле с Казаном можно ждать и успеха.

Бумагу Бейреку послали. Бейрека дома застали. В шатре он своим сидел, с джигитами пил и ел. Приходит человек от

Аруза, говорит Бейреку — «Салам!», а Бейрек отвечает — «И вам!»

Тот ему говорит:

— Хан! Аруз посылает привет свой вам! Просит оказать ему милость, явиться, помочь с Казаном нам помириться!

Бейрек говорит:

— Добро!

Коней оседлали и поскакали. С сорока джигитами к Арузу явился. Бекам Дальних огузов, сидевшим в кругу, поклонился.

Говорит Бейреку Аруз:

— Знаешь ли ты, Бейрек, зачем я тебя позвал?

Бейрек отвечает:

— А зачем позвал?

Аруз говорит:

— Все беки, сидящие здесь, стали Казану врагами! От него отложились и в том поклялись.

Принесли Писание, говорит Аруз:

— И ты поклянись!

— Клянусь! — ответил Бейрек. — От Казана я не отложусь!

И сказал:

Казана щедротами я ль не кормился?

Скажу что не так, поперек горла встанут!

На добрых коней его я ль не садился?

Скажу, что не так, они гробом мне станут!

В кафтан его пышный не раз одевался.

Скажу, что не так, пусть мне саваном станет!

В шатре его пестром сидел-прохлаждался,

Скажу, что не так, пусть темницей мне станет!

Чтоб я от Казана теперь отложился?

Вовеки Бейрек в этом клясться не станет!

Аруз разгневался, схватил Бейрека за бороду. Никто из беков руку на него не поднял. Что Аруз разгневался, Бейрек понял и стал говорить, а послушай, хан мой, как говорить:

Ах, Аруз!

Что дело такое затеял ты, знал бы,

Коня боевого уж я оседлал бы,

В броню свое тело уж я заковал бы,

Булатным мечом себя опоясал бы,

И шлемом с забралом главу прикрывал бы,

Копье тростниковое в руки я взял бы,

Джигитов своих светлооких собрал бы!

Негодный!

Да знай я, что ты затеваешь, не так бы,

Не так бы к тебе я сегодня явился!

Коварством, обманом — мужей ловят бабы,
У бабы своей, что ли, этому ты научился?

Аруз говорит:

— Не болтай языком, говори напрямиком! Или крови своей желаешь? Покорись! Поклянись!

Отвечает Бейрек:

— Аллах! Видишь сам, я за Казана голову свою отдам! Не отложусь от него, ей-ей! Разруби хоть на сто частей!

Тут Аруз от гнева так распалился, что за бороду Бейрека схватился. На беков других оглядывается, видит, у них рука не поднимается. Булатный свой меч обнажает и Бейрека мечом поражает. Правое бедро ему разрубает, кровью черной его заливает. Голова Бейрека склонилась, и поникла, и опустилась. Беки все растерялись, кто куда разбежались. Конные на конях, пешие на ногах оказались. На коня Бейрека взвалили, седока за спиной посадили, чтоб его в седле удержать, а сами — бежать! Так Бейрека домой доставляли, его тело армяком прикрывали.

И говорил тут Бейрек, так говорил:

Поднимайтесь, джигиты, вставайте вы!

Хвост коню моему отрезайте вы!

Аладаг гору перевалите вы!

Реку быструю переплывите вы!

В стан Казана скорей скачите вы!

Белый цвет на черный смените вы!

Долго жить приказал Бейрек! Так скажите вы!

А еще ему то поведайте:

— Что от твоего дядьки Аруза человек пришел. Что Бейрека он звал, а Бейрек встал и к нему пошел. Беки Дальних огузов собрались, он не знал, что они от тебя отреклись. Что во время еды-пития приносили они Писание, и на нем что они отреклись — поклялись! И сказали Бейреку, и ты клянись! Но Бейрек клясться не стал. «Не отрекись от Казана» — сказал. Что неверный Аруз в таком гнев был, что Бейрека он мечом зарубил. Что Бейрек кровью своей заливается, голова его не поднимается. Вот, скажите, какая стряслась беда! Коль оставит Казан кровь Бейрека теперь неотмщенной, в судный день я явлюсь ему из преисподней!

И еще он говорил:

О, джигиты мои!

А пока сын Аруза Басат не пришел нападением,

И пока мое племя, мой род не подверг избиению,

И пока вереницы верблюдов моих не зарывкали,

И пока мои гончие псы не затыкали.

И коней вороных не слышалось ржание,
Белорунных овец не слышать блекотания,
И пока не забрал сын Аруза Басат белолицую женушку,
И пока не насильничал дочь мою, деву-лебедушку,
И пока не предал мое племя, мой род истреблению,
Пусть Казан поспешит, и не будет Арузу прощения!
Кровь моя пролилась и взывает к отмщению!
Пусть за сына возьмет мою дочь, белолицую деву-красавицу,
Пусть исполнит свой долг перед богом, за все рассчитается!
А Бейреком — владыка владык, шахов шах —
Бог один теперь распоряжается!

Отца-мать Бейрека известили. У шатра его белого закричали, заголосили. Его дочь, лебедица-девица, белое платье снимала, черное надевала. Его серому жеребцу хвост обрезали. Его сорок-полста джигитов белое платье снимали, черное надевали, зеленой чалмой головы обмотали. К Казан-беку они приходили. Чалму с головы срывали, оземь бросали. «О Бейрек, Бейрек!» — причитали. Казан-беку руку целовали.

— Долго жить тебе приказал Бейрек! — говорили. Негодяй твой дядька гонца прислал, нас обманом коварным к себе зазвал. Мы пошли. Беки Дальних огузов от тебя отложились. А мы и не знали. Писание принесли, «Мы Казану враги!» — сказали. «Как мы отложились — так и вы отложитесь! Как мы поклялись — так и вы поклянитесь!» Но Бейрек хлеба-соли твоей не топтал, клясться не стал. Негодный твой дядька Аруз в гневе был. На мисте Бейрека мечом зарубил, одно бедро ему отрубил. Долго жить приказал Бейрек! Бог Бейрека прибрал. «Не прощай мою кровь Арузу!» — говорят они, — он перед смертью сказал.

Как Казан эту весть услышал, в руки утирку взял, навзрыд зарыдал, в Великом диване его плач стоял. Кто из беков там ни был, всяк горевал. Казан пошел, в шатер свой вошел, семь дней из него в диван не выходил, сидел, слезы лил. Тут все беки сходились, в Великий диван явились. Брат Казана Кара-Гюне и говорит:

— Эй, Кылбаш! Ступай, попроси Казана прийти! И скажи: выбыл из наших рядов герой, да еще какой! Стоял за тебя горой, и еще завещал, чтоб ты кровь его пролитую не прощай! Воздай же врагу по чести, да падет на него возмездье!

Кылбаш говорит:

— Ты ему брат, поди! Так ты и иди!

В конце концов пошли вдвоем. В шатер Казана вошли, приветствие произнесли:

— Здравствуй! — сказали, — хан! Выбыл из наших рядов герой, за тебя стоял он горой. Пора за него отомстить! Он тебе завещал, чтоб ты кровь его не прощал! Полно плакать! Много ли проку в слезах? Встань, поднимись! Подумать пора о делах.

Отвечает Казан:

— Добро! Ну-ка, скоро и дружно ступайте в мою оружейню! Беков скликайте, коней седлайте!

Беки на коней вскочили. Казану его каурого подвели, посадили. Барабаны забили, трубы затрубили, день ли, ночь ли, времени не теряли, поскакали.

Арузу и всем бекам Дальних огузов это известно стало. «Сам Казан идет!» — весть побежала.

Они тоже велели в трубы трубить, против Казана на бой выходить. Племена Трех Стрел и Сломанных Стрел сошлись, соединились в рать.

Аруз говорит:

— Пусть из Ближних огузов моим поединщиком будет Казан!

Эмен говорит:

— Пусть моим поединщиком будет Терс-Узамыш!

Алп-Рустам говорит:

— Пусть моим поединщиком будет сын Годжа Энсе Охчу!

И каждый из них поединщика себе выбрал.

Полки сомкнулись, войска подтянулись. Трубы затрубили, барабаны забили.

На попроще Аруз-Коджа поскакал и позыком громким Казана позвал:

— Эй, негодный! Ты поединщик мой! Выходи на бой! — закричал.

Казан щит над собою поднял, копье в руки взял. Лицом к лицу к противнику встал и сказал:

— Ах, негодяй! Вот уж мне придется тебе показать, как подлым коварством мужей убивать!

Аруз на Казана коня припускает. Казана мечом своим ударяет. Казана мечом не задел, не коснулся, Аруз промахнулся. Но вот наступает Казана черед. Он копье поднимает, во врага посылает. И, как молией, этим копьем поражает. Грудь Аруза насквозь он пронзает. На землю с коня Аруз-Коджа летит. И брату Казан, знак подавши, велит:

— Сруби ему голову! — говорит.

Тут Кара-Гюне с коня соскочил, голову Арузу срубил.

Видя дело такое, беки Дальних огузов все разом с коней сплезали, в ноги Казану упали, простить им вину умоляли, руку ему целовали.

Казан их вину им простил. За кровь Бейрека дядьке он отомстил.

В стан Аруза они поспешили, все разграбили, всех истребили, меж беков, джигитов добычу свою разделили.

И опять на зеленом лугу забелели Казана шатры. И опять задавал он в шатре своем бекам пиры.

Отец наш Коркут приходил, победную песнь заводил. Об испытаньях, на долю воителей выпавших, он рассказывал, говорил:

Где вы, герои, воспетые и победившие!

Где они — «мой весь мир!» говорившие?

Смерть забирает, земля сокрывает.

Кому бранный мир остается? Кто знает?

О мир, где приход и уход в свой черед!

О жизнь, где и жизни конец настает!

О смерть, долгой жизни последняя мука.

О смерть, последняя в жизни разлука!

Благословлю тебя, хан! Чтоб и в смертный твой час ты от истинной веры не мог отступить! Да обретет белободный отец твой престол и в небесном краю! Да обретет седокудрая мать твоя место в раю! Да не заставит всевышний тебя поклониться

врагу! Наша молитва, из слов из пяти сотворенная, ради прекрасного белого лба твоего, да услышится! Пусть увидится лик божества тем, кем аминь говорится! Да святится она! Да крепится!

И во имя светлого имени Мухаммеда, каждый твой грех да простится!

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

ПРЕДПОСЛАНИЕ

1. *Джигит*. В оригинале везде «игит». Для русскоязычного читателя более знакомо общекавказское «джигит», по сути, то же самое слово, означающее — воин, храбрец, герой.
 2. *Абу-Бекр* — первый халиф, отец любимой жены Мухаммеда, Айши.
 3. *Амма* — «о чем?», первое слово 78-й суры Корана.
 4. *Сура* — стих Корана.
 5. *Ясин* — 36-я сура Корана, читаемая наиболее часто, в том числе и как отходная, когда отпевают покойника.
 6. *Али* — четвертый халиф, двоюродный брат Мухаммеда, муж его дочери Фатимы.
 7. *Язид* — омейядский халиф, правил с 680 по 683 год.
 8. *Хасан и Хусейн* — сыновья Али, наиболее почитаемые имамы у шиитов.
 9. *Осман (Усман)* — третий халиф, при нем был составлен канонический текст Корана.
 10. *Мекка* — священный город мусульман в Саудовской Аравии.
 11. *Проповедь* — в оригинале «хутба» — пятничная молитва, читаемая во время богослужения.
 12. *Айша и Фатима* — жена и дочь Мухаммеда, обе являются примером совершенной женщины у мусульман.
 13. *Яшмак* — женское покрывало, оставляющее открытыми только глаза.
- Стр. 5 * Эти две строки — «Сойдуран сойдур» и «Дойдуран тойдур» — исходя из поэтического строя эпоса (например, «Бой бойланды», «Сой сойланды») позволяют прочитать их как «Сойдуран сойдур» и «Дойдуран тойдур».

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1. Дальние огузы и Ближние огузы — в оригинале «ич огуз» и «даш огуз», что в дословном переводе означает внутренние огузы и внешние огузы, существовавшее разделение огузских племен.
2. *Гяур* — немусульманин, *кафир* — неверный, враг, иноверец.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1. «*Таджевар*» — венценосец (*персид.*).
2. *Азнавур* — дворянин, князь, благородный человек.
3. *Тутам* — мера длины, примерно, два вершка. 60 тутамов — 3 метра.
4. *Тандыр* — круглая земляная печь, в которой пекут хлеб.
5. «Кто застал наготове свадебные шатры...» — намек на героя следующего сказания Бейрека.
6. *Алп* — витязь.
7. Покорно пройти под мечом — сдаться на милость победителя.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

1. *Рум* — Византия.
2. Крепость Пасинук — вероятнее всего, название округа Басин в Турции.
3. *Великое имя* — сура из Корана. Имеется в виду одно из многочисленных имен аллаха.
4. В оригинале — Этот лук годится, чтоб убивать на голом месте жаворонка.
5. В оригинале непереводимая игра слов, хотя можно фразу «тул тулара кирдигим» перевести как «в налучь из налучи вдетый мной», если согласиться что «тул» — часть сагадака, лучного снаряжения, а именно, футляр для лука. Тул — тюркское слово, перешедшее и в русский.
6. ...из вражеских рук — то есть у дохаров, у кого Бейрек отнял в бою свой лук.
7. *Вожак* — купцы, нашедшие Бейрека.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1. *Тумень* — единица административного деления покоренных областей, плативших дань.
2. В оригинале — «абгазы», что может быть только условно принято, как абхазы.
3. *Попона* — так презрительно названа ряса.
4. *Супостат* — имеется в виду набегчик, постоянный враг.
5. *Гора Арафат* — священная гора в окрестностях Мекки, на которой, по преданию, Адам познал Еву. «Арафа» по-арабски — познать.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

1. *До Рума и Шама* — до Византии и Сирии.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

1. *Ага* — мера пути, приблизительно 8 верст. Однако, у разных тюркоязычных племен она разная (от 8 верст до 15 вершков).
2. *Снюхивались* — древний обычай кочевых народов.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

1. Строка из 112 суры Корана.
2. *Нимврод* — легендарный царь, объявивший себя богом. По преданию, пустил стрелу в небо, чтобы убить бога. Бог подставил под стрелу рыбу окровавленная стрела упала вниз, и Нимврод решил, что он убил бога.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

1. Зачем два меча? Это непонятно из текста. Был ли волшебным другой меч или один этот? Именно им Басат убивает Темяглаза.
2. «*Солнце полудня*» — фольклорная топонимия Карабаха.

3. В оригинале символические имена отца и матери явно перепутаны: Басат был выкормлен львицей, а дерево — мужской тотем рода Аруза.

4. В оригинале «твою голову в кафской шапке». Кафа — древний генуэзский город в Крыму (Феодосия), есть вариант перевода этой фразы «в папахе, крашенной хной». Эти подробности представляются несущественными.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

1. Шляк — нож с кривым клинком, носившийся за голенищем сапога.
2. Бахадур — богатырь.
3. Весь этот стих — дразнилка, и поэтому такие необычные антитезы.
4. По мусульманской легенде, архангел Гавриил прикоснулся крылом к огню, в который был брошен Авраам, и огонь обратился в цветник.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

1. Ширёгёвез — местность под Карсом, Гекча Дениз — озеро Севан.
2. В переводе слово «алп» оставлено (витязей).
3. Дерё-Шам — местность между Нахичеванью и Джульфой.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

1. Строки «В семь десятков тысяч войско...» — в оригинале дрезденской рукописи нет. Не исключено, что она пропущена переписчиком рукописи. Никакой логики в пропуске последовательности счета нет. С отсутствием этой строки появляется сбой нарастающего ритма в подсчете войск, что не соответствует внутренним поэтическим законам памятника.

В турецком издании эпоса MILLI EGİTİM BASIME VI — ISTANBUL 1976 — «Деде Коркут Хикайелери» — в переводе Орхана Шаика Геккяйя на стр. 224 эта строка есть и записана так: yetmiş bin er yadı gıordümse yetişmedim.

У переводчика «Деде Коркута» на английский язык Джеффри Левиса эта строка также есть и записана так: «When i saw eightys thousand enemies I castigated them» [PENGUIN BOOKS 1974, 1982].

2. Айя-София — кроме знаменитого Константинопольского собора, так назывались и другие христианские храмы, монастыри. Скорее всего, имеется в виду какой-либо храм вблизи крепости Туманын.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Отдавать на разграбление дом — словесное обозначение обычая, отражавшего право родового коллектива на индивидуальную собственность его членов, осуществляемое в виде периодических переделов имущества вождя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Х. Короглы. О книге и ее создателях	5
Алла Ахундова Слово переводчика	15
Предпослание	18
Песнь первая	
О сыне Дирсе-хана, о Бугач-хане поведает	24
Песнь вторая	
О разорении дома Салура Казана поведает	40
Песнь третья	
О сыне Байбуры-бека, о Бамси-Бейреке поведает	60
Песнь четвертая	
О пленении сына Казан-бека Уруза поведает	92
Песнь пятая	
О сыне Духа-Коджа о Дели-Домруле поведает	112
Песнь шестая	
О сыне Канлы-Коджа о Кан-Туралы поведает	124
Песнь седьмая	
О сыне Казылык-Коджа о Егенеке поведает	144
Песнь восьмая	
О том, как Басат убил Темяглаза, поведает	154
Песнь девятая	
О сыне Бегиля Эмрене поведает	168
Песнь десятая	
О сыне Ушун-Коджа, о Секреке поведает	180
Песнь одиннадцатая	
О Казан-хана пленении и о сыном его Урузом спасении поведает	194
Песнь двенадцатая	
Об отложении Дальних огузов от Ближних огузов и убиении Бейрека поведает	208
Примечания переводчика	218

This is a book of legends and stories about Oghuzes, which have been the bases for creating the heroic Oghuz epos 'Kitabi dada Gorgud' — 'The book of our father Gorgud' — the first wonderful literary monument of Azerbaijanian people.

The book includes twelve legends — oghuznama and conventionally called 'Drezden manuscript' as it has been kept in Drezden. This marvellous epos has won world fame for its high — mineded, rich, splendid themes and for its language peculiarities.

Редактор
ДИЛЯРА ИСКЕНДЕРОВА
Художник
Э. МАМЕДОВ
Художественный редактор
Э. ЛАЗЫМОВ
Технический редактор
Н. АЛИЕВА
Корректор
Т. КЯЗИМОВА

ИБ № 2968

Сдано в набор 3.06.1988 г. Подписано к печати 10.07.1989 г. Формат бумаги 84х х108 1/16. Бумага мелованная и офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Уч. изд. л. 32,37. Тираж 30000. Заказ № 388. Цена на мелов. бумаге 9 руб. 40 коп, на офсет. бумаге 5 руб. 60 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Издательство „Язычы“. 370005, Баку, площадь Натаван, 1.

Московская типография № 6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

Китаби—дәдә Горгуд
[ГӘДИМ ГӘҤРӘМАНЛЫГ ЕПОСУ]

Бакы. 1989.